

15878.

IX, 979.

1888.

1895.

Гимназія

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ФИЛОЛОГИИ И ПЕДАГОГИИ

Годъ VIII

Августъ 1895 ХСII

Содержаніе

1. Н. Короваевъ, Тифлисъ. Кто былъ авторомъ романа «Сатириконъ».
2. Г. Зоргенфрей, СПБ. Понятіе о литературовѣдѣніи и его задачахъ.
3. Е. В., Ревель. Содержаніе I Олинской рѣчи Демосоена.
4. Маркъ Туллій Цицеронъ. Рѣчь за Мурену. Перевелъ съ лат. яз. П. Черняевъ, Царицынъ.
5. Ф. Штадельманъ. Воспитаніе и обученіе у древнихъ грековъ и римлянъ. Пер. съ нѣм. А. Нейфельдъ, Хортица. Стр. 17—32.
6. П. Вракенгеймеръ, Одесса. Школьница рѣчи. I. Работа въ школахъ.
7. Объявленія.

Сотрудники „Гимназій“

- Ахтырка. П. Квицинскій (прог.).
 — В. Покровский (дир. пр.).
 Балтійскій-Портъ. Сваци, I. Регема.
 Вахмутъ. Л. Гиттерманъ.
 Болховъ. М. Лисицынъ (б. пр. г.).
 Вѣла. Е. Гомеровъ (гимн.).
 — Р. Киричинскій (гимн.).
 Варшава. И. Ельсинъ.
 — В. Истоминонъ (дир. гимн.).
 Витебскъ. В. Тычининъ (дух. уч.).
 Воронежъ. С. Николаевъ (гимн.).
 Вязьма. И. Виноградовъ (г.).
 Владивостокъ. К. Котельниковъ (прог.).
 Глуховъ. М. Демковъ (учит. инст.).
 Екатеринбургъ. Г. Бергъ (гимн.).
 Екатеринославъ. П. Козловскій (р.у.).
 Елабуга. В. Павловскій (дир. р. у.).
 Елецъ. П. Первовъ (гимн.).
 Елисаветградъ. Н. Марковъ (р. уч.).
 Измаилъ. Ю. Стонигъ (дир. прог.).
 Казань. Г. Горгаловъ (г.).
 — Д. Нагуевскій (проф. ун.).
 — П. Чернаевъ (г.).
 Калуга. Ф. Штифартъ (гимн.).
 — Д. Любимовъ (г.).
 Каменецъ-Подольскъ. М. Гринчакъ (г.).
 Карачевъ. А. Овсянниковъ (прог.).
 Кіевъ. А. Степовичъ (дир. К. П. Г.).
 — С. Воскресенскій (гимн.).
 — И. Корольковъ (проф. дух. ак.).
 — Я. Мищенко (г.).
 — А. Юркевичъ (б. уч. гимн.).
 — А. Ярешъ (К. П. Г.).
 — Г. Александровскій (ж. г.).
 Коломна. Е. Крыловъ (г.).
 Кутаисъ. С. Боршевскій (г.).
 Лодзь. А. Шумейко (гимн.).
 Лубны. С. Чемодовъ (г.).
 Люблинъ. В. Дмитріевскій (г.).
 — В. Эустаховичъ (г.).
 Москва. В. Аппельротъ (пр.-д. ун.).
 — Л. Поливановъ (дир. гимн.).
 — И. Семеновъ.
 — Г. Фишеръ (гимн.).
 — Э. Черный (г.).
 — В. Шенрокъ (гимн.).
 Николаевъ. А. Солонию (гимн.).
 Новый Бугъ. А. Крыловъ (дир. уч. с.).
 — И. Успенскій (уч. с.).
 Нѣжинъ. А. Кузнецовъ (инст.).
 Одесса. П. Бракенгеймеръ (гимн.).
 — А. Григорьевъ (прог.).
 — П. Ладновъ (прог.).
 — М. Подруженко (пр.-д. ун.).
 — А. Флеровъ (г.).
 Омскъ. К. Ельницкій (кад. к.).
 Острогжскъ. К. Турчаковскій (д. пр.).
 Пенза. П. Горницкій (гимн.).
 Полангенъ. П. Пользинскій (прог.).
 — М. Преображенскій (прог.).
 Радомъ. Е. Киричинскій (г.).
 Ревель. Е. Ветнекъ (г.).
 — И. Кальнинъ (г.).
 Ревель. Н. Кораблевъ (гимн.).
 — М. Крыгинъ (г.).
 — И. Сиполь (г.).
 — Н. Херасковъ.
 — Е. Шмидтъ ф.-д.-Лауницъ (г.).
 — Г. Янчевецкій (дир. г.).
 Рига. В. Зайцъ (р. уч.).
 — И. Желтовъ (б. уч. г.).
 — С. Кузнецовъ (г.).
 — Прот. Н. Лекаревъ (г.).
 Рыбинскъ. Н. Беригинъ (гимн.).
 Рыльскъ. Д. Муравьевъ (пр.).
 Рязань. П. Коцевольскій (г.).
 Слуцкъ. М. Крашенинниковъ (г.).
 Смоленскъ. С. Блажеевскій (г.).
 — М. Дроздовъ (дух. сем.).
 — Г. Лобовиковъ (р. уч.).
 С.-Петербургъ. Ю. Верещагинъ (г.).
 — С. Гинтовъ (г.).
 — А. Григорьевъ (г.).
 — А. Желобовскій (г.).
 — Г. Зоргенфрей (г.).
 — И. Киприановичъ (г.).
 — В. Кораблевъ.
 — В. Латышевъ.
 — А. Маленинъ.
 — А. Образцовъ (г.).
 — Н. Санчурскій (окр. инсп.).
 — В. Сланскій.
 — А. Филоновъ (б. дир. г.).
 — Х. Шванебахъ (б. дир. р. у.).
 — Д. Янчевецкій.
 — В. Янчевецкій.
 Ставрополь. Н. Кузнецовъ (г.).
 — Г. Дорофеевъ (г.).
 Сувалки. О. Вабиеръ (г.).
 — А. Толдубьевъ (г.).
 Сумы. Л. Горкевичъ (г.).
 Таганрогъ. А. Громачевскій (дир. г.).
 Ташкентъ. И. Любомірскій (г.).
 Тверь. Н. Овсянниковъ (б. дир. г.).
 Тифлисъ. Е. Богословскій (гимн.).
 — М. Зданевичъ (г.).
 — А. Приседковъ (гимн.).
 — Э. Фехнеръ (г.).
 Троицкъ. М. Вукъ (г.).
 — И. Тихомировъ (дир. г.).
 Тула. Прот. А. Ивановъ (гимн.).
 Усть-Медвѣдица. Н. Боголюбовъ (г.).
 Харьковъ. М. Знаменскій (дир. г.).
 — В. Краевскій (г.).
 — А. Петровъ.
 — Н. Сумцовъ (проф. ун.).
 — В. Харцлевъ (г.).
 Холмъ. В. Ипатовъ (гимн.).
 Хортица. А. Нейфельдъ (зав. центр. уч.).
 Черниговъ. А. Тиховъ (гимн.).
 Царицынъ. Е. Арбатскій (гимн.).
 — А. Горбатовъ (г.).
 — П. Чернаевъ (гимн.).
 Царское-Село. С. Цыбульскій (гимн.).
 Эриванъ. В. Романовскій (гимн.).
 Феодосія. Ю. Галабутовъ (г.).

Гимназія

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ФИЛОЛОГИИ И ПЕДАГОГИИ

In primis, ut tenerae mentes tracturaeque altius, quicquid rudibus et omnium ignaris insederit, non modo, quae diserta, sed vel magis, quae honesta sunt, discant. Ceteris, quae ad eruditionem modo pertinent, longa aetas spatium dabit. Quint. inst. or. I, 8.

ГОДЪ VIII

ХСII

1895

Ревель

Печатано въ типографіи «Ревельскихъ Извѣстій»

RIESENHUTZ

EMERSON'S WORKS

WILSON & GORHAM

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS
1895

Доволено цензурою. — Ревель, 16-го сентября 1895 года.

1895

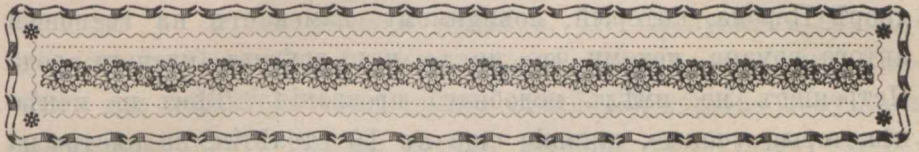

65.639

1895

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

Кто был автором романа „Сатириконъ“.

(Разсужденіе pro venia legendi.)

Н. Короваевъ.

Романъ Сатириконъ,¹⁾ который дошелъ до насъ въ фрагментарномъ видѣ, приписывается всеми древними писателями, упоминавшими объ этой книгѣ, Петронію Арбитру. Но если мы будемъ доискиваться, кто былъ этотъ Петроній Арбитръ и когда онъ жилъ, то мы найдемъ мало указаній. Родъ Петроніевъ,²⁾ какъ мы знаемъ изъ исторіи и надписей, былъ очень великъ. Намъ извѣстны уже изъ времени Августа три Петронія. Послѣдній представитель этого рода, о которомъ упоминаетъ исторія, былъ въ 719 году аббатомъ монастыря въ Монте-Кассино.³⁾ Древнѣйшіе издатели Сатирикона принимали Петронія Арбитра за то самое лице, о которомъ упоминаетъ Тацитъ.⁴⁾ Они, повидимому, были совершенно справедливы, потому что авторъ Сатирикона, на сколько можно о немъ судить по дошедшимъ фрагментамъ, весьма напоминаетъ К. Петронія Тацита. Притомъ знаменитый историкъ, характеризуя своего Петронія, придаетъ ему эпитетъ *arbiter elegantiae* при

¹⁾ Правильное заглавіе этого романа, по сличенію рукописей, есть *Satirae*. См. предисловіе P. Arb. *Satirarum reliquiae ex recens. Francisci Buecheleri. Berolini. MDCCCLXII.*

²⁾ и ³⁾ См. длинный списокъ рода Петроніевъ въ изданіи Бурманна 1719 г. Стр. 277—279.

⁴⁾ *Ann lib. XVI, c. 17—20.*

дворѣ Нерона, который, повидимому, намекаетъ на согномен автора романа, потому что никто изъ другихъ членовъ рода Петроніевъ не имѣлъ подобнаго прозванія. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые ученые, жившіе еще въ 16 столѣтіи, не смотря на такое поразительное сходство, начали высказывать сомнѣніе относительно тождественности этихъ двухъ лицъ. Такъ, извѣстный Питу⁵⁾, которому мы обязаны открытіемъ Федра, опредѣляя личность автора Сатирикона, повторяетъ общепринятое мнѣніе уже съ нѣкоторымъ колебаніемъ: *Aut valde conjectura fallit, aut hic ipse est Petronius, de quo Tacitus libro Ann. XVI scribit.* Въ то же самое время Самбукъ⁶⁾ въ своемъ изданіи Петронія 1575 отыскиваетъ въ самомъ Сатириконѣ нѣкоторые историческія указанія, которыя заставили его отнести Петронія ко времени Галліена. Съ подобною недовѣрчивостью къ этому мѣсту Тацита отнесся также Липсій въ комментаріяхъ къ своему изданію. Съ этихъ поръ начинается огромная полемика. *Quaestiones Petronianae*, возникая одна за другой, становятся яблокомъ раздора между учеными до самаго послѣдняго времени. Между тѣмъ какъ одни, относя Петронія ко времени Нерона, смѣшиваютъ его съ Петроніемъ Турпилианомъ, который былъ легатомъ въ Британіи, и затѣмъ казненъ въ 69 году въ правленіе Гальбы⁷⁾, другіе относятъ его ко времени М. Антонина (брата Валы и Игнара) или даже ко времени Константина (Стагилій). Наконецъ, нѣкоторые забавнымъ образомъ смѣшали этого сатирика съ епископомъ Болонскимъ⁸⁾, который умеръ уже въ 5 ст. и былъ причисленъ папою къ лику святыхъ. Надобно думать, что авторъ Петроній едва ли могъ ожидать, чтобы вѣрующіе обратились къ нему когда нибудь съ просьбою: «*Sancte Petroni, ora pro nobis.*». Извѣстный издатель Петронія Бурманнъ находитъ, что авторъ Сатирикона жилъ, быть можетъ, еще во время

⁵⁾ T. P. Arb. Satiricon. Excudebat Mercerus. 1629. Genevae. De Petr. et ejus scriptis Petri Pithoci, p. 30.

⁶⁾ Ibid. Petr. Arb. vita, p. 28.

⁷⁾ Tac. Ann. XIV, 29, 39. Hist. I, 6, 37.

⁸⁾ Petr. Arb. Satiricon. Mercerus, p. 7.

Августа⁹⁾. Этотъ ученый думаетъ, что Сатириконъ не принадлежалъ Петронію, но былъ только озаглавленъ этимъ именемъ для характеристики самаго сочиненія, подобно тому какъ поваренная книга Аниція носитъ заглавіе извѣстнаго гастронома, и двустишія Катона приписываются знаменитому цензору нравовъ, хотя ни тотъ, ни другой не были авторами этихъ книгъ. Наконецъ, чтобы охарактеризовать все разнообразіе взглядовъ на личность Петронія, я укажу еще на Бернгарди, по мнѣнію котораго фрагменты Сатирикона имѣли многихъ авторовъ, по всей вѣроятности, жившихъ около времени Александра Севера¹⁰⁾. Такимъ образомъ мнѣнія ученыхъ относительно времени, въ которое жилъ Петроній, разнятся ровно на 4 столѣтія.

Не менѣе было споровъ между учеными относительно содержанія Сатирикона и той цѣли, которую имѣлъ авторъ при составленіи своего сочиненія. Испанецъ Гонзаліо де Салаясъ, написавшій огромные комментаріи къ своему изданію Петронія, пытался провести параллель между дѣйствующими лицами Сатирикона и современниками Нерона. По его мнѣнію, въ лицѣ Тримальхіона изображенъ самъ Неронъ, въ лицѣ Фортунаты — вольноотпущенница Акте, а болтунъ Агамеионъ имѣлъ свой первообразъ въ философѣ Сенекѣ. Другіе видѣли въ Тримальхіонѣ стараго Клавдія, въ Фортунатѣ Агриппину и т. д.¹²⁾ Досаточно одного уже этого противорѣчія, чтобы усумниться въ справедливости обоихъ мнѣній; если же мы захотимъ въ самомъ дѣлѣ въ Тримальхіонѣ видѣть Клавдія или Нерона, то такая попытка осязательно покажетъ всю нелѣпость подобной догадки, даже при самомъ поверхностномъ чтеніи Сатирикона. Не смотря на то, даже въ сравнительно недавнее время Г. де Герль¹²⁾

⁹⁾ См. Praefatio къ изд. Бурманна.

¹⁰⁾ Roemische Litteraturgesch. S. 333. Впрочемъ, въ слѣдующихъ изданіяхъ Римск. Литературы Бернгарди видоизмѣнилъ это мнѣніе.

¹¹⁾ См. изд. Бурм. Don. Josephi Antonii Gonsalii de Salas ad T. Petr. Anb. Sat. Praelulia. p. 286—301.

¹²⁾ Oeuvres complètes de Petr. par M. Heguin de Guerle. Paris. 1862. p. V.

высказалъ мнѣніе, что въ лицѣ Трималхіона авторъ хотѣлъ представить Тигеллина, а въ пиршествѣ Трималхіона онъ пародировалъ знаменитую оргію Нерона на прудѣ Агриппы, которой главнѣйшимъ распорядителемъ былъ этотъ знаменитый временщикъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ, Петроній имѣлъ цѣлью въ своемъ произведеніи заклеить пятномъ позора низкіе пороки и заблужденія людей,¹³⁾ между тѣмъ какъ другіе смотрятъ на Сатириконъ, какъ на простой юмористическій романъ, въ родѣ Варроновской сатиры, въ которомъ авторъ въ роли дѣйствующаго лица изображаетъ окружающую его жизнь. Этотъ взглядъ, въ новѣйшее время наиболѣе распространенный, тѣмъ правдоподобнѣе, что совершенно согласенъ съ мнѣніемъ Макробія,¹⁴⁾ которое для насъ въ этомъ случаѣ очень важно, потому что Макробій, надобно думать, читалъ Сатириконъ не въ столь фрагментарномъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до настоящаго времени. Согласно съ этимъ взглядомъ, хотя мы видимъ въ Петроніи автора, позволившаго себѣ нѣсколько снизить съ того нравственнаго уровня созерцанія, на которомъ долженъ стоять правоописательный поэтъ, тѣмъ не менѣе въ «его цинической груди билось благородное сердце» и онъ неоспоримо возвышался надъ окружающею его средою. Впрочемъ, я далекъ считать его тѣмъ *sanctissimum virum*, за котораго выдаетъ его Бурманнъ.¹⁵⁾

При такомъ разнорѣчій относительно времени жизни Петронія и содержанія его произведенія, вздумали искать критеріума для своихъ сужденій въ языкѣ Петронія. Но тутъ сначала дѣло осложнилось еще больше, потому что его языкъ не всегда одинаковъ; напротивъ того, въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ онъ явно переходитъ въ говоръ грубой черни. Послѣ этого неудивительно, что въ сужденіи о стилѣ Петронія опять встрѣтимся съ самыми противорѣчивыми выводами ученыхъ. Въ

¹³⁾ T. P. Arb. Sat. Exord. Mercerius.

¹⁴⁾ Ibid. Prolegomena, p. 5.

¹⁵⁾ См. пред. къ его изд.

то время какъ Дузо,¹⁶⁾ Питу,¹⁷⁾ Бурманнъ¹⁸⁾ и Шмидтъ¹⁹⁾ считаютъ его языкъ совершенно чистымъ и изящнымъ, наминавшимъ языкъ золотого вѣка, другіе²⁰⁾ указывали на слова и выраженія, которыя можно встрѣтить только въ средневѣковой латыни, на словообразованіе, издѣвающееся надъ всякими грамматическими правилами и приводили изъ Петронія не только итализмы и галлицизмы, но даже гебраизмы.

Среди этого хаоса противорѣчивыхъ мнѣній, изъ которыхъ не одно не имѣло твердой точки опоры, во послѣднее время нѣкоторые ученые, не находя возможности вывести какія либо положительныя данныя изъ скудныхъ указаній древнихъ римскихъ писателей, стали искать въ самомъ Сатириконѣ историческихъ намековъ, по которымъ можно бы было догадаться о времени и личности Петронія. Возможность достигнуть этимъ путемъ положительныхъ результатовъ уже предвидѣлъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія ученый Игнацца (de Palaestra Neapolitana p. 205), который по этому поводу высказалъ слѣдующее: «Atqui dum satagimus certioribus aetatem Petronii definire limitibus, eccur non potius in res, quae ab eo describuntur, quam in verba conjecerimus oculos? Sane quaestio profligata foret, si erui e Petronio darentur historici aliquot characteres, qui sic uni seculo conveniant, ut alteri nequeant aptari.» Другой Неаполитанскій ученый Янелли (Codex Perottinus, t. II, p. 230 sqq.), оспаривая выводы своего соотечественника, успѣлъ установить еще болѣе правильный взглядъ на рѣшеніе занимающихъ насъ вопросовъ. Наконецъ, швейцарецъ Штудеръ, оцѣнивая изысканія своихъ предшественниковъ, подтвердилъ добытые ими результаты новыми указаніями.²¹⁾ вмѣстѣ съ тѣмъ для укрѣпленія своихъ выводовъ Штудеръ прибѣгъ къ анализу языка Петронія, строго отдѣлилъ тѣ части романа, въ которыхъ авторъ упо-

¹⁶⁾ Burm. I. II. Iani Dousae Praecidanca.

¹⁷⁾ T. R. A. Sat. Exe. Mercering. P. Pithocide Petr. p. 29.

¹⁸⁾ Burm. Praefatio.

¹⁹⁾ Wien. Jahrb. 1824. Th. 2, S. 49.

²⁰⁾ Burm. I. II. Hadr. Valessi Dissertatio de coena Trim. p. 317. seqq.

²¹⁾ Rhein. Museum f. Philologie. Neue Folge. I Jahrg. 1842. Стр. 50—92 и 202—223.

требляетъ языкъ образованнаго класса людей, отъ тѣхъ, въ которыхъ онъ, сообразно своимъ цѣлямъ, приводитъ языкъ низшихъ слоевъ общества. Это изслѣдованіе въ совокупности съ тѣми историческими признаками, которые удалось ему найти въ самомъ романѣ, привело Штудера къ непоколебимому убѣжденію, что Сатириконъ есть произведеіе времени Нерона, и что авторъ его именно есть то лицо, о которомъ упоминаетъ Тацитъ.

Между тѣмъ какъ вырабатывалась эта теорія, неожиданно былъ открытъ новый памятникъ, который оказалъ рѣшительное вліяніе на нѣкоторыхъ ученыхъ. При виллѣ Памфили, недалеко отъ Неаполя, нашли въ 1810 г. при очисткѣ мусора мраморную плиту, на которой между прочимъ были вырѣзаны имена трехъ лицъ Encolpus, Fortunata, Apelles, которые присутствовали на пиршествѣ Трималхіона. (Orelli, Coll. Inscr. Lat. I. p. 257.) Знаменитый Нибуръ, разсматривая эту надпись, отнесъ ее по языку и орфографіи къ половинѣ 3 стол. и, исходя изъ той мысли, что это сходство именъ надписи и дѣйствующихъ лицъ Сатирикона вовсе не случайно, вывелъ заключеніе, что Сатириконъ долженъ быть изданъ во время Александра Севера²¹⁾.

Такимъ образомъ между всеми этими противоположными сужденіями о Петроніи въ послѣднее время выдѣлились два взгляда, которые по своей выработанности и законченности исключаютъ по крайней мѣрѣ возможность появленія новой теоріи. Въ настоящемъ очеркѣ имѣя въ виду изложить теорію Штудера, я коснусь также мнѣнія Нибуръ и его защитниковъ, на сколько найду необходимымъ для рѣшенія нашего вопроса. Съ этою цѣлью я предполагаю сначала разсмотрѣть свидѣтельства Римскихъ писателей о Петроніи и провѣрить тѣ данныя, которыя заимствованы для опредѣленія его времени изъ содержанія Сатирикона, наконецъ перейду къ обзорѣню результатовъ изслѣдованій надъ языкомъ этого романа.

²¹⁾ Kleine hist. Schriften. Стр. 337 и сл.

I.

Начиная обзоръ указаний, дошедшихъ до насъ отъ древнихъ авторовъ, я для большаго удобства читателя приведу ихъ въ полномъ видѣ, чтобы легче было провѣрять, на сколько мнѣнія разныхъ ученыхъ соотвѣтствуютъ правильному пониманію цитируемыхъ мѣстъ. Первымъ по времени и важнѣйшимъ свидѣтелемъ о личности Петронія мы должны привести Тацита²³), который представилъ, хотя краткую, но мѣткую и блестящую характеристику, повидимому, того самого Петронія, который былъ авторомъ Сатирикона.

с. 17. *Paucos quippe intra dies eodem agmine Annaeus Mela, Cerialis Anicius, Rufrius Crispinus, C. Petronius cecidere.*

с. 18. *De C. Petronio pauca supra repetenda sunt. Nam illi dies per somnum, nox officii et oblectamenti vitae transigebatur; utque alios industria, ita hunc ignavia ad famam protulerat, habebaturque non ganeo et profligator, ut plerique sua haurientium, sed erudito luxu. Ac dicta factaque ejus quanto solutiora et quandam sui negligentiam praeferentia, tanto gratius in speciem simplicitatis accipiebantur. Proconsul tamen Bithyniae et mox consul vigentem se ac parem negotiis ostendit. Dein revolutus ad vitia, seu vitiorum imitatione, inter paucos familiarium Neroni adsumptus est, elegantiae arbiter, dum nihil amoenum et molle affluentia putat, nisi quod ei Petronius adprobavisset. Unde invidia Tigellini quasi adversus aemulum et scientia voluptatum potioem. Ergo crudelitatem principis, cui ceterae libidines cedebant, adgreditur, amicitiam Scaevini Petronio obiectans, corrupto ad indicium servo ademptaque defensione et maiore parte familiae in vincla rapta.*

с. 19. *Forte illis diebus Campaniam petiverat Caesar, et Cumas usque progressus Petronius illic attinebatur. Nec tulit ultra timoris aut spei moras. Neque tamen praeceps vitam expulit, sed incisas venas, ut libitum, obligatas aperire rursus et alloqui amicos, non per seria aut quibus gloriam constantiae peteret. Audiebatque referentes nihil de immortalitate animae et sapientium placitis, sed levia carmina et faciles versus. Servorum alios largitione, quosdam*

²³) Ann. XVI. c. 17—20.

verberibus affecit. Iniit et epulas, somno indulsit, ut quamquam coacta mors fortuitae similis esset. Ne codicillis quidem, quod plerique pereuntium, Neronem aut Tigellinum aut quem alium potentium adulatus est; sed flagitia principis sub nominibus exoletorum feminarumque et novitatem cuiusque stupri perscripsit atque obsignata misit Neroni. Fregitque anulum, ne mox usui esset ad facienda pericula.

с. 20. Ambigenti Neroni quonam modo noctium suarum ingenia notescerent, offertur Silia, matrimonio senatoris haud ignota et ipsi ad omnem libidinem adscita ac Petronio perquam familiaris. Agitur in exilium, tamquam non siluisset, quae viderat pertuleratque, proprio odio».

Выраженіе Тацита flagitia principis sub nominibus exoletorum feminarumque... perscripsit, характеризующее это сочиненіе, которое К. Петроній послалъ передъ смертью къ Нерону, повидимому вполнѣ исчерпываетъ содержаніе Сатирикона, потому что, какъ мы назовемъ большую часть дѣйствующихъ лицъ Сатирикона, Энкольпія, Асцильта, Гитона, Эвмольпа, Квартиллу, Трифену и Цирцею, если не развратниками? и чѣмъ другимъ наполненъ весь романъ, за исключеніемъ фрагмента, найденнаго въ Тровѣ въ 1662 г., какъ не изображеніемъ flagitia, если подъ этимъ словомъ разумѣть низкій развратъ, въ которомъ проявляется главнѣйшимъ образомъ дѣятельность героевъ и героинь романа? Остается только доказать, что всѣ эти дѣйствующія лица выведены на сцену съ побочною цѣлью охарактеризовать низости и гнусный развратъ самаго Нерона, и тогда, повидимому, вопросъ будетъ окончательно рѣшенъ. Но попытка подобнаго рода Гонзаліо де Саласъ окончилась крайне неудачно. Слабый по природѣ, покорный женѣ и рабамъ, Тримальхіонъ давно уже позабылъ о тѣхъ средствахъ, которыми онъ успѣлъ нѣкогда вкрасться въ милость своего господина. Теперь онъ довѣрчиво относится къ окружающимъ его лицамъ и настолько близорукъ, что принимаетъ за чистую монету низкую лесть разныхъ негодяевъ. Разумѣется, эти господа не пропускаютъ случая обращать его снисходительность въ свою пользу. Но за то

онъ, нажившись щедростью своего господина и удачными торговыми оборотами, можетъ теперь разыгрывать роль ловкаго свѣтскаго челоуѣка, который умѣетъ взяться за каждое дѣло, умѣетъ поговорить обо всемъ, какъ будто все ему приходилось нѣкогда изучать и узнать на опытѣ. Претендуя на остроуміе, онъ обнаруживаетъ таланты знатока искусства (Sat. с. 52), чувствительнаго поэта (55), тонкаго археолога (51, 56), сообразительнаго математика (39), мудрствующаго философа (56), краснорѣчиваго оратора (48) и мелодическаго пѣвца. За все эти таланты онъ пользуется, разумѣется, общими похвалами, хотя для каждаго очевидны его слабыя стороны, недостатокъ образованія и тѣ смѣшныя промахи, которые онъ дѣлаетъ на каждомъ шагу. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли проводить параллель между этимъ старымъ и хвастливымъ вольноотпущенникомъ и блестящею, тиранническою, изобрѣтательною въ порокахъ и преступленіяхъ личностью молодого Цезаря?! Впрочемъ, мы можемъ отказаться отъ попытки подобнаго рода, тѣмъ болѣе, что точный смыслъ словъ Тацита, повидимому, не обязываетъ насъ искать между дѣйствующими лицами романа замаскированнаго Цезаря. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ оскорбился Цезарь, когда прочиталъ сочиненіе Петронія? Встрѣтилъ ли въ немъ свой образъ, свои тайныя и задушевные мысли, упреки за убійство родственниковъ и друзей, за пожаръ въ Римѣ и другія т. п. flagitia, которыя, по мнѣнію Феррарія²⁴⁾ и Статилія²⁵⁾, должны необходимо занять главную и существенную часть сочиненія? Едва-ли! По крайней мѣрѣ мы не можемъ, основываясь на точномъ пониманіи словъ Тацита flagitia principis — perscripsit, подразумѣвать подъ этими словами тѣ низкія и недостойныя дѣянія Нерона, которыя намъ извѣстны изъ исторіи. Лучше обратимся къ самому Тациту и поищемъ, не проговаривается ли онъ еще гдѣ-нибудь относительно содержанія сочиненія Петронія. Прямымъ объясненіемъ этого мѣста служатъ слѣдующія слова Тацита:

²⁴⁾ Electr. I, 7.

²⁵⁾ Burm. I, II. Statilei Apologia p. 342.

Ambigenti Neroni, quonam modo noctium suarum ingenia notescerent, offertur Silia etc. Нерона задѣло за живое при чтеніи сочиненія Петронія только то, что его тайный ночной развратъ, который онъ считалъ никому неизвѣстнымъ, сокрытымъ отъ взоровъ любопытныхъ непроницаемымъ покровомъ ночи и вѣрностью слугъ, былъ обнаруженъ и могъ сдѣлаться достояніемъ стоустой молвы. Если мы найдемъ въ Сатирикѣ изображеніе этихъ ночей Цезаря, тогда нельзя будетъ не признать тождества этого романа съ сатирою, посланною Петроніемъ къ Нерону. Такія указанія на эти ночи находятъ Штудеръ въ слѣдующихъ мѣстахъ Сатирика: с. 16. Психея говоритъ: «Ego sum ancilla Quartillae, cuius vos sacra ante cryptam turbastis. Ecce ipsa venit ad stabulum petitque ut vobiscum loqui liccat. Nolite perturbari»; затѣмъ сама Квартилла, с. 17: «Misereor medius fidius vestri; neque enim impune quisquam quod non licuit, aspexit. Utique nostra regio tam praesentibus plena est numinibus, ut facilius possis deum quam hominem invenire»; далѣе: «ne scilicet juvenili impulsu licentia quod in sacello Priapi vidistis, vulgetis deorumque consilio proferatis in populum. Protendo igitur ad genua vestra supinas manus petoque et oro, ne nocturnas religiones jocum risumque faciatis, neve traducere velitis tot annorum secreta, quae mystae vix omnes noverunt». Эти nocturnae religiones in Sacello Priapi, которыхъ случайными зрителями ante cryptam были Экольпій и Асцильтъ, по мнѣнію Штудера, должны быть описаны авторомъ въ той недошедшей до насъ части романа, которая находилась между 15 и 16 главами, потому что служанка Квартиллы въ гл. 16 называется «illa quae paulo ante cum rustico steterat», съ чѣмъ онъ сравниваетъ гл. 12: «rusticus quidam familiaris oculis meis, cum muliercula comite propius accessit». Изъ этихъ мѣстъ Сатирика Штудеръ выводитъ очень правдоподобное заключеніе, что nocturnae religiones, о которыхъ упоминается въ этихъ отрывкахъ, находились въ связи съ тѣми постес, тайна которыхъ къ величайшему изумленію Нерона достигла ушей Петронія ²⁶).

²⁶) Rhein. Mus. I. Стр. 60.

Но Гадрианъ Валуа²⁷⁾ въ своей диссертациі о фрагментѣ, найденномъ въ Травѣ, заподозрилъ это мѣсто въ другомъ отношеніи. Во 1-хъ, онъ утверждаетъ, что Петроній Тацита имѣлъ прозваніе Caius, между тѣмъ какъ авторъ Сатирикона въ рукописяхъ называется Titus. Кромѣ того Тациту не было извѣстно прозваніе Петронія Arbiter, которое постоянно придается автору Сатирикона въ рукописяхъ и древними комментаторами. Что касается до прозваній, то относительно его мы находимъ противорѣчіе даже между самими древними писателями, если только они говорятъ объ одномъ и томъ же лицѣ. Въ противномъ случаѣ это противорѣчіе, вѣроятно, произошло по винѣ переписчиковъ. Повидимому, того самого Петронія, который былъ некогда проконсуломъ Виѣиніи, а потомъ консуломъ, называетъ Плиній Titus,²⁸⁾ у Плутарха²⁹⁾ мы читаемъ Τίτος, у схолиаста Ювенала³⁰⁾ — Publius, наконецъ въ другомъ мѣстѣ Тацита³¹⁾ прозваніе вовсе пропущено. Напротивъ, въ цитатахъ грамматиковъ, въ рукописяхъ, въ Венеціанскомъ editio princeps 1499 г. къ имени Петронія или Арбитра совсѣмъ не приставляется никакого прозванія. Последнее появилось въ первый разъ только у позднѣйшихъ издателей, которые къ имени Петронія присоединяли С. или Т., смотря потому, слѣдовали ли они Тациту или Плинію. Серьезнѣе возраженіе относительно cognomen Arbiter. Но откуда Валуа заключилъ, что это cognomen не было извѣстно Тациту? Очевидно этому возраженію мы не можемъ придавать фактическое значеніе, котораго оно вовсе не имѣетъ. Петроній могъ получить это cognomen при дворѣ Нерона, а потомъ оно съ теченіемъ времени перешло въ отличительное прозваніе. Въ выраженіи же Тацита arbiter elegantiae мы видимъ случайное объясненіе того прозванія, подъ которымъ Петроній сталъ извѣстенъ своимъ современникамъ и ближайшему потомству.³²⁾ Наконецъ намъ

27) Burm. I. II. Hadriani Valerii Decena Trimalcionis dissertatio, p. 321.

28) Naturalis Historiae lib. XXXVII, II, 7.

29) De discrimine adulatoris et amici, c. XIX.

30) VI, 638.

31) Ann. XVI, c. 17.

32) Rhein. Mus. I. Ueber d. Zeitalt. d. P. Ar. Стр. 57.

известно, что *cognomen Arbitr* было употребительно у Римлянъ, такъ напр. мы встрѣчаемъ въ Казинской надписи *L. Lucius L. I. Arbitr*. (*Inscr. Neap. Mommseni* n. 4279.)

Во 2-хъ, Валуга удивляется, почему никто изъ римскихъ авторовъ не говоритъ ни слова объ отношеніяхъ Петронія къ Нерону, о его дружбѣ съ нимъ и наконецъ о насильственной смерти, послѣдовавшей по приказанію Цезаря? Но это обстоятельство объясняется очень просто. Петронія упоминаютъ по большей части грамматики, интересовавшіеся вовсе не его личностью, а цитируемымъ мѣстомъ, которое они и отмѣчаютъ простымъ именемъ Петронія, подобно тому какъ они поступаютъ въ такихъ случаяхъ съ *Virgiliem*, *Ciceronem* и т. д.

Наконецъ, 3-е возраженіе Валуга заключается въ томъ, что сатира, которую Петроній послалъ къ Нерону, была произведеніемъ небольшого объема и содержала въ себѣ вымышленныя приключенія, не дѣйствительные факты, лично касавшіеся Цезаря. Между тѣмъ *Сатириконъ*, какъ известно, изображаетъ событія, принадлежація области чистой фантазіи. Прерываясь различными эпизодами, онъ описываетъ, подобно *Варроновской сатирѣ*, всю жизнь и дѣятельность тогдашняго общества, сожалеетъ объ упадкѣ наукъ и искусствъ, осмѣиваетъ мелочныя, безжизненныя занятія ораторовъ и поэтовъ, и наконецъ бичуетъ безуміе искателей наслѣдствъ и тщеславіе вольноотпущенниковъ. Дѣйствительно, мы знаемъ, что дошедшій до насъ въ отрывочномъ видѣ романъ Петронія былъ многотомнымъ сочиненіемъ, что доказываетъ надпись, сдѣланная переписчикомъ на поляхъ одной рукописи,³³⁾ которой содержаніе слѣдующее: *«Petronii Arbitri Satyri Fragmenta ex libro quinto decimo et sexto decimo»*, и затѣмъ слѣдуютъ начальныя слова нашихъ изданій: *«Numalio genere furiarum declamatores inquietantur»* etc. Но, вѣдь, Тацитъ ни слова не говоритъ объ объемѣ произведенія, посланнаго Петроніемъ къ Нерону! Откуда же, слѣдовательно, мы можемъ заключить, что оно

³³⁾ *Codex Traguriensis*, найденный Статиліемъ въ Тровѣ въ Далмаціи.

было краткаго содержанія? Повидимому, это мнѣніе проистекло изъ произвольнаго противоположенія выраженія *flagitia principis — perscripsit* слову *codicillis*, т. е., той главѣ духовнаго завѣщанія, въ которой умирающій обыкновенно отказывалъ часть своего имущества Цезарю или одной изъ его креатуръ. Но съ другой стороны мы знаемъ также, что и *codicilli* иногда были большого содержанія. Извѣстенъ обычай римлянъ, когда умирающій высказывалъ въ духовной такія истины, которыя онъ по разнымъ обстоятельствамъ считалъ нужнымъ скрывать при жизни. Отъ этой свободы языка въ духовныхъ завѣщаніяхъ слово *codicilli* получило значеніе пасквиля и сатиры. Такъ мы читаемъ у Тацита³⁴⁾: «*Haud dispari crimine Fabricius Vengento conflictatus est, quod multa et probrosa in patres et sacerdotes composuisset iis libris, quibus nomen codicillorum dederat.*»³⁵⁾

Это возраженіе Валуа, не важное само по себѣ и происшедшее изъ неправильнаго пониманія словъ Тацита, вызвало новый вопросъ, который первоначально былъ формулированъ Бурманномъ. Если Петроній послалъ къ Нерону такое объемистое сочиненіе, какъ Сатириконъ, который по меньшей мѣрѣ состоялъ изъ 16 книгъ, то когда онъ могъ написать такое сочиненіе? Въ короткій промежутокъ немилости, въ которую онъ впалъ, благодаря доносу Тигеллина, до вскорѣ затѣмъ послѣдовавшей смерти, когда его артеріи истекали кровью, онъ не имѣлъ, разумѣется, ни досуга, ни силъ взяться за какой-нибудь серьезный трудъ. Кромѣ того мы видимъ изъ характеристики Тацита, что Петроній, то открывая вены, то снова закрывая ихъ, чтобы придать своей кончинѣ видъ естественной смерти, приводилъ послѣдніе дни не въ серьезныхъ разговорахъ съ друзьями, не въ разсужденіяхъ о безсмертіи души, но слушалъ безсодержательныя поэмы и вздорныя стихи. Но если Петроній писалъ Сатириконъ не въ это время, то опять какимъ образомъ мы можемъ предположить, чтобы любимецъ фортуны, осыпанный милостями

³⁴⁾ Ann. lib. XIV, c. 50.

³⁵⁾ Burm. I, II. Gonsalii Praeludia, p. 293.

Цезаря, могъ написать хоть одну строчку противъ своего покровителя? Тотъ же самый Тигеллинъ, который черезъ подкупъ раба узналъ о дружбѣ Петронія къ Сцевиномъ, тѣмъ же путемъ могъ бы получить свѣдѣнія о литературномъ авторствѣ Петронія.

Не находя выхода изъ этой дилеммы, Риттеръ³⁶⁾ сдѣлалъ предположеніе, что Тацитъ въ этомъ мѣстѣ подразумѣвалъ не Сатириконъ, а другое произведеніе Петронія, которое не могло дойти до нашего времени, потому что оно, по всей вѣроятности, немедленно было уничтожено Нерономъ. Допустивъ такое произвольное предположеніе, Риттеръ пошелъ еще дальше въ своихъ догадкахъ и потерялъ твердую почву подъ ногами. Такъ, онъ пытается даже на разные лады охарактеризовать новое произведеніе Петронія. Но, желая отрѣзать и это послѣднее отступленіе изъ нашей дилеммы, мы замѣтимъ Риттеру, что Петроній въ послѣдніе дни своей жизни едва ли могъ написать даже подобный памфлетъ. Слова Тацита *flagitia principis sub nominibus exoletorum feminarumque et novitatem cuiusque stupri perscripsit* указываютъ, что это произведеніе имѣло объективный характеръ. Слѣдовательно оно также не могло гармонировать съ настроеніемъ Петронія въ послѣдніе дни его жизни. Такое произведеніе требовало спокойствія духа для его концепціи и времени для окончательной обработки. При томъ оно могло быть замѣчено друзьями и вызвать ихъ участіе, или, лучше сказать несочувствіе, потому что они должны были догадываться, что мщеніе Нерона за подобный памфлетъ не ограничится одною жертвою.

Съ другой стороны, намъ ничто не мѣшаетъ думать, что Петроній написалъ сатиру прежде своей опалы. Опасеніе, что донесетъ Тигеллинъ, ничего не доказываетъ, потому что подобные страхи рѣдко останавливаютъ авторовъ. Если позволительно судить о писателѣ по его произведенію, то мы необходимо должны признать, что въ нравственномъ отношеніи Петроній стоялъ выше окружающей его среды. Вслѣдствіе

³⁶⁾ Rhein. Mus. Jahrg. II. Zwei Werke des Petr. Arb. Стр. 561—572.

этого онъ могъ давно уже подмѣтить всю низость и недостойность двора Нерона и, какъ человѣкъ, обладавшій творческимъ умомъ, воспроизвести эту жизнь въ художественномъ произведеніи. Если при этомъ мы предположимъ, что въ Сатириконѣ были уничтожены или, по крайней мѣрѣ, смягчены тѣ мѣста, которыя лично касались Нерона, то этотъ романъ могъ быть обнаруженъ еще при жизни Петронія. Штудеръ полагаетъ даже, что Неронъ самъ читалъ это произведеніе и, можетъ быть, находилъ въ этомъ чтеніи развлеченіе и удовольствіе. Подобную возможность допускаетъ также и Риттеръ. По его мнѣнію, Сатириконъ даже былъ однимъ изъ тѣхъ средствъ, которыя содѣйствовали Петронію войти въ милость къ Нерону. Тѣмъ охотнѣе соглашаюсь съ этимъ предположеніемъ, что такимъ образомъ я, по крайней мѣрѣ, могу себѣ объяснить, почему Петроній принялъ на себя столь грязную роль въ романѣ и позволилъ себѣ потерять изъ виду ту нравственную высоту, на которой обыкновенно стоитъ созерцаніе правоописательнаго поэта. Къ тому же самыя слова Тацита *sub nominibus... perscripsit* не могутъ быть отнесены къ послѣднимъ минутамъ жизни Петронія, потому что посылая Нерону *codicillos*, послѣ открытія вѣнъ, ему нечего было бѣяться императора и писать подъ чужими именами. Онъ могъ написать прямо и безъ обвиняковъ, тѣмъ болѣе, что былъ озлобленъ.

Мы не можемъ оставить безъ вниманія еще одного возраженія Бурманна. Петроній, говоритъ Бурманнъ³⁷⁾, назначилъ свое произведеніе не для публики, потому что къ чему иначе было его запечатывать? Съ другой стороны, Неронъ, надобно думать, также не могъ содѣйствовать распространенію такого произведенія, которое было лично на него сатирою. Теперь спрашивается, какимъ образомъ оно умножилось въ спискахъ и дошло до поздняго потомства?

Это обстоятельство, въ связи съ возраженіемъ Валуа побудило Трейффеля построить новую гипотезу. Трейффель³⁸⁾

³⁷⁾ *Burm. L. I. Praefatio.*

³⁸⁾ *Rhein. Mus. IV Jahrg. Noch einige Bedenken in Betreff des Petronius. S. 511--518.* См. также *Real-Encyclopaedie v. Pauly. Petronius. Str. 1402—1406.*

думаетъ, что авторомъ Сатирикона былъ вовсе не Петроній Тацита, но какой-нибудь другой неизвѣстный писатель, по всей вѣроятности, жившій въ отдаленной провинціи. Поэтому онъ не былъ замѣченъ современниками, пока его произведеніе не проникло въ Римъ. Но мы не можемъ имѣть дѣла съ подобными гипотезами, которыя лишены въ основаніи всякихъ фактическихъ данныхъ.

Если же Петроній, какъ мы видѣли, еще во время своей жизни имѣлъ нѣкоторый кругъ читателей, между которыми, быть можетъ, былъ и Неронъ, то вопросъ рѣшается самъ собою. Бурманна, очевидно, привели въ затрудненіе слова *obsignata misit*. Но неужели Петроній запечаталъ свое произведеніе именно съ тою цѣлью, чтобы оно осталось тайною для всѣхъ, кромѣ Нерона? Подобное предположеніе совершенно невѣроятное. Напротивъ, чѣмъ большую гласность могла вызвать сатира, тѣмъ болѣе она должна была удовлетворять мщенію Петронія. Притомъ развѣ не запечатывались письма и тому подобныя посылки, когда онѣ передавались другому лицу? Слѣдовательно, не естественно ли думать, что авторъ запечаталъ свое произведеніе съ обыкновенною цѣлью, чтобы оно вѣрнѣе дошло по назначенію и не было задержано любопытнымъ вмѣшательствомъ постороннихъ лицъ? Кромѣ того онъ могъ опасаться, чтобы вмѣсто его не заподозрили въ авторствѣ другое лицо. Тоже побужденіе, вѣроятно, руководило имъ, когда онъ разбилъ именное кольцо, *ne mox usui esset ad pericula facienda*.

Допустивъ такое предположеніе, мы легко можемъ объяснить себѣ путь, которымъ дошелъ до насъ Сатириконъ. Стоило только уничтожить нѣкоторыя щекотливыя мѣста, и ничто не мѣшало этому роману пережить вѣкъ Нерона. При этомъ для насъ не важенъ вопросъ, кто былъ цензоромъ, какъ выразился Эккерманнъ³⁹⁾, — Неронъ ли, самъ ли Петроній, или его друзья, потому что на него всегда могутъ дать нѣсколько отвѣтовъ, изъ которыхъ каждый можетъ казаться вѣроятнымъ

³⁹⁾ Allgemeine Encyclopedie v. Ersch u. Gruber. Petronius Str. 329.

или невѣроятнымъ, смотря по тому взгляду, какой выносить читатель изъ приведеннаго мѣста Тацита. Очень можетъ быть, что задѣтый за слабую сторону, изображенный въ смѣшномъ видѣ, Неронъ постыдился дѣйствовать открыто противъ Сатирикона, а окружающіе его лица сами послѣжили ступе-вать тѣ мѣста, которыя выдавались по яркости красокъ.

Такимъ образомъ мнѣ кажется, что Сатириконъ былъ именно тѣмъ произведеніемъ, о которомъ упоминаетъ Тацитъ. Только Петроній, видя неизбежность угрожавшей ему смерти, изъ чувства мести за жестокое распоряженіе Нерона, усилилъ въ немъ нѣкоторыя штрихи, быть можетъ, прибавилъ даже новыя сцены, и въ этомъ видѣ поручилъ его передать цезарю послѣ своей смерти. Надобно думать, что ударъ былъ направленъ очень ловко! Раздраженный цезарь не могъ вдругъ сообразить, какимъ образомъ сталъ извѣстенъ его ночной развратъ; наконецъ, его подозрѣніе пало на Силію, которая принимала участіе во всѣхъ его похожденияхъ и была близко знакома съ Петроніемъ. За эту неосторожность Силія была присуждена къ ссылкѣ.

Послѣ Тацита упоминаетъ о Петроніи Теренціанъ Мавръ, который цитируетъ его въ двухъ мѣстахъ.⁴⁰⁾

2486. Horatium videmus
versus tenoris huius
nusquam locasse iuges,
at Arbiter disertus.

2490. libris suis frequentat.
agnoscere haec potestis,
cantare quae solemus:

„Memphitides puellae
sacris deum paratae.
tinitus colore noctis
manu puer loquaci.“

2849. nuni divisio, quam loquemur, edet
metrum quo memorant Anacreonta

⁴⁰⁾ Ed. Putsch. v. 2486—2496 и v. 2849—2865.

dulces composuisse cantilenas.

hoc Petronius invenitur usus,

Musis cum lyricum refert eundem

consonantia verba cantitasse,

2855. et plures alii, sed iste versus

quali compositus tome sit, edam.

„iuverunt segetes meum laborem.“

„iuverunt“ caput est id hexametri

quod restat „segetes meum laborem“,

tale est ceu „triplici vides ut ortu

Triviae rotetur ignis

volucrique Phoebus axe

2865. rapidum pererret orbem“.

Но свидѣтельству Теренціана мы не можемъ придать полнаго значенія, потому что намъ неизвѣстно, въ какое время жилъ этотъ писатель (de poet. lat. с. 3) (Оном. I. р. 272). Фоссъ и Саксъ дѣлаютъ догадку, что Теренціанъ есть то самое лицо, которому Лонгинъ посвятилъ свою книгу «о высококомъ». Въ такомъ случаѣ онъ долженъ быть отнесенъ къ 3 стол. Но эта догадка не основательна, потому что Теренціанъ Лонгина называется въ рукописяхъ Posthumus Flavius и, какъ видно изъ посвященія, онъ зналъ хорошо греческій языкъ и литературу, между тѣмъ какъ Теренціанъ Мавръ прямо говоритъ о себѣ⁴¹⁾: „Maurus item quantos potui cognoscere Graios?“ Это противорѣчіе старается согласить Эккерманъ,⁴²⁾ замѣчая, что посвященія рѣдко бываютъ зеркаломъ истины, что даже они по преимуществу пишутся съ цѣлью польстить патрону. Точно также, по его мнѣнію, ничего не доказываетъ различіе въ именахъ: сколь многія граепоміна невѣрны и сомнительны. Нельзя не согласиться, что мнѣніе Эккерманна поддерживаетъ нѣсколько догадку Сакса и Фосса, но съ другой стороны оно совершенно недостаточно, чтобы ему придавать какое-нибудь значеніе. Правда, мы знаемъ, какой характеръ часто имѣютъ

⁴¹⁾ Ed. Putsch. v. 1971, p. 2427.

⁴²⁾ Allgem. Encycl. Petronius. Стр. 330.

посвященія, но въ настоящемъ случаѣ едва ли была умѣстна такая лесть или, лучше сказать, ложь, такъ какъ Теренціанъ самъ открыто указываетъ на недостаточность своихъ свѣдѣній.

Лахманнъ въ предисловіи къ своему изданію (Berl. 1836. S. 11) Теренціана относитъ этого писателя тоже къ 3-му ст., основываясь на томъ, что Теренціанъ въ ст. 2136 называетъ Аннея Сенеку и Помпонія Секунда старыми трагиками. Но между тѣмъ этотъ стихъ, какъ указываетъ Штудеръ,⁴³⁾ не подтверждаетъ словъ Лахманна. Точно также въ стихахъ 1957—1975 Теренціанъ противопоставляетъ своихъ современниковъ, которыхъ онъ называлъ *minores poëtae*, не столько Помпонію, сколько *priscis poëtis et Graiis*. Такимъ образомъ доводы Лахманна не столь убѣдительны, какъ представляется на первый взглядъ. Но и противоположное мнѣніе, относящее Теренціана къ концу 1-го стол., не имѣетъ за себя прочныхъ доказательствъ. Мы не можемъ придавать большого значенія простой догадкѣ, что Теренціанъ Марціала,⁴⁴⁾ названный префектомъ Нильской Сіэны, есть одно лицо съ Теренціаномъ авторомъ, хотя она не уничтожаетъ возраженіе Рамира де Прадо,⁴⁵⁾ что послѣдній, какъ Мавръ по происхожденію, былъ вѣроятно вольноотпущенникомъ, между тѣмъ какъ первый есть римскій всадникъ изъ рода Теренціевъ, получившій свое прозваніе, подобно П. К. Сципіону Эмильяну, черезъ усыновленіе въ другомъ семействѣ, потому что нельзя доказать, что префектъ Сіэнскій былъ римскимъ всадникомъ. Развѣ въ это время вольноотпущенникъ не могъ достигнуть высокаго положенія въ государствѣ? Правда, что Теренціанъ не разъ называетъ Септимія Серена, котораго Аполлинарій Сидоній⁴⁶⁾ ставитъ рядомъ со Стеллою, другомъ Стація, своимъ современникомъ,

⁴³⁾ Я не могъ провѣрить этого мѣсто Теренціана, потому что въ Одессѣ не нашелъ ни одного его изданія.

⁴⁴⁾ Mart. I. 87, 6.

⁴⁵⁾ Ad Mart. I. c.

⁴⁶⁾ Sollius Apollinaris Sidonius. IX. ad magnum Felicem. Стр. 267.

Non Licinius hic, Lucretiusque est,
non Turnus, Memor, Ennius, Catullus,
Stella et Septimius Petroniusque.

быть можетъ также, что Стацій посвящаетъ пятую оду первой книги своихъ *Silvae* именно этому Септимію, но въ рукописяхъ Стація Септимій называется не Сереномъ, а Северомъ! Если мы примемъ въ соображеніе, что въ словахъ Стація о своемъ другѣ нѣтъ никакого противорѣчія съ нашими свѣдѣніями о Серенѣ, то это несогласіе можно объяснить ошибкою переписчиковъ. Но какъ бы то ни было, мы не можемъ опереться ни на то, ни на другое мнѣніе. Если бы удалось отодвинуть Септимія Серена, котораго Теренціанъ называетъ своимъ современникомъ, къ позднѣйшему времени, то гипотеза, считающая его писателемъ 3-го стол., получила бы твердое основаніе. Но Лахманнъ, который пытался сдѣлать это, не могъ представить удовлетворительныхъ доводовъ. Его мнѣніе, что ни одинъ изъ писателей 4 и 5 стол. не упоминаетъ о Теренціанѣ, ничего не доказываетъ, потому что никто изъ грамматиковъ 2 или 3 ст., у которыхъ могли встрѣтиться подобныя цитаты, не дошелъ до нашего времени. Точно также ничего не доказываетъ молчаніе Авла Геллія, такъ какъ онъ не упоминаетъ тоже и нѣкоторыхъ другихъ писателей 1-го стол., даже болѣе знаменитыхъ, чѣмъ Септимій Серенъ. Такимъ образомъ свидѣтельство Теренціана о Петроніи не имѣетъ для насъ большой цѣны, пока не будетъ опредѣлено, къ какому времени должно отнести самого Теренціана. Для насъ оно важно только въ томъ отношеніи, что Теренціанъ не помѣстилъ автора Сатирикона между *minores poetas*, а причислилъ его къ старымъ писателямъ.

Кромѣ Тацита и Теренціана не упоминаетъ о Петроніи ни одинъ изъ древнихъ римскихъ авторовъ прежде 4 вѣка. Въ этомъ обстоятельствѣ нашли новый поводъ относить Петронію къ болѣе позднему времени. Но какъ ни удивительно это молчаніе, все таки оно ничего не доказываетъ, потому что, во 1-хъ, при этомъ позабыли о Тацитѣ и Теренціанѣ, а во 2-хъ, если Плиній, Светоній, Квинтиліанъ ничего не говорятъ о Петроніи, то развѣ мало у насъ другихъ писателей, о которыхъ мы не получили никакихъ свѣдѣній, и которыхъ подлинность тѣмъ не менѣе не подвержена сомнѣнію. Изъ

свидѣтельства же писателей 4—7 вѣка, какъ Викторинъ, Діамедъ, Сидоній, Присціанъ, Исидоръ,⁴⁷⁾ мы не можемъ извлечь для нашей цѣли никакихъ указаній, потому что эти писатели, цитируя Петронія, не проронили ни одного слова о его времени. Можно бы обратить вниманіе на тотъ порядокъ, въ которомъ приводятъ грамматики Петронія, когда перечисляютъ его между другими писателями, но кто можетъ поручиться, что въ этомъ перечисленіи соблюдена хронологія, да наконецъ, развѣ они не могли ошибаться въ послѣдовательности столь многихъ авторовъ, жившихъ въ 1-мъ стол. Критики, относящіе Петронія къ позднѣйшему времени, ссылаются въ этомъ случаѣ на Сидонія Аполлинарія и Іоанна Лиду,⁴⁸⁾ изъ которыхъ первый, какъ мы видѣли, поставляетъ Петронія послѣ Стеллы и Септимія, а послѣдній послѣ Ювенала. Противъ нихъ конечно можно привести цитату изъ Макробія,⁴⁹⁾ помѣстившаго Петронія передъ Апулеемъ. Но не выводя отсюда никакихъ заключеній, тѣмъ не менѣе, мы не можемъ не привести замѣчанія Янелли, что грамматики едва ли стали бы цитировать Петронія въ отношеніи языка, если бы онъ жилъ въ то позднее время, къ которому его относятъ нѣкоторые ученые.

Мы не можемъ обойти еще одного возраженія, которое приводятъ въ доказательство позднѣйшаго времени Петронія. Нѣкоторыя выраженія Петронія до такой степени сходны съ выраженіями Марціала и Стація, что, повидимому, они были заимствованы изъ этихъ писателей. Но, къ сожалѣнію, изъ трехъ мѣстъ такого рода въ нашихъ фрагментахъ мы встрѣчаемъ лишь одно подобное выраженіе. Это обстоятельство отнимаетъ у насъ возможность ближе всмотрѣться въ дѣло. Отецъ церкви Геронимъ⁵⁰⁾ приводитъ изъ Петронія: «Non bene

⁴⁷⁾ Цитаты изъ грамматиковъ, упоминавшихъ о Петр. можно найти почти въ каждомъ изданіи этого автора.

⁴⁸⁾ De Magistratibus I, 41: Τοῦρνος δὲ καὶ Ἰουβενάλιος καὶ Πετρώνιος αὐτόθεν ταῖς λοιδωρίαις ἐπέξελθόντες τὸν σατυρικὸν νόμον παρέτρωσαν.

⁴⁹⁾ Comment. in somnium Scipionis, lib. I, c. 2: in quibus vel multum esse Arbitrum, vel Appulejum nonnunquam luisse miramur.

⁵⁰⁾ Epistola ad Demetriadem CXXX, c. 19.

olet, qui bene semper olet,»⁵¹⁾ выраженіе, которое находится у Марціала. Рѣшеніе вопроса, кто у кого въ данномъ случаѣ заимствовалъ, разумѣется, теперь невозможно. Всего справедливѣе, кажется, принять объясненіе Штудера,⁵²⁾ который думаетъ, что подобная фраза, носящая характеръ пословицы, взята изъ устъ народа, и слѣдовательно не была собственностью ни того, ни другого автора. Точно также можно объяснить совпаденіе Петронія⁵³⁾ съ Марціаломъ⁵⁴⁾ въ выраженіи: *ingeniosa gula est*. Наконецъ, Фульгенцій⁵⁵⁾ приводитъ изъ Петронія поэтическій фрагментъ, котораго начальныя слова: «*Primus in orbe deos fecit timor*» находятся дословно у Стація.⁵⁶⁾ Ученые, относившіе Петронія къ позднѣйшему времени, въ доказательство, что въ данномъ случаѣ заимствовалъ не Стацій, а Петроній, ссылались на Лактанція Плацита, (*Lact. Plac. in Theb. III, 661*) который, комментируя это мѣсто Стація, прибавляетъ: «*Negat deos ulla alia re celebrari, nisi timore mortalium. Lucanus: Quae finxere, timent. Et Petronius Arbiter istum secutus: Primus in orbe*» etc. Но между тѣмъ, какъ указалъ еще Бартъ (*Burm. I p. 676*), здѣсь *istum* относится вовсе не къ Стацію, а къ Лукану.

Инымъ образомъ старается доказать, что Петроній сдѣлалъ заимствованіе изъ Марціала, профессоръ Вейхертъ (*Poet. lat. reliq. p. 440*). По его мнѣнію, Петроній въ Тримальхionѣ копировалъ Мальхіо-Зоила Марціала, подобно тому какъ послѣдній самъ подражалъ въ созданіи этого типа Мальхину Горація.⁵⁷⁾ Въ доказательство сходства этихъ трехъ лицъ Вейхертъ указываетъ на этимологическую связь самыхъ именъ, которыя носятъ эти лица. Не отвергая этимологической связи именъ, происходятъ ли онѣ отъ греч. *μαλαχός* или отъ Сирійскаго *Melech*, какъ доказываетъ Нибуръ,⁵⁸⁾ мы все таки далеки предполагать заимствованіе. Хотя намъ извѣстно, что Маль-

⁵¹⁾ Mart. II, 12. ⁵²⁾ Rhein. Mus. I. Стр. 68. ⁵³⁾ Petr. c. 119, v. 33.

⁵⁴⁾ Mart. XIII, 62. ⁵⁵⁾ Fulgent. Mithologicon.

⁵⁶⁾ Theb. III, v. 661. См. также объ этомъ фрагм. Петр. Petr. Arb. Satirarum reliquiae ex rec. Buechelari, p. 216.

⁵⁷⁾ Sat. lib. I, 2, 25. ⁵⁸⁾ Kleine Hist. Schrift.

хiонъ Марціала есть историческое лицо, подобно Мальхину Горація, подъ которымъ подразумѣвался Меценатъ, но самъ же Вейхертъ указываетъ, что Malchio получило уже въ то время нарицательный смыслъ. Неоспоримымъ подтвержденіемъ этому, какъ доказываетъ Штудеръ⁵⁹⁾, служить то обстоятельство, что Мальхiонъ Марціала, которого онъ осмѣиваетъ во многихъ эпитафияхъ, собственно назывался Зоиль. Если такимъ образомъ слово это получило нарицательное значеніе, то мы уже не въ правѣ болѣе считать Тримальхiона непременно историческимъ лицомъ. Всматриваясь же ближе въ художественный типъ Тримальхiона, мы скорѣе можемъ думать, что онъ послужилъ оригиналомъ для Мальхiо-Зоила Марціала. Наконецъ, такое сходство даже естественно, потому что Мальхiонъ Марціала принадлежитъ къ тому же классу тщеславныхъ и изнѣженныхъ вольноотпущенниковъ, полнѣйшимъ представителемъ котораго былъ Тримальхiонъ.

Обозрѣвая свидѣтельства древнихъ писателей о Петроніи, мы должны, наконецъ, рассмотреть тотъ quasi-знаменитый памятникъ древности, который, по мнѣнію Нибура и его сторонниковъ, безапелляціонно рѣшаетъ всѣ недоразумѣнія относительно автора Сатирикона. Эта надпись была извѣстна еще прежде, хотя въ ошибочномъ видѣ, въ собраніи Муратори (р. 1321). Содержаніе ея слѣдующее (Orilli Coll. Inscr. Lat. I. р. 257):

D. M. Cerelliae Fortunatae coniugi carissimae cum qua vixit annos XI sine ulla querella. M. Antonius Encolpus fecit sibi et Antonio Athenaeo liberto suo carissimo et libertis libertabusque eorum et posteris excepto M. Antonio Athenione, quem veto in eo monumento aditum habere neque iter ambitum introitum ullum in eo habere neque sepulturae causa reliquias eius posterorumque eius inferri quod si quis adversus hoc quid fecerit, tunc is qui fecerit poenae nomine pontificibus aut antescolaris Virginum NS LM nummum inferre debet: ideo quia me pos multas iniurias parentem sibi amnegaverit.

⁵⁹⁾ Rhein. Mus. I. Стр. 70.

et A. Lelio Apeliti clienti carissimo: quem voluerit donationis causa sarcophagum eligat sibi propter quod in tam magna clade non me reliquerit, cuius beneficia abeo.

μή μου παρέλθῃς τὸ ἐπίγραμμα ὁδοιπόρε
ἀλλὰ σταθεῖς ἄκουε καὶ μαθῶν ἄπει.

οὐκ ἔστι ἐν Ἄιδου πλοῖον, οὐ πορθιμὸς Χάρων,

οὐκ Αἰακὸς κλειδοῦχος, οὐχὶ Κέρβερος κύων·

ἡμεῖς δὲ πάντες οἱ κάτω τεθνηκότες

ὅστέα τέφρα γεγόναμεν, ἄλλο δὲ οὐδὲ ἐν.

εἰρηκὰ σοι ὀρθῶς, ὑπαγε ὁδοιπόρε,

μή καὶ τεθνακὸς ἀδόλεσχός σοι φανῶ.

μή μύρα, μή στεφάνους στήλη χάριση· λίθος ἐστίν,

μηδὲ τὸ πῦρ φλέξης· εἰς κενὸν ἢ δαπάνη.

ζῶντί μοι εἴ τι ἔχεις μεταδός, τέφραν δὲ μεθύσκων

πηλὸν ποιήσεις καὶ οὐκ ὁ Θανῶν πίεται.

τοῦτο ἔσομαι γὰρ ἐγώ· σὺ δὲ τούτοις γῆν ἐπιχώσας

εἰπέ, ὅτε οὐκ ἦν τοῦτο πάλιν γέγονα.

A. Laelius Apelles in hoc monumento aditum jubeo habere iusso Antoni Encolpi.

Olo Lelio Apelleti: uno sarcophago itum ambitum habere devovet: amico optimo.

Въ этой надписи упоминается М. Antonius Encolpus, отецъ семейства, Cerellia Fortunata, его жена, и А. Laelius Apelles, клиентъ Энкольпа. Эти имена напоминаютъ намъ трехъ лицъ, присутствовавшихъ на пиршествѣ Тримальхiona, хотя послѣднія назывались нѣсколько иначе. Но подобная разниа, по мнѣнiю Нибура, ничего не значить, потому что если бы авторъ воспроизвелъ личности романа въ ихъ дѣйствительныхъ отношенiяхъ, то за эту неосторожность онъ могъ бы привлечь на свою голову искъ объ оскорбленiи чести. «М. Энкольпъ», говоритъ Нибуръ,⁶⁰⁾ «по своему кривлянью, тщеславию и солицизмамъ совершенно походить на К. П. Тримальхiona». Далѣе Нибуръ пытается объяснить и другiя личности романа, но мы не послѣдуемъ за его объясненiями,

⁶⁰⁾ Klein. hist. Schrift.

потому что они совершенно произвольны. Такъ, напр., имена романа *Niceros* (с. 61) и *Phileros* (с. 43, 46) онъ сопоставляетъ съ именемъ *M. Antonius Anterus* и *M. Antonius Eros*, встрѣчающимися на другихъ надписяхъ Грутера. Несостоятельность этой гипотезы уже достаточно доказалъ Орелли (*Coll. Inscript. Lat. I. 1*). Но еще рѣшительнѣе выступилъ противъ нея Бюхелеръ,⁶¹⁾ который, основываясь на однихъ данныхъ съ Нибуромъ, отнесъ его надпись къ 1-му стол., потому что, во 1-хъ, въ надписяхъ этого времени, принадлежащихъ разнымъ рабамъ и вольноотпущенникамъ Тиберія, Клавдія и Нерона, встрѣчаются точно такіе же варваризмы, которые такъ поразили Нибура, и, во 2-хъ, въ памятникахъ 3-го стол. едва ли можно найти подобную любовь къ греческой литературѣ, какую мы находимъ въ Неаполитанской надписи.

Разсмотрѣвъ свидѣтельства древнихъ писателей, мы приходимъ къ заключенію, что хотя скудны и неопредѣлены ихъ указанія, всетаки они служатъ скорѣе подтвержденіемъ той мысли, что Петроній принадлежалъ не столь позднему періоду, какъ думаютъ нѣкоторые ученые. Въ этомъ отношеніи мы придаемъ всего болѣе цѣны свидѣтельству Тацита и Теренціана, изъ которыхъ послѣдній, хотя мы не знаемъ точно его даты, причисляетъ Петронія къ старымъ поэтамъ. Указаніе, напротивъ, Тацита прямо опредѣляетъ личнѣсть Петронія, и хотя характеристика знаменитаго историка отличается неопредѣленностью, однакожь это не даетъ намъ права приписывать сочиненіе Сатирикона какому нибудь другому лицу. Послѣ этого, если въ подтвержденіе этихъ выводовъ можно привести изъ самаго романа историческія указанія и намеки, если, наконецъ, можно доказать, что и языкъ Сатирикона по конструкціи и въ лексическомъ отношеніи походить на языкъ писателей 1-го стол., то всѣ вопросы о Петроніи будутъ окончательно рѣшены, или, по крайней мѣрѣ, не будетъ уже возможности отодвигать этого писателя къ болѣе позднему времени.

⁶¹⁾ Ed. Buecheleri p. V.

II.

Такіе намеки и историческія указанія давно уже находили нѣкоторые ученые въ Сатириконѣ и пользовались ими въ подтвержденіе своихъ выводовъ. Къ сожалѣнію, большая часть этихъ указаній были или неопредѣленнаго характера, такъ что ихъ легко можно было относить, смотря по желанію, къ тому или другому времени, или неправильно объяснялись по недостатку общихъ историческихъ свѣдѣній. Но въ послѣднее время Штудеръ успѣлъ отыскать нѣсколько новыхъ признаковъ, которые уже несомнѣннымъ образомъ доказываютъ, по крайней мѣрѣ, что Сатириконъ есть произведеніе вѣка Нерона. Приступая къ обзорѣнію этихъ данныхъ, я спѣшу сдѣлать оговорку, что иногда буду касаться такихъ вопросовъ, которые, хотя находили уже достаточное опроверженіе, но съ теченіемъ времени приобрѣтали новыхъ защитниковъ, придававшихъ имъ другое объясненіе, нежели они имѣли на самомъ дѣлѣ. Нѣкоторыя же изъ этихъ историческихъ указаній, хотя покуда не имѣютъ значенія для главной нашей цѣли, опредѣлить эпоху Петронія, но за то интересны въ томъ отношеніи, что служатъ къ объясненію содержанія Сатирикона. Къ числу послѣдняго рода вопросовъ я отношу опредѣленіе мѣстности, на которой происходила сцена событій, изображаемыхъ романомъ.

По мнѣнію Игнорры, подъ словомъ *colonia*, о которой упоминается въ главахъ 44, 57, 76, надобно подразумѣвать Неаполь. Къ этому выводу онъ пришелъ изъ слѣдующихъ указаній: 1) Въ главѣ 81 она обозначена, какъ *urbs graeca*; тѣмъ же именемъ называетъ Неаполь Тацитъ⁶³); 2) лежитъ при морѣ, с. 81 и 71, 3) въ Кампаніи, потому что въ романѣ опредѣляются сосѣдніе ей города Капуя (с. 62), Кумы (с. 48), Байи (с. 52, 104) и Помпея (с. 52). Но колонія Петронія имѣетъ совершенно римскій характеръ, между тѣмъ какъ Неаполь, какъ извѣстно, еще въ правленіи Гадріана (*Spartian. Hadr. 19*) имѣлъ греческое муниципальное устройство и въ

⁶²) Rhein. Mus. I. Стр. 202—223.

⁶³) Ann. lib. XV c. 33: Nero—Neapolim quasi Graecam urbem delegit.

правление М. Аврелія (по надписи у Corsini Agonist. Diss. IV b.103) и Коммода (по другой надписи Грутера CCCXIV) греческія гимнастическія игры. Вслѣдствіе этого онъ могъ превратиться въ римскую колонію и получить въ частной и общественной жизни колоритъ римскаго города только послѣ Коммода. Опираясь на этотъ выводъ, Игнорра пытался опредѣлить время Петронія, но вмѣсто того, чтобы отнести послѣдняго по крайней мѣрѣ къ царствованію Коммода, онъ неожиданно началъ доказывать, что Петроній жилъ при Антонинахъ.

Противъ Игнорры возсталъ другой Неаполитанскій ученый, Катальцо Янелли, который, строго провѣривъ его доказательства, пришелъ къ заключенію, что упоминаемая въ романѣ колонія должно быть не Неаполь, а Путеолы. Названіе *urbis graeca*, по его мнѣнію, указываетъ не на греческіе нравы и учрежденія, но на греческое происхожденіе, которое у Путеоль, древней демархіи и рынка куманцевъ, было общее съ Неаполемъ. На Путеолы намекаетъ, по его мнѣнію, особенно то обстоятельство, что въ колоніи Петронія все имѣетъ римскій отпечатокъ: языкъ жителей исключительно латинскій, законы и гражданскія учрежденія римскія; въ ней находятся форумъ, курія, амфитеатръ, циркъ, между тѣмъ какъ въ Неаполѣ еще во время Гадріана говорили на греческомъ языкѣ, были обычны греческіе нравы, существовали гимназіи, эфебии, эфраторіи, агоны и суды носили греческія названія.

Противъ такого воззрѣнія Неаполитанскихъ ученыхъ Штудеръ указалъ на слѣдующія слова Страбона⁶⁴): «*μηνοῖσι δὲ τὰ τῶν δημάρχων ὀνόματα, τὰ μὲν πρῶτα Ἑλληνικὰ ὄντα, τὰ δ' ὕστερα τοῖς Ἑλληνικοῖς ἀναμῖξ τὰ Καμπανικά. πλεῖστα δ' ἔχῃ τῆς Ἑλληνικῆς ἀγωγῆς ἐνταῦθα σώζεται, γυμνάσιά τε καὶ ἐφηβεία καὶ φρατρίαι καὶ ὀνόματα Ἑλληνικὰ καίπερ ὄντων Ῥωμαίων*»; и потомъ⁶⁵): «*νυνὶ δὲ πλὴν Τάραντος καὶ Ῥηγίου καὶ Νεαπόλεως ἐχθροβαρβαρῶσθαι συμβέβηκεν ἅπαντα, καὶ τὰ μὲν Λευκανοῦς καὶ Βρεττίους κατέχει, τὰ δὲ Καμπανοῦς, καὶ τούτους λόγῳ, τὸ δ' ἀληθὲς Ῥωμαίους, καὶ γὰρ αὐτοὶ Ῥωμαῖοι γεγόνασιν*». Изъ этого мѣста Страбона видно, что въ его время

⁶⁴) Strabo, lib. V. § 7. ⁶⁵) Lib. VI. § 2.

въ Неаполѣ остались только слѣды греческой жизни, т. е., нѣкоторыя общественныя учрежденія носили греческія названія, напр. преторъ назывался демархомъ,⁶⁶⁾ куріи — *φρατρίαι*, школы воспитанія и гимнастики — *ἐφηβεία* и *γυμνάσια*; также жители назывались греческими именами, хотя они были римскими гражданами, совершенно такъ, какъ мы находимъ въ колоніи Петронія: *Magister Agamemnon, Antescholanus Menelaus, Hermeros Lapidarius* и т. п. Можетъ быть даже, думаетъ Штудеръ, жители совсѣмъ не говорили по-гречески, хотя на этотъ счетъ нельзя ничего заключить изъ Страбона. А если различіе ограничивалось одними только названіями, то нѣтъ основанія не допускать, чтобы Неаполь во время Петронія не былъ римскою колоніею. Даже самая надпись, которую приводитъ Игнарра въ доказательство, что, пока преторъ назывался демархомъ, Неаполь не могъ быть римскою колоніею, прямо опровергаетъ этого ученаго и скорѣе приводитъ къ противоположному воззрѣнію, потому что въ этой надписи Луцій Мунацій называется патрономъ колоніи, а сынъ его демархомъ.⁶⁷⁾ Хотя нѣтъ рѣшительно никакихъ указаній, что Неаполь въ извѣстное время превратился въ римскую колонію, тѣмъ не менѣе онъ носилъ это названіе, какъ видно изъ надписей (*Gruter. P. C. X, 8. CCCLXXIII, 2; Reines. Class, 71. 10.*), и помѣщенъ даже въ списокъ колоній Псевдо-Фронтинна. Въ подтвержденіе мнѣнія, что колонія Петронія была несомнѣнно Неаполь, Штудеръ приводитъ еще глоссу изъ *Glossarium Petronii*, которая въ объясненіе слова *graesae urbis*, с. 81, прибавляетъ: *Neapolis*.

Но какъ ни убѣдительна аргументація Штудера, мы все-таки должны замѣтить, что не можемъ вполне согласиться съ его мнѣніемъ, потому что мы почти ничего не знаемъ о происхожденіи и объ общественномъ устройствѣ Неаполя.

⁶⁶⁾ *Script. Hist. Aug. I. 20.*

⁶⁷⁾ *Gruter CXLIII, 6: L. Munatio Concessiano V. P. Patrono Coloniae, pro meritis ejus erga cives munifica largitate olim honorem debitum praestantissimo viro praesens tempus exegit, quae atiam Munati Concessiani filii sui Demarchia cumulatior sumtu liberalitatis abundantia universis exhibuit civibus, ob quae testimonia amoris sinurissimi reg. primaria splendidissima Herculansium patrono mirabili statuam ponendam decrevit.*

Съ другой стороны, нельзя также принять колоніи Петронія за ПUTEОЛЫ, потому что въ такомъ случаѣ трудно будетъ объяснить названіе его *urbs graeca*. Кромѣ того, когда за обѣдомъ идутъ разговоры объ удобствахъ и неудобствахъ колоніи, то никто изъ присутствующихъ не упоминаетъ ни слова о торговлѣ и мореплаваніи, которыя составляли отличительную черту ПUTEОЛЪ. Но, можетъ быть, самъ Петроній не имѣлъ въ виду точнаго обозначенія колоніи и въ своей фантазіи смѣшивалъ черты того и другого города. Въ такомъ случаѣ мы, увлекши сь нашими разысканіями, напрасно будемъ приписывать Петронію то, о чемъ, быть можетъ, онъ совсѣмъ не думалъ, тѣмъ болѣе, что въ романѣ вовсе не требуется точнаго обозначенія мѣста дѣйствія.

Не мало также вызвали споровъ между учеными упоминаемые въ гл. 83 *согонае*, которые поэтъ Эвмольпъ пріобрѣлъ въ награду за свои поэтическіе таланты. Игнорра предложилъ вопросъ, на какомъ музыкальномъ состязаніи могъ пріобрѣсть поэтъ эти вѣнки. Въ Неаполѣ, гдѣ существовалъ пятилѣтній музыкальный и гимнастическій агонь⁶⁸⁾, онъ не могъ получить этой награды, потому что тамъ допускались только греческіе поэты. Правда, были также *Neoniana* въ Римѣ, которыя Неронъ по греческому образцу велѣлъ праздновать каждое пятилѣтіе⁶⁹⁾; но онѣ предъ смертью Петронія могли быть отпразднованы только одинъ разъ, между тѣмъ какъ поэтъ Эвмольпъ получилъ нѣсколько вѣнковъ. Оставалось допустить одно, что это были Капитолійскія игры, учрежденныя Домиціаномъ въ 88 году⁷⁰⁾ и продолжавшіяся еще при Антонинахъ. Но въ эту ошибку впалъ Игнорра вълѣдствіе ложнаго заключенія о господствѣ еллиназма въ Неаполѣ. Между тѣмъ ничто не мѣшаетъ думать, что Эвмольпъ снискалъ себѣ эти вѣнки именно въ Неаполѣ, въ осо-

⁶⁸⁾ Strabo. V, § 57. *νοὶ δὲ πεντετηρικός ἱερός ἀγὼν συντελεῖται παρ' αὐτοῖς μουσικός τε καὶ γυμνικός ἐπὶ πλείους ἡμέρας, ἐνάμιλλος τοῖς ἐπιφανεστάτοις τῶν κατὰ τὴν Ἑλλάδα.*

⁶⁹⁾ Suet. Ner. c. 12. ⁷⁰⁾ Suet. Domit. c. 4.

бенности принявъ въ соображеніе, что тамошнія игры были введены въ честь Августа⁷¹⁾.

Я не буду упоминать о другихъ недоразумѣніяхъ Игнарры, потому что они окончательно были опровергнуты Штудеромъ,⁷²⁾ съ которымъ согласились и защитники теории Нибура. Но гораздо важнѣе для насъ указаніе автора *Isagoge ad Volumina Nerculan.* (Т. I, not. 25), который приводитъ въ пользу позднѣйшаго времени Петронія главу СХI романа. Въ исторіи Эфесской матроны авторъ назвалъ погребеніе несожженныхъ труповъ въ могильномъ склепѣ греческимъ обычаемъ. Но такъ какъ мы знаемъ изъ Лукіана (*De luctu*, с. 21): ὁ μὲν Ἑλλῆν ἔκαστε, то изъ этого выходитъ, что еще при Антонинахъ сожженіе труповъ было всеобщимъ обыкновениемъ. Слѣдовательно, Петроній долженъ былъ жить уже въ то время, когда христіанскій обычай погребенья взялъ перевѣсъ. — Но съ другой стороны, мы знаемъ также, что тотъ и другой обычай встрѣчались одновременно у грековъ, только сожженіе труповъ было болѣе священнымъ и менѣе распространеннымъ обрядомъ.⁷³⁾ У римлянъ же, напротивъ того, погребеніе было въ обычаѣ въ древнѣйшія времена, и затѣмъ этотъ обычай возобновился уже около 3-го ст. по Р. X.⁷⁴⁾ Если Петроній выразился о погребеніи, какъ о греческомъ обычаѣ, то это значитъ, что сожженіе труповъ въ его время было преобладающимъ явлениемъ. По этому весьма правдоподобно заключеніе, которое вывелъ Штудеръ, — что Петроній долженъ былъ жить около времени Тацита,⁷⁵⁾ потому что у послѣдняго мы находимъ: *corpus Poppaeae non igni abolitum, ut Romanus mos, sed regum externorum consuetudine conditur*, и во всякомъ случаѣ прежде Апулея, у котораго уже часто упоминается погребеніе, и особенно Макробія: *licet urendi corpora defunctorum usus nostro saeculo nullus sit*.

Разсмотримъ теперь тѣ мѣста романа, въ которыхъ ав-

⁷¹⁾ Suet. Aug. c. 98: *mox Neapolin traiecit tamen et quinquennale certamen gymnicum honori suo institutum perspectavit.*

⁷²⁾ Rhein. Mus. I. Стр. 2 11. ⁷³⁾ W. A. Becker. Charicles. Th. 2. Стр. 181.

⁷⁴⁾ Peckers. Gallus. Th. 3. Стр. 287. ⁷⁵⁾ Ann. XVI, 6.

торъ изображаетъ нравы и обычаи окружающей среды, гдѣ онъ описываетъ жизнь и дѣятельность общества, его интересы и міросозерцаніе. На первый взглядъ представляется, что Петроній, какъ поэтъ сатирической, долженъ представить намъ богатый матеріалъ въ этомъ отношеніи. Подъ перомъ его должны, повидимому, особенно рельефно выступить тѣ недостатки и недуги, которые мѣшаютъ развитію общества, которые раздражаютъ желчь трезваго человѣка. Дѣйствительно, весь романъ, съ самаго начала до конца, разворачиваетъ намъ сцену за сценою, одну отвратительнѣе другой, гдѣ Петроній представляетъ во всей наготѣ страшныя язвы глубокаго разврата и душевной пустоты. Но эти явленія, какъ ни рѣзко очертилъ ихъ поэтъ, принадлежатъ въ большинствѣ случаевъ не къ одному какому-нибудь строго ограниченному пространству времени, но, составляя продуктъ долгаго общественнаго развитія, непрерывно тянутся, то ослабѣвая, то выступая съ новою силою, въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ. Поэтому, если по такимъ признакамъ мы станемъ допытываться, къ какому времени должно отнести этотъ романъ, то встрѣтимъ большое затрудненіе опредѣлить это время въ тѣсныхъ границахъ. Такъ, напр., въ гл. 86 Петроній жалуется на упадокъ образовательныхъ искусствъ и на совершенное паденіе живописи. «*Picturam nullum sui vestigium reliquisse*». Основываясь на этой жалобѣ, Статилій⁷⁶⁾ въ своей *Apologia pro Petronii fragmento* пришелъ къ заключенію, что Петронія должно отнести ко времени Константина, потому что въ упадкѣ живописи, по его мнѣнію, никоимъ образомъ нельзя упрекнуть вѣкъ Нерона, такъ какъ еще изъ времени Тита найдены прекрасныя образчики стѣнной живописи, приносящія честь любому художнику. Въ опроверженіе этого мнѣнія Штудеръ приводитъ цитаты изъ Плинія,⁷⁷⁾ который относительно живописи изливается въ подобныхъ же жалобахъ: *ars quondam nobilis, nunc vero in totum marmoribus pulsa*, и далѣе⁷⁸⁾: *Imaginum quidem pictura in totum exolevit*. Причину этого упадка Плиній

⁷⁶⁾ *Burm.* I, II, p. 349. ⁷⁷⁾ *Nat. Hist. lib. XXXV, 1. 1.* ⁷⁸⁾ *Ib.* I, 2.

видитъ въ модѣ, съ которою при императорахъ начала распространяться все болѣе и болѣе стѣнная живопись⁷⁹⁾: *sed nulla gloria artificum est, nisi eorum, qui tabulas pinxere; eo venerabilior antiquitatis prudentia apparet. Non enim parietes excolebant dominis tantum, nec domos uno in loco mansuras, quae ex incendio rapi non possent. Nondum libebat parietes totos pingere.* Изъ этой жалобы Петронія объ упадкѣ образовательныхъ искусствъ, жалобы, выраженной очень обще и неопредѣленно, мы не можемъ строго обозначить времени, къ которому она относится, такъ какъ періодъ этого явленія, обнаружившагося при Августѣ и Тиверіи, продолжался нѣсколько столѣтій. Но другое мѣсто этого писателя, гл. 1 и 2, приводитъ насъ къ болѣе опредѣленнымъ выводамъ. Въ этихъ главахъ Энкольпій главнѣйшую причину упадка краснорѣчія видитъ въ педагогическомъ методѣ риторовъ, которые приучаютъ своихъ учениковъ декламаторскими упражненіями къ напыщенности и театральной аффектаціи. Хотя Квинтиліанъ⁸⁰⁾ находитъ подобныя упражненія очень полезными, но и онъ сознается, что *eo quidem res ista culpa docentium recidit, ut inter praecipuas, quae corrumpent eloquentiam, causas licentia atque inscitia declamantium fuerit.* Но еще любопытнѣе сравненіе, которое проводитъ Штудеръ⁸¹⁾ между Петроніемъ и *Auctor dialogi de Oratoribus*, когда они говорятъ о непрактическомъ выборѣ предметовъ, предлагаемыхъ юношеству въ школѣ. Петроній гл. I: *Et ideo adolescentulos existimo in scholis stultissimos fieri, quia nihil ex iis, quae in usu habemus, aut audiunt aut vident, sed piratas cum catenis in litore stantes, sed tyrannos edicta scribentes, quibus imperent filiis, ut patrum suorum capita praecidant, sed responsa in pestilentiam data, ut virgines tres aut plures immolentur.* Тацитъ:⁸²⁾ *controversiae robustioribus adsignantur; quales, per fidem, et quam incredibiliter compositae! sequitur autem ut materiae abhorrenti a veritate declamatio quoque adhibeatur. Sic fit ut tyrannicidarum praemia aut ritiatarum electiones, aut pestilentiae remedia, aut incesta*

⁷⁹⁾ Ib. X, 37. ⁸⁰⁾ II, 10, 3. ⁸¹⁾ Rhein. Mus. I, 3, 215. ⁸²⁾ Dial. de Orat. c. 35.

matrum, aut quicquid in schola quotidie agitur, in foro vel raro, vel numquam, ingentibus verbis persequantur». Слѣдствіемъ такихъ занятій бываетъ: Петроній, с. I: «ut adolescentuli, cum in forum venerint, putent se in alium terrarum orbem delatos; Кассій Северъ у Сенеки⁸³⁾: «Agedum istos declamatores produc in senatum, in forum; eum loco mutabantur, velut adsueta clauso et delicatae umbrae corpora sub divo stare non possunt, non imbrem ferre, non solem sciunt; vix se inveniunt». Если и въ этомъ совпаденіи Петронія съ вышеприведенными писателями можно видѣть только простую случайность, его слѣдующее мѣсто Сатирикона, кажется, прямо разрѣшаетъ всякія недоразумѣнія. Nuper ventosa istaec et enormis loquacitas Athenas ex Asia commigravit. Словомъ nuper обозначается здѣсь новѣйшее время въ противоположность старому, какъ мы находимъ также у Цицерона⁸⁴⁾: ea, quae nuper, i. e. paucis ante seculis reperta sunt. Если бы Петроній жилъ позднѣе, то подобная его жалоба была бы неумѣстна. Мы знаемъ, что въ послѣдующее время краснорѣчіе впадо въ противоположный недостатокъ, когда школа Фронтонна, отличавшаяся sicco dicendi genere и большимъ пристрастіемъ къ стариннымъ выраженіямъ и оборотамъ, заимствованнымъ изъ Эннія, Пакувія, Плавта и также подобныхъ писателей, получили всеобщее распространеніе.

Но теперь посмотримъ, что могутъ возразить въ опроверженіе этого довода защитники теоріи Нибура, относяціе Петронія къ 3-му столѣтію. По мнѣнію Эккермана,⁸⁵⁾ Петроній, хотя стоялъ выше школы Фронтонна, но всетаки не въ силахъ былъ освободиться отъ ея вліянія, потому что, если языкъ Сатирикона и не отличается пристрастіемъ къ стариннымъ оборотамъ и выраженіямъ, въ чемъ не заподозривалъ Петронія ни одинъ писатель, тѣмъ не менѣе онъ часто безвкусенъ и отзывается стариною. Но допустимъ, что Эккерманъ справедливъ, что языкъ Петронія изобличаетъ въ немъ нѣсколько манеру школы Фронтонна, то съ какой стати Петроній долженъ

⁸³⁾ Excerpt. Controv. III, p. 398. ed. Bip. ⁸⁴⁾ Nat. Deor. II, 20.

⁸⁵⁾ Allg. Encycl. Petr. Стр. 333.

былъ вспоминать старину, когда онъ могъ утѣшиться современными ему образцами краснорѣчія? Если же онъ возвышался надъ школою Фронтонна и только потому не могъ избѣжать нѣкоторыхъ ея недостатковъ, что былъ не въ состояніи противостоять общему потоку времени, то онъ долженъ былъ по необходимости нападать именно на эту школу, на ея мелочность и сухость, а не на болтливость и излишнее многословіе.

Другой недостатокъ времени былъ страшнымъ и печальнымъ явленіемъ, продолжавшимся въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, начиная съ послѣднихъ временъ республики. Но никогда надменность и произволь вольноотпущенниковъ не достигали той ужасной высоты, на которой стояли они при Тиберіи, Клавдіи и Неронѣ. Напрасны были попытки подавить это зло, напрасны были разсужденія о немъ въ сенатѣ⁸⁶⁾: произволь вольноотпущенниковъ, распоряжавшихся жизнью и свободою гражданъ, не зналъ никакихъ предѣловъ. Но Петроній рисуешь эту язву съ другой, болѣе смѣшной стороны. Его Тримальхионъ служить для насъ примѣромъ тщеславія и самонительности, примѣромъ высокаго благосостоянія, котораго достигали люди этого класса, благодаря легкому способу наживы.

Далѣе въ романѣ Петронія мы находимъ также изображеніе печальнаго явленія, параллели которому мы не найдемъ въ исторіи какого-нибудь другого народа, явленія, ярко очерченнаго намъ многими римскими писателями. Еще Августъ замѣтилъ ослабленіе супружескихъ связей и, какъ слѣдствіе этого порока, неправильный переходъ наслѣдствъ, но зло коренилось все глубже и глубже. Авторъ указываетъ намъ на Кротону, какъ мѣстопробываніе этого зла, которое изображено было въ слѣдующихъ краскахъ чужеземцамъ, приближавшимся къ этому городу⁸⁷⁾: *In hac urbe nemo liberos tollit, quia quisquis suos heredes habet, non ad cenos, non ad spectacula admittitur, sed omnibus prohibetur commodis, inter ignominiosos latitat. Qui vero nec uxores unquam duxerant nec proximas necessitudines*

⁸⁶⁾ Tac. Ann. XIII, 26, 27. ⁸⁷⁾ Sat. c. 116.

habent, ad summos honores perveniunt, id est soli militares, soli fortissimi atque etiam innocentes habentur. Adibitis oppidum tanquam in pestilentia campos, in quibus nihil aliud est nisi cadavera, quae lacerantur, aut corvi, qui lacerant. Противъ этого зла безсильны были изданные Августомъ *Lex Iulia de maritandis ordinibus* и *Lex Papia Poppaea*. Язва, зародившаяся въ Римѣ, мало по малу начала заражать и другіе города Италиі.

Разбирая Сатириконъ съ этихъ сторонъ, мы находимъ новыя точки соприкосновенія Петронія съ вѣкомъ Нерона. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны сознаться, что изображеніе этихъ пороковъ не можетъ служить положительнымъ доказательствомъ для точнаго опредѣленія времени Петронія, потому что зло вольноотпущенничества и ослабленіе семейныхъ узъ продолжали еще существовать, хотя, быть можетъ, съ меньшею силою, цѣлыя столѣтія послѣ вѣка Августа.

Второй родъ историческихъ указаній, который мы можемъ извлекать изъ литературнаго произведенія для опредѣленія его времени, представляютъ историческія имена, намѣренно или случайно употребленныя авторомъ при изложеніи сюжета. Но здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что мы должны пользоваться такими указаніями крайне осторожно, потому что въ романѣ трудно различить, которыя имена вымышлены и какія имѣли историческое существованіе. Кажется, что въ большинствѣ можно принять за правило, что дѣйствующія лица романа должно относить къ первой категоріи, если только романъ не историческій, гдѣ имѣетъ мѣсто прямо обратное отношеніе. Поэтому мы должны искать параллелей въ исторіи только для такихъ лицъ романа, которыя, не принимая непосредственнаго участія въ развитіи дѣйствія, случайно упоминаются авторомъ, какъ извѣстные общественные дѣятели, ученые, поэты, художники или лица, извѣстныя промышленными изобрѣтеніями. Отсутствіе опредѣленнаго масштаба при объясненіи собственныхъ именъ романа открыло широкій путь тому произволу, который мы встрѣчаемъ въ толкованіи различныхъ именъ Сатирикона. Кромѣ того не мало также запутывали

дѣло многочисленныя ошибки, встрѣчавшіяся въ Травской рукописи Петронія, которыя позволяли иногда обращать даже нарицательныя имена въ собственныя. Такъ, напр., неправильно написанное въ Травской рукописи выраженіе *ipsam amtheam*⁸⁸⁾ многіе издатели обратили въ *ipsam Mamtheam*. Нибуръ, обманутый этою конъектурою издателей, представилъ себѣ, что здѣсь говорится о матери Александра Севера и очерпнулъ отсюда новое доказательство въ защиту своей теоріи.

Эпитетъ *Maecenatianus*, который Тримальхіонъ даетъ себѣ въ надгробной надписи, Гейнзе и Вейхертъ⁸⁹⁾ принимаютъ за нарицательное слово: *in moribus et vitae genere Maecenatem aemulatus*. Напротивъ того Бюхелеръ⁹⁰⁾ придаетъ ему обыкновенное значеніе: *Maecenatis libertus*. Мнѣ кажется, что оба эти объясненія справедливы или, лучше сказать, только оба они могутъ исчерпать значеніе этого эпитета. Если далѣе Тримальхіонъ имѣетъ полное имя *C. Pompeius Trimalchio Maecenatianus*, а его *collibertus C. Pompeius Diogenes*, то отсюда можно заключить, что Тримальхіонъ былъ также вольноотпущенникомъ какого-то К. Помпея. Чтобы согласить это противорѣчіе, Бюхелеръ сдѣлалъ предположеніе, что Тримальхіонъ сначала принадлежалъ Меценату, а потомъ по смерти его перешелъ въ семейство К. Помпея, у котораго и пробылъ 14 лѣтъ (с. 75), пока не получилъ отпускной.

Не столь убѣдительно для насъ то заключеніе, которое вывелъ Штудеръ изъ хвастовства Тримальхіона великолѣпьемъ своего жилища (с. 77). Когда прибылъ Скавръ въ эту колонію, рассказываетъ Тримальхіонъ, то онъ предпочелъ остановиться у него, хотя могъ жить въ домѣ друга своего отца, расположенномъ притомъ около моря. Этотъ Скавръ, по мнѣнію Штудера, долженъ быть потомкомъ эдила Скавра, знаменитаго своими богатствами и расточительностью⁹¹⁾. Такъ какъ послѣдній потомокъ этой фамиліи былъ казненъ при Неронѣ въ 787 г.⁹²⁾, то отсюда онъ заключилъ о времени Пе-

⁸⁸⁾ Ed. Buecheleri, с. 69, 2 и с. 63, 20. ⁸⁹⁾ Poet. Latin. reliqu. p. 440.

⁹⁰⁾ Ed. Buecheleri, p. VII. ⁹¹⁾ Plin. H. N. XXXIV, VII, 16. XXXVI, 1.

⁹²⁾ Tac. Ann. VI, 29.

тронія. Но фамилія Скавровъ, какъ указываетъ Эккерманнъ⁹³⁾, быть можетъ, не прекратилась со смертью этого Скавра, потому что упоминаются еще во время Гадриана два лица этого имени, отецъ и сынъ, бывшіе грамматиками при императорскомъ дворѣ.

Плокамъ (с. 84), гость Тримальхіона, говоритъ, что въ молодые года онъ не имѣлъ себѣ соперника въ декламациі, пѣніи и танцахъ, за исключеніемъ развѣ одного Апеллеса. Этотъ Апеллесъ, знаменитый своимъ искусствомъ, жилъ при Калигулѣ⁹⁴⁾. Эккерманъ⁹⁵⁾ думаетъ, что Петроній здѣсь подразумѣвалъ другое какое-нибудь лицо, потому что знаменитые актеры этого имени могли жить и въ послѣдующее время. Но отчего Эккерманъ не указалъ, когда жилъ другой подобный Апеллесъ? Ссылка, которую онъ дѣлаетъ въ этомъ случаѣ на Неаполитанскую надпись, разумѣется, никого не убѣдитъ, хотя бы даже Apelles актеръ и Apelles надписи одинаково склонялись.

Santica Menecratis, которыя поэтъ Тримальхіонъ въ банѣ (с. 73), по всей вѣроятности, принадлежали извѣстному *Cithaerodus Menecrates*, осыпанному милостями Нерона⁹⁶⁾.

Поэтъ Эвмольпъ (с. 118), излагая недостатки эпическихъ поэмъ и предлагая правила, какимъ образомъ должно воспѣвать гражданскія войны, дѣлаетъ опытъ въ обработкѣ подобнаго рода сюжетовъ. Въ словахъ его: *Ecce belli civilis ingens opus quisquis attigerit, nisi plenus litteris, sub onere labetur. Non enim res gestae versibus comprehendendae sunt, quod longe melius historici faciunt etc.* Дуза⁹⁷⁾ видѣлъ намекъ на Лукана, котораго Петроній, какъ поэта современнаго, не хотѣлъ только назвать по имени. Штудеръ, поддерживая мнѣніе Дузы, какъ бы въ подтвержденіе приводитъ слова Сервія⁹⁸⁾: *Lucanus namque ideo in numero poetarum esse non meruit, quia videtur historiam composuisse, non poema, и думаетъ, что Сервій, выражаясь такимъ образомъ о Луканѣ, имѣлъ въ виду намекъ*

⁹³⁾ Allgem. Encycl. Petron. Стр. 334. ⁹⁴⁾ Sueton. Cal. 33. Dio Cassius. 59, 5.

⁹⁵⁾ Allg. Encycl. Petr. Стр. 334. ⁹⁶⁾ Tact. Nero, с. 30.

⁹⁷⁾ Burm. I. II. Praeaeidaneorum. lib. II, p. 39. ⁹⁸⁾ Ad. Virg. Aen. I, 386.

Петронія. Но развѣ только одинъ Петроній могъ имѣть подобное сужденіе о Луканѣ? Хотя современники высоко цѣнили Фарсалию, но намъ вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстенъ отзывъ Квинтилиана: *Ardens et concitatus et sententiis clarissimis, et, ut dicam quod sentio, magis oratoribus, quam poetis adnumerandus*⁹⁹⁾.

Важнѣе для насъ разсказъ Тримильхіона (с. 51), въ которомъ онъ упоминаетъ о ремесленникѣ, умѣвшемъ ковать стекло, подобно желѣзу. Этотъ ремесленникъ, судя по Плинію⁴⁾ и Діону Калію²⁾, долженъ былъ жить въ царствованіи Тиберія, котораго Петроній называетъ просто Цезаремъ. Янелли отсюда заключаетъ (*Cod. Perottin. II, p. CXXV*) о времени жизни самага Петронія. Въ опроверженіе этого мнѣнія Штудеръ и Эккерманнъ замѣчаютъ, что Петроній въ этомъ мѣстѣ вовсе не упоминаетъ, когда произошелъ этотъ случай, и слѣдовательно нельзя опираться на это мнѣніе въ опредѣленіи времени Сатирикона. Но если мы сопоставимъ разсказъ Тримальхіона съ эпитетомъ его *Maecenatianus* и припомнимъ, что Тримальхіонъ выступаетъ на сцену дѣйствія уже старикомъ, то можемъ придти къ очень правдоподобному заключенію, что дѣйствіе романа происходитъ при Тиберіи³⁾.

Но мы не можемъ сказать, былъ ли *Laenas* (с. 29), котораго турниръ изображенъ былъ на стѣнахъ атриума Тримальхіона, тотъ самый *Vipsanius Laenas*, который осужденъ на смерть при Неронѣ⁴⁾. Съ этимъ именемъ намъ извѣстны многія римскія фамиліи: *Gens Papilia, Vipsania, Octavia* и *Pantiana*.

Упоминаемый въ гл. 52 *Hermeros*, котораго турниръ былъ вырѣзанъ на кубкахъ Тримальхіона, по мнѣнію Штудера, могъ быть однимъ лицомъ съ *Hermeros, Tiberii Claudii libertus, a marmoribus et magister Feroniae*, котораго мы находимъ въ одной надписи у Грутера (р. XXV⁶, 12). Но несправедливо Штудеръ въ испорченномъ имени *Petratis* (с. 52 и 71) видитъ упоминаемаго Сенекою⁵⁾ другого отпущенника Клавдія *Pheronactes*. Столь же гадательно сопоставленіе Штудеромъ имени *Albusia*,

⁹⁹⁾ Quint. X, 1, 90. ⁴⁾ Plin. N. H. lib. XXXVI, XXVI, 66. ²⁾ Dio Cass. 57, 21.

³⁾ См. Ed. Buecheleri, p. VII. ⁴⁾ Tac. Ann. XIII. ⁵⁾ De mort. Claud. c. 13.

не встрѣчающагося въ нашихъ фрагментахъ, но упоминаемаго Фульгенціемъ, съ *Albucilla* Тацита⁶⁾: *Albucilla multorum amonibus famosa*.

Къ историческимъ признакамъ мы также должны отнести упоминаемое въ гл. 34 *Falerium Oprimianum annorum centum*. Тримальионъ хвастливо замѣчаетъ, что у него хранятся цѣлыя амфоры этого вина. Между тѣмъ мы знаемъ, что *Oprimius* былъ консуломъ въ 633 г.⁷⁾; слѣдовательно 733 г. падалъ еще на время Августа. Кромѣ того Веллей Патеркуль сообщаетъ, что въ его время уже нигдѣ нельзя было найти Опиміевскаго вина⁸⁾.

Впрочемъ, эта хронологическая ошибка достаточно объясняется хвастливою натурою Тримальхиона. Но какъ бы то ни было, Петроній не могъ бы говорить объ этомъ винѣ, если бы онъ жилъ позднѣе 1-го столѣтія. Послѣдній писатель, упоминавшій *vinum Oprimianum*, былъ Марціаль⁹⁾.

Horti Pompeiani (с. 53), которые были куплены для Тримальхиона, по объясненію Гейнзе, — сады въ Помпеѣ, находившейся по сосѣдству съ колоніею Тримальхиона. Если это такъ, то 79-ой годъ долженъ быть предѣломъ, дальше котораго мы не можемъ относить сочиненіе Сатирикона, потому что въ этотъ годъ, какъ извѣстно, Помпея была разрушена при изверженіи Везувія.

Другой признакъ, по которому мы можемъ опредѣлять время литературныхъ произведеній, составляютъ указанія на учрежденія, привычки и моды, хотя и въ этомъ случаѣ мы не всегда можемъ приходиться къ точному заключенію, потому что обычаи и моды иногда бываютъ кратковременны и случайны, а иногда продолжаются слишкомъ долгое время. Разсматривая Сатириконъ съ этой стороны, мы также найдемъ нѣкоторыя указанія, подтверждающія наше мнѣніе.

Въ главѣ 28 мы читаемъ, что въ домѣ Тримальхиона присутствуетъ гостей пестрая сорока, которая висѣла въ золотой

⁶⁾ Ann. VI, 47. 78. ⁷⁾ Plin. XIV, 6. ⁸⁾ Vellej. Paterc. II, 7.

⁹⁾ Mart. I, 27. XI, 89. X, 49.

клѣткѣ передъ дверями. Плиніи¹⁰⁾ говоритъ, что этотъ обычай появился незадолго передъ его временемъ: *nuper et adhuc, tamen rara ab Apennino ad Urbem versus cerni coepere picarum genera, quae longa insignes cauda variae appellantur.* Очевидно, что Тримальхионъ, какъ человѣкъ, жившій на большую ногу, поспѣшилъ завести у себя эту новинку.

На стѣнахъ атріума Тримальхиона (с. 29) былъ изображенъ онъ самъ въ видѣ Меркурія, важнѣйшіе случаи изъ его жизни, сцены изъ Иліады и Одиссеи и наконецъ *gladiatorium Laenatis.* Эта мода расписывать стѣны, какъ мы уже видѣли, явилась также около времени Плинія¹¹⁾: *Divi Augusti aetate, qui primus instituit amoenissimam parietum picturam. Sed nulla gloria artificum est, nisi eorum qui tabulas pinxere etc.* Далѣе мы находимъ у этого писателя указанія на стѣнные изображенія гладиаторскихъ боевъ¹²⁾: *Libertus ejus (Neronis) cum daret Antii munus gladiatorium, publicos porticus occupavit pictura, ut constat, gladiatorum ministrorumque omniuna veris imaginibus redditis. Pingi autem gladiatoria munera atque in publico exponi coepta a S. Terentio Lucano.*

Также мы встрѣчаемъ у Петронія (с. 70) обычай умащать ноги, который, какъ мы знаемъ изъ Плинія¹³⁾, явился впервые при Неронѣ. Энкольпій былъ пораженъ этою роскошью, такъ какъ ему не приходилось еще слышать ничего подобнаго. *Pudet referre, quae secuntur: inaudito enim more pueri capillati attulerunt unguentum in argentea pelve pedesque recumbentium unxerunt, cum anta crure talosque corollis vinxissent.*

Другой обычай — назначать императора въ духовномъ завѣщаніи сонаслѣдникомъ (с. 76), какъ поступилъ господинъ Тримальхионъ, также указываетъ на время Цезарей, когда въ особенности было распространено это обыкновеніе, хотя оно встрѣчается и въ послѣдующее время.

Далѣе, въ гл. 46, любящій отецъ, заботясь о будущей карьерѣ своего сына, хочетъ его воспитать граессо или *causidicus*, такъ какъ онъ не знаетъ никакого другого болѣе выгод-

¹⁰⁾ N. H. X. 29, 41. ¹¹⁾ Ib. lib. XXXV, X, 37. ¹²⁾ Ib. lib. XXXV, X, 38. ¹³⁾ Ib. lib. XIII, 4.

наго ремесла. Но мы знаемъ изъ Сенеки,¹⁴⁾ что этотъ промыселъ былъ очень прибыленъ во время Клавдія, потому что *causidici* особенно сожалѣють о смерти этого Цезаря.

Наконецъ, въ гл. 68: *sustulerunt servi omnes mensas et alias attulerunt, scobemque croco et minio tinctam sparserunt et, quod numquam ante videram, ex lapide speculari pulverem tritum*, гдѣ въ первый разъ увидѣлъ Энокльпій моду посыпать полъ порошкомъ изъ слюды, мы находимъ снова убѣдительное доказательство, строго опредѣляющее время Петронія. Плиній¹⁵⁾ говоритъ объ этомъ слѣдующее: *invenere lapides speculares et alium usum in ramentis quoque, circum maximum ludis circensibus sternendi, ut sit in commendatione candor.*

Такимъ образомъ, разсматривая Сатириконъ со стороны его содержанія, мы находимъ нѣсколько несомнѣнныхъ признаковъ, которые заставляютъ думать, что Петроній жилъ никакъ не позже перваго столѣтія. Намъ убѣждаютъ въ этой мысли жалобы Петронія на упадокъ краснорѣчія, высказанныя въ такихъ выраженіяхъ, которыя могутъ относиться только къ ораторамъ 1-го стол., упоминаніе *vinum Orimianum*, указанія на моды и обычаи, впервые появившіеся въ вѣкъ Цезарей, наконецъ нѣкоторыя историческія имена, для которыхъ мы едва ли найдемъ параллели въ позднѣйшее время. Кромѣ того мы не встрѣтимъ въ содержаніи романа ни одной черты, несогласной съ тѣмъ временемъ, къ которому мы относимъ Петронія; напротивъ, нѣкоторые признаки позволяютъ даже думать, что дѣйствіе романа происходило въ царствованіе Тиберія.

Если, наконецъ, можно доказать, что и по языку Сатириконъ принадлежитъ къ 1-му стол., то окончательно разъяснятся всѣ наши недоразумѣнія относительно времени этого романа.

¹⁴⁾ Sen. *Apolocynth.* c. 12. ¹⁵⁾ N. H. lib. XXXVI, XXII, 45.

III.

Нѣтъ сомнѣнія, что языкъ въ данное время носить особенный отпечатокъ, который обуславливается степенью и характеромъ культуры народа. Періодъ развитія гражданственности или ея паденія, періодъ мирныхъ и завоевательныхъ отношеній къ сосѣдямъ или замкнутой и особенной жизни народа всецѣло отражается на языкѣ и придаетъ ему тотъ или другой характеръ. Если мы знаемъ періоды развитія языка, то для насъ легко найдется критеріумъ для опредѣленія времени литературного произведенія. Но съ другой стороны появляются иногда писатели, которые, по разнымъ цѣлямъ, посредствомъ начитанности успѣваютъ присвоить себѣ въ стилѣ манеру, принадлежащую другому времени. Такъ какъ въ Сатириконѣ рядомъ съ выраженіями, которыя можно встрѣтить только у Пакувія, Эвнія и другихъ столь же древнихъ авторовъ, попадались слова и обороты, повидимому принадлежавшія средневѣковой латыни и романскимъ языкамъ, то не разъ было высказано сомнѣніе, что этотъ романъ былъ грубою поддѣлкою. Недостаточное знакомство съ языкомъ того времени, къ которому принадлежитъ Петроній, давало возможность подобнымъ предположеніямъ существовать долгое время. Но теперь мы имѣемъ прекрасное и довольно подробное изслѣдованіе языка этого романа, принадлежащее тому же Штудеру. Я приведу здѣсь результаты его изслѣдованія, на сколько это необходимо для рѣшенія нашего вопроса.

По отношенію къ стилю Сатириконъ распадается на двѣ части. Въ тѣхъ мѣстахъ романа, гдѣ выходятъ на сцену рабы, вольноотпущенники, матросы и вообще необразованные классы общества, по мнѣнію Штудера, преобладаетъ народный языкъ, такъ называемый *lingua rustica*, который авторъ ввелъ намѣренно, чтобы придать своему разсказу болѣе естественности. Съ этой стороны Сатириконъ имѣетъ для насъ тѣмъ болѣшій интересъ, что мы, за исключеніемъ случайныхъ цитатъ нѣкоторыхъ грамматиковъ и надписей, не имѣемъ ни одного писателя, который бы намъ представилъ образчики

латинскаго народнаго говора. Такъ какъ дѣйствіе романа происходитъ въ Кампаніи, гдѣ издавна былъ распространенъ греческій языкъ, дорическаго діалекта, то немудрено, что въ Сатириконѣ мы найдемъ слѣды вліянія этого языка на народную рѣчь. Это вліяніе отразилось въ заимствованіи греческихъ словъ, изъ которыхъ одни остались безъ всякаго измѣненія, другія приняли латинскія окончанія, и въ нѣкоторыхъ синтаксическихъ особенностяхъ. Кромѣ того въ этихъ отдѣлахъ романа мы встрѣтимъ значительное число такихъ выраженій, которыя попадаются только у Эннія, Пакувія, Невія, Плавта и Лукреція. Эти архаизмы мы видимъ въ колебаніи народнаго языка, въ выборѣ окончаній для именъ и глаголовъ. Но мы легко можемъ объяснить себѣ, почему подобныя выраженія продолжали еще существовать въ народной рѣчи, если припомнимъ, что языкъ народа развивался особеннымъ путемъ и былъ чуждъ тому развитію, которому подвергался языкъ литературный. Тѣмъ же обстоятельствомъ можно объяснить сравнительно бѣльшее употребленіе въ народныхъ отдѣлахъ Сатирикона уменьшительныхъ словъ и наклонность къ смѣлому словопроизводству. Теперь въ подтвержденіе нашихъ заключеній мы сдѣлаемъ подробный анализъ языка Петронія въ плебейскихъ отдѣлахъ его романа.

1. Эллинизмы.

а) Въ лексическомъ отношеніи.

Alogia (ἀλογία), с. 58. anathymiasis (ἀναθυμίασις), 47. Athana (Ἄθανᾶ), 58. babae (βαβαί), 37. cataphagae (καταφαγάς), 39. colae-pium (κολήπιον), 70. laecasin (λακάζω), 42. melica (μελικός), 64. philologiam (φιλολογία), 39. phantasia (φαντασία), 38. peristasis (περίστασις), 48. praxis (πράξις), 39. zaplutus (ζάπλουτος), 37.

б) Греческія слова латинизированныя.

Excatarissare (καταρρίζω), 67. percolopare (κολοφιζαμαι), 44. Быть можетъ также: Agaga (agagula Isid.), 69. apocularare se

(ἀποκλίω), 62, 67. aginare (ἀγινέω) 61. Но несправедливо Штудеръ отнесъ сюда слова: miscix (отъ misceo, подобно miscellio). Fest p. 123 ed. Muell: miscelliones appellantur, qui non certae sunt sententiae, sed variorum mixtorumque iudiciorum sunt.), 45. burdubasta (отъ burdo и basto — лѣнивый выучный мулъ) какъ объясняетъ Бюхелеръ, р. 52, 2) 45. baccioballum (по мнѣнію Бюхелера, р. 72, 21, народное слово для обозначенія округленности и полноты).

Греческія слова черезъ смѣшенія созвучнаго окончанія ставшія латинскими feminina: athla (ἄθλον), 57. schema (σχῆμα), 44, 117. stigma (στίγμα), 45, 69.

Сюда также должно отнести неправильно склоняемыя греческія собственныя имена Phileronem, с. 46, и Niceronem, с. 63, отъ именительныхъ Phileros и Niceros, потому что народъ склонялъ не Eros-Erotis, а Eros-Eronis (см. напр. у Грутера р. 201, 3. С. Marci С. 1. Phileronis и въ другихъ надписяхъ, приведенныхъ въ изданіи Петронія Бюхелера, р. X).

в) Въ синтаксическомъ отношеніи.

Употребленіе вмѣсто Accus. с. inf. послѣ verba intelligendi et declarandi союза quod съ изъяв.: subolfacio, quod — daturus est, с. 45; dixi, quod — comedit, с. 46; scis, quod — dedi, с. 71; vides, quod — excitavi с. 131. Согласованіе глагола въ единств. числѣ съ прил. сред. рода множ.: faciatur-triclinia. Но, кажется, справедливѣе думать, что здѣсь triclinia сущ. женск. рода (см. изд. Бюхелера р. 85. 3). Употребленіе нарѣчія вмѣсто прилагательнаго: suavius esse solebas, с. 61. Въ выраженіи: hunc adolescentem quem vides, malo astro natus est, Штудеръ видитъ примѣръ греческой аттракціи, но здѣсь, кажется, впереди опущенъ глаголь, отъ котораго зависить hunc (см. Бюхл. р. 189, 8). Наконецъ, плеоназмъ въ повтореніи отрицанія: nemini nihil satis est, с. 76; neminem nihil boni facere, с. 42; но несправедливо Штудеръ принялъ за плеоназмъ: nec sursum, nec deorsum non cresco, с. 58, потому что non cresco относится къ слѣдующему періоду.

2. Архаизмы.

А) Въ грамматическомъ отношеніи:

а) Колебаніе между окончаніями *us* и *um* въ именахъ 2-го склоненія. *Coelus*, 39, 45 (Энній у Нонія, 107 изд. Мерцера и Харизія, р. 55); *sandelabrus*, 75 (Цец. у Нон. 202); *reticulus*, 67 (Фенестелла у Нон. 221. Вар. R. R. 3. 5. 13; Plin. 12, 14, 32); *vasum*, 51 (Фабій Пикторъ у Нон. 544; Катонъ у Геллія 13, 23, 1, Плавтъ, Трус. 1, 33) и *vasus*, 57. Подобнымъ же образомъ: *balneus*, 41; *fatus* 42 (встрѣчается также въ надписяхъ); *lorus*, 57 (и у Апул.); *vinus* (*οἶνος*), 41.

Напротивъ того *thesaurum*, 46 (Plaut. Aulul. II, 2, 88 и 89); *margaritum*, 63 (по Макрсию Sat. 2, 4, Августъ употреблялъ это выраженіе, какъ ласкательное слово); *peruia*, 45 (*περῦια*, Варронъ у Нон. 215 употребляетъ это слово, какъ сущ. женск. рода *peruias* и какъ средн. рода *peruia*); *libra* (по аналогіи съ *βιβλια*).

б) Окончанія именительнаго падежа въ третьемъ скл.: *bovis*, 62 (Варронъ, LL. VII р. 122 Vir.); *Iovis* 47 (у Акція, Цецилія, Эннія по Присц. р. 695); *laete*, 38 (Плав. Men. V, 9, 30. Варронъ у Нон. 483; Кат. у Хар. 79); *sanguen*, 59 (Энн. у Нон. 224. Циц. Rep. 1, 41. Fin. 5, 11); *stips* (Varr. L.L. IV, 36). Но мы не находимъ примѣровъ у другихъ писателей для *excellente*, 45, 60 и *strigae*, какъ *heteroclitum* отъ *strix*. с. 63.

в) Въ четвертомъ склоненіи *u* перемѣнилось на *um* въ словѣ *cornum*, 39 (Лукрец. 2, 388; Варр. R. R. 3, 9, 14; Овид. Met. 2, 874. 5, 383). Выраженіе *gusti fuit* представляетъ примѣръ стараго род. пад.

д) Слѣды колебанія въ выборѣ окончаній для спряженія глаголовъ Штудеръ видитъ въ словѣ *defrandit* вмѣсто *defrandat*, с. 69. Но, можетъ быть, здѣсь испорченъ текстъ, такъ какъ мы не находимъ другой параллели въ Сатириконѣ. *Mavoluit*, 77, отъ стариннаго *mavolo*, часто употребляемаго Плавтомъ.

е) *Activa* употребляются вмѣсто *deponentia* и обратно (Gell. XVIII, 12). *Amplexare*, 63 (Плавт. Roen. 6, 4, 74 Луцил. у Приц. 791); *argutare*, 46, 57 (и у Проперц. 1, 6, 7); *con-*

vivare, 57 (Энн. у Нон. 474; Помпоній, 16, 21); exhortare, с. 76, написанное на поляхъ Травской рукописи, (какъ hortare у Прищ. 797); loquere, 47, для котораго не находимъ аналогій у древнихъ писателей. Deponentia вмѣсто activa: delectari, 45, 65; fastidiri, 48; puderi, 47, (откуда употребительное puditum est); rideri, 57; somniari, 74.

f) Faciatur вмѣсто fiat (Tit. у Прищ. 801, Нигид. у Нонія 507).

g) Непереходные глаголы вмѣсто переходныхъ: Effluere vinum, 71 (встрѣчающееся только въ поэтическихъ пьесахъ, Клавдіанъ, Prob. et Olyb. V. 52; подобно fluere ib. de laud. Stilich. II, V. 264).

h) Неправильное образованіе временъ: fefellit sum, 61, не встрѣчающееся у другихъ писателей; въ Травской рукописи это слово написано fefellit ussum; vinciturum, 45, вмѣсто victurum (у Юл. Вал. 1, 3); domata, 74.

i) Глаголы сочиняющіеся съ винительнымъ вмѣсто дательнаго и наоборотъ: adjutare alicui, 62 (Пакувій у Danat. ad. Terent. 16); persuadere aliquem, 46, 61 (Энній у serv. ad Verg. Aen. X. 20); maledicere aliquem, 58, 96; evenire aliquem, 44.

k) Нарѣчіе hoc и illos вмѣсто huc и illuc.

l) Управленіе предлога praе винительнымъ падежемъ, не встрѣчающееся у другихъ писателей, принадлежитъ по мнѣнію Штудера, также къ идиотизмамъ народнаго языка: praе mula sua, 39; praе litteras, 46; напротивъ того смѣшеніе обоихъ падежей, управляемыхъ предлогомъ in, мы находимъ и у классическихъ писателей. Примѣры управленія in у Петронія: in publico effundere, 71; voca in medio, 46; in amicos parum felix es. 77. Это смѣшеніе падежей послѣ предлога in мы нерѣдко находимъ и въ тѣхъ отдѣлахъ Сатирикона, гдѣ выступаютъ образованные классы общества: in controversiam esse, 15; in balneo sequi, 26; in balneo descendere, 77, in diversorio admitti, 19; in vicinia currere, 136.

m) Tam bonus Chrysanthes вмѣсто optimus Chrysanthes.

В) Въ лексическомъ отношеніи.

Fruniscor, 43, 75 (Гелл. XVII, 2; Плавт. кид. 4, 3, 84.). Учащательные глаголы *adjutare*, 62, и *nutricare*, 77, часто употребляются Плавтомъ и Теренціемъ, *nutricare* даже разъ у Цицерона N. D. II, 34. *Cantabundus*—*cantans*, 62 (Геллій приводитъ это слово изъ Клавдія Квадригарія, гдѣ впрочемъ другіе читаютъ *cunctabundus*). *Diquitosus* принадлежитъ къ тѣмъ формамъ, которыя перечисляетъ Геллій, напр. изъ Семпронія Азелліона, IV, 9: *facundiosus*, изъ Катона: *disciplinosus*, *consiliosus*. Далѣе *absentivus*, 33; *venerarius*, 61; *puellarius*, 43; *minutalis* (послѣднее часто у Тертуллиана) *pauperus* (*pauperorum*) 46; *strabonus* 68. Эти выраженія, не встрѣчающіяся у другихъ писателей, Штудеръ принимаетъ также за остатки стариннаго языка. Существительныя *gaudimonium*, 61 (употребляемое еще въ Вульгатѣ) и *tristimonium*, 63, по образованію своему, аналогичны съ *alimonium* вм. *alimentum*, *mercimonium*. Tac. Ann. 15, 38; Плавт. *Amphitr. Prol.* 1. Pers. IV, 3, 6; *mendicimonium* и *moechimonium*, Лаберій у Геллія, XVI, 7, 1; *tristimonia*, у Гирц. *Bell. Afr.* X. 3.

Наконецъ, мы приведемъ изъ плебейскихъ отдѣловъ списокъ словъ романа, которыя встрѣчаются только у Петронія: *Babaecalus*, 37 (впрочемъ, у Арнобія *adv. gentes* IV, 22, p. 141, ed. Lugd); *geuge*, 58 (Бюхелеръ читаетъ *euge*); *occuro*, 58; *stelio*, 50; *scordaliae*, 59; *staminatas* (*potiones*) *ducere*, 41; *abstinaх*, 112; *desomnis*, 47; *domusio* (въ Травской рукописи читается *domus ionem*) 46; *expudoratus*, 39; *exossatus*, 65; *laticulosus* (въ Тр. рук. *laeticulosus*), 57; *lanistitius*, 45; *malistus*, 58 (въ Тр. рук. *maliisto*) *matus*, 41; *micarius*, 73; *nesapius*, 50; *sterteia* (и *stercore*), 75; *adcagnoscere*, 69; *debatuere*, 69; *exopiniscere*, 62; *improperare*, 38; *molestare*, 58; *naufragare* (*ναυαγῆν*) 76; *reporrigere*, 51; *corporaliter*, 61; *depraesentiarum*, 58, 74; *urceatim*, 44; *aeque tanquam* 78; подобно *aeque ut* у Плавта; *vix unquam* вмѣсто *vix tandem*, 62, 68.

3. Сложныя слова.

Caldicerebrius, 45; *pulclopedia*, 75; *larifuga*, 57; *pluscus*, 63; *serisapia*, 56; *propudium*, 99.

4. Уменьшительныя имена.

Amasiuniculus, 45, 75; *arcisellium*, 75; *cerebellum*, 76; *comula*, 58; *corcillum*, *corneolus*, 43; *glebulae*, 57; *graeculio*, 76; *lamellulae*, 57; *manuciolum*, 63; *maricolus* (въ Тр. рук. *martiolus*), 51; *meliusculus*, 38; *statuncula*, 50 (какъ сущ. сред. рода).

Такимъ образомъ, анализируя языкъ Петронія въ плебейскихъ отдѣлахъ романа, мы не можемъ не видѣть въ немъ очевидныхъ слѣдовъ *linguae rusticae*. (Если нѣкоторыя слова удивляютъ насъ по своей новизнѣ, то мы должны также принять во вниманіе испорченный текстъ Петронія, особенно Травской рукописи, наиболѣе важной для насъ по отношенію къ языку. Наконецъ, мы не знакомы еще настолько съ народною латинскою рѣчью, чтобы изъ-за нѣсколькихъ выраженій, по всей вѣроятности, чуждыхъ Петронію, заподозрѣвать его въ грубой поддѣлкѣ подъ народный тонъ.) Но до сихъ поръ мы рассматривали только матеріалъ, или внѣшнюю оболочку народной рѣчи; отличительный же характеръ, духъ народнаго языка, если мы станемъ судить о немъ по Петронію, проявляется въ грубоватости и жестокости выраженій, напр. *rostrum*, 75 или *bucca*, 43 вмѣсто *os*; *ventres pascere*, вмѣсто *servos*, 57; *subitum ponere apud aliquem* вмѣсто *accumbere*, въ частомъ употребленіи пословицъ, нравственныхъ изреченій, сравненій, гиперболей, и наконецъ словъ для выраженія божбы и клятвы.

Въ тѣхъ же отдѣлахъ романа, гдѣ выступаетъ Энокольшій и вообще образованные классы народа, стиль Петронія отличается простотою и естественностью. Только изрѣдка появляются поэтическіе и греческіе обороты: *latus singor gladio*, 82; *paratus exsequi*, или смѣлые тропы, напр. *inundari invidia*, 101; *circumamictus somnio*, 100; *oculos credere turbae concilio*, 140,

и фразы въ родѣ *consilium ропере*, подобно *τίθεσθαι βουλήν*, 115; *ad ordinem tristitiae redire*, 113; *non minore clamoris indignatione*, 92. По фразеологiи и въ лексическомъ отношенiи онъ можетъ быть отнесенъ къ такъ называемому серебряному вѣку. Отдѣльныя слова и выраженiя этого языка мы встрѣчаемъ и у другихъ писателей 1-го стол., напр. у Марціала, Плинія, Юстина, но больше всего онъ напоминаетъ языкъ Сенеки, въ особенности его *Apocolocyntosis*. Хотя въ этихъ отдѣлахъ романа мы также найдемъ не мало выраженiй, которыя чужды классическому стилю, но мы должны припомнить, что рядомъ съ языкомъ ораторовъ и историковъ существовалъ еще *humile genus dicendi*, весьма близкій къ языку, на которомъ говорили образованные классы общества. Понятно, что Петроній выбралъ для своего романа именно этотъ простой, текущій, приправленный юморомъ языкъ, который такъ шелъ для ежедневныхъ сношенiй образованныхъ людей и для двора цезарей. Что же касается до поэтическихъ отрывковъ романа, то относительно ихъ мы не можемъ вывести никакихъ заключенiй, потому что они отличаются слишкомъ неопредѣленнымъ характеромъ.

Гадрианъ Валуа, разбирая языкъ Сатирикона, на первомъ планѣ противъ его чистоты и древности поставилъ греческія слова, которыя дѣйствительно довольно часто встрѣчаются и не въ плебейскихъ отдѣлахъ романа. Но по мнѣнію Штудера, эти слова могли принадлежать разговорному языку, въ который они проникли, какъ модныя выраженiя, черезъ посредство греческихъ художниковъ, риторовъ, ремесленниковъ и врачей. Сюда относятся: *embolum navis*, 30; *corymbion*, 110, *schedium*, 4. (Apul. Auson. Sidon.); *chiromaxium*, 23; *paranychia*, 31; *calathiscus*, 41 (Catull); *paropsis*, 34 (Mart. Iuven. Suet); *methodium*, 36; *strophia*, 60 (Sen. Plin. Mart); *apodixis*, 132 (Quint. Gell.); *pittacia*, 14, 56. (Lamprid. in Sever.); *gingiliphus* (*γγιλίσμος*); *synoecion*, 93; *pinacotheca*, 83; *daphnon* и *platanon*, 126 (Mart. Ep. lib. X, 39 и lib. III, 19); *catomidiare*, 132 (Spartian. Hadr. 18).

Изъ того же источника заимствовалъ Петроній выраженiя *tam magnus* или *tam grandis* вмѣсто *tantus* и *quam magnum* вм. *quantum*, которыя Валуа принялъ за галлицизмы. Хотя эти

выраженія встрѣчаются и у другихъ писателей, но не столь часто; всего обыкновеннѣе въ анафорѣ, напр. *nihil tam magnum, nihil tam recens*, Sen. Consol. ad. Hebr. 16. Сюда же должно отнести *gogo te, gogo vos* въ началѣ предложеній вмѣсто *quaezo* (с. 7, 63, 86, 67), *ad summam* вм. *denique* (31, 45, 57, 71, 105, 110), встрѣчающіяся одинаково въ разговорномъ языкѣ образованныхъ людей, какъ и въ плебейскихъ отдѣлахъ романа; наконецъ, зват. пад. *mi* при существительномъ множ. числа напр. *o mi hospites*, 116, мы находимъ также у Плавта *Cistel. IV, 2, 8* и 9.

Разговорному языку принадлежатъ также, по мнѣнію Штудера, и тѣ слова и обороты, которые Валуга считаетъ совершенно неупотребительными, какъ напр. *exsonare aliqua re* вм. *sonare*, 16, 19, 73, 109; *discolorius*, 97 (*versicolorius* у Ульпіана и Юл. Павла); *scabitus*, 99; *lapidare* вм. *lapidibus tegere*, 114; *comatoria acus*, 21; *plena pox*, 92; можетъ быть, также неправильно образованное *domefacta*, 99; *custodire siderum motus*, 102; *postulare exhibendum*, 15. Но несправедливо Валуга считаетъ неупотребительными: *bene mane*, 85 (*Cic. ad. Att. IV, 9 XIV, 18*); *repositus* вм. *restitutus*, 110 (*Tac. Ann. 1, 63 Hist. 3, 24*); *militaris* вм. *miles*, 116 (*Tac. Ann. 14, 33*); *coaequalis*, 136 (*Instin. 23, 4, 9. Colum. 8, 14, 8*).

Наконецъ, приведемъ изъ Сатирикона слѣдующія выраженія, свойственныя почти исключительно одному Петронію: *aeneolus*, 73 (см. *Fest p. 28 ed. Muell.*); *barbae*, быть можетъ, намѣренно употребленное о чловѣкѣ, с. 99 (*Flav. Saper de Orthograph. p. 2243: barbam hominum, barbas pecudum dicimus*); *balenacius*, 21; *bacalusiae* (по мнѣнію Бюхелера *baucalensis* отъ *βαυκαλίματα* и *καταβαυκαλίσεις* — *cantilenaе nutricum*), 41; *circulatim* (*Suet. Caes. 84*), 67; *conspatians*, 7; *exire a se* (какъ *redire ad se*), 90; *fata mulionum* (*fata=dicta*), 69; *gustatio*, 21, 31; *heredipeta*, 124; *indelectatus*, 87; *inspeciosus*, 74; *levator*, 140; *officiosus*, 92; *pensio* вм. *pensatio*, 136; *pallia* въ значеніи лоскутья, 28; *precarium* (сомнительное чтеніе) 30; *quasillaria*, 132; *venalicium*, 29; *scriptura malarum* вм. *lineamenta*, 126; *mulier secutuleia*, 81; *stigmaius*, 109; *strangulari*, 15 (*Gloss. Petr.: strangulari, abdi et recondi ve-*

stem); vesticontubernium, 11; septifluus, 133, vibrare, какъ глаголь непереходный.

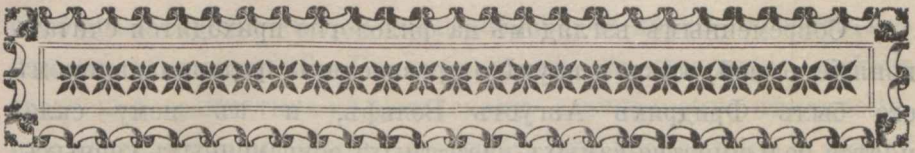
Но разсматривая стиль Петронія съ внутренней стороны, мы находимъ въ немъ полное отраженіе личности этого писателя въ томъ видѣ, какъ мы знакомы съ нею по мастерской характеристикѣ Тацита. Передъ нами живо рисуются не только тѣ качества, которыя сдѣлали Петронія *arbiter elegantiae* при дворѣ Нерона, не только *eruditus luxus*, съ котораго онъ осмѣиваетъ всѣ отступленія отъ хорошаго тона и обнаруживаетъ полное пониманіе во всемъ, что льститъ чувствамъ, но и эта *species simplicitatis*, кажущаяся наивность и добродушіе, выставяющее на общее посмѣяніе свои похожденія и ошибки. Въ легкой, непринужденной манерѣ разсказа, въ изображеніи сценъ, оскорбляющихъ своею наготою нравственное чувство современнаго читателя, насъ поражаютъ *dicta factaque soluta et quandam negligentiam sui praeferebant*. Если, далѣе, эти прихотливые переходы отъ серьезнаго къ шуткѣ, отъ стиховъ къ прозѣ, неожиданные перерывы сценъ указываютъ намъ на причуды человѣка, *cui dies per somnum, nox officiis et oblectamentis vitae transigebatur*, то съ другой стороны мы знаемъ, что этотъ человѣкъ, не смотря на изнѣженность и необузданность своей натуры, когда потребовали отъ него обстоятельства, оказался *vigens ac par negotiis*. Наконецъ, эпикурійское міросозерцаніе, проникающее всю книгу, живо напоминаетъ намъ того К. Петронія, который, проведя шумную и беззаботную жизнь и достигнутый въ расплохъ разверзшеюся передъ ногами его бездною, намѣренно уклоняется отъ всякихъ серьезныхъ помысловъ и въ послѣдніе дни ищетъ развлеченія въ легкомысленныхъ забавахъ.

Такимъ образомъ, если на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя мы заимствовали изъ содержанія Сатирикона, мы пришли къ убѣжденію, что этотъ романъ принадлежитъ первому столѣтію, то вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ кажется, всего естественнѣе думать, что авторъ этого романа былъ однимъ лицомъ съ К. Петроніемъ Тацита. Многочисленныя возраженія, которыя оспариваютъ нашу мысль, основываются, какъ мы видѣли, на

неопредѣленности словъ Тацита или на произвольномъ ихъ толкованіи. Но мы должны принять въ соображеніе, что знаменитый историкъ, характеризуя консула Кая Петронія, вовсе не имѣлъ въ виду очертить его литературной дѣятельности. Въ этомъ случаѣ все вниманіе историка было поглощено высокимъ смысломъ факта, когда умирающій консулъ вмѣсто духовнаго завѣщанія, въ которомъ обыкновенно отказывали часть имущества въ пользу цезаря или одной изъ его креатуръ, послалъ Нерону сатиру на его низкій и постыдный развратъ. И справедливо сравниваютъ съ этимъ мѣстомъ Тацита отзывъ его о литературной дѣятельности Лукана¹⁷⁾ и Сенеки¹⁸⁾, который имѣетъ ту же самую неопредѣленность, объясняемую въ этомъ случаѣ особыми цѣлями историка.

¹⁷⁾ Ann. XV, с. 70. ¹⁸⁾ Ann. XV, с. 63.

Понятіе о литературовѣдѣніи и его задачахъ*).

Г. Зоренфрей, С.-Петербургъ.

Классическая филологія — это старое названіе научной дѣятельности, направленной на изученіе классической древности, но этотъ терминъ употребляется въ настоящее время въ самомъ разнообразномъ значеніи. Говорятъ о классической филологіи въ противоположность восточной филологіи, романской, германской и др., различая обыкновенно этими названіями занятіе извѣстными группами народовъ, но не задаваясь вопросомъ, имѣетъ ли это занятіе одну и ту же цѣль въ виду и не составляютъ ли эти различныя филологіи одну цѣлую филологическую науку. Затѣмъ, если мы будемъ разсматривать лишь классическую филологію, то мы встрѣтимся съ самыми разнообразными взглядами на ея задачи. Подъ ней понимаютъ то изученіе древностей, то исторіи культуры, то національной исторіи. Другіе ограничиваютъ область классической филологіи возстановленіемъ и объясненіемъ текстовъ писателей и даже не считаютъ ее наукой, а искусствомъ и прислужницей исторіи, основнымъ методомъ которой она является.

---

* По Jahrb. f. class. Phil. T. 147. Стр. 433.

Современнымъ взглядомъ на филологію приходится считать понятіе о ней, какъ о наукѣ о древностяхъ; родоначальникомъ его былъ Фридрихъ Августъ Вольфъ, и къ нему скло- няется большинство самыхъ извѣстныхъ современныхъ ученыхъ. Ясно выражается этотъ взглядъ въ изданномъ Иваномъ Мил- леромъ *Handbuch der classischen Altertumswissenschaft*. Этотъ трудъ обнимаетъ все, что мы знаемъ о грекахъ и римлянахъ и содержитъ въ себѣ кромѣ дисциплинъ, служащихъ лишь для введенія насъ въ древній міръ и являющихся лишь вспомо- гательными средствами, — классическое языкознаніе, географію и политическую исторію, древности, исторію естественныхъ наукъ и философіи, мѣологію, исторію религіи, исторію ис- кусствъ и археологію и, наконецъ, исторію литературы. Эта наука о древностяхъ ставитъ своею задачей пониманіе антич- наго міра, или знакомство съ жизнью обоихъ классическихъ народовъ во всей ея полнотѣ, знакомство съ античной куль- турою. Она отличаетъ формальныя дисциплины, какъ критику, герменевтику, отъ матеріальныхъ — географіи, исторіи, древ- ностей, мѣологіи, археологіи, философіи и исторіи литературы, и причисляетъ къ этой системѣ науки о древностяхъ и вспомога- тельныя науки, какъ книговѣдѣніе, изученіе рукописей, палеогра- фію, эпиграфику, метрику и грамматику. Эти различныя дисци- плины должны образовать одну цѣлую систему, въ которой разли- чаютъ чисто историческую и философскую, или эстетическую филологію.

Но понятіе о сущности науки рѣшительно не позволяетъ признать это объединеніе систематичнымъ: ему, если не въ теоріи, то въ практикѣ недостаетъ единства идеи и цѣли. Только тѣ дисциплины, въ которыхъ эта идея равномерно проведена, мы въ правѣ разсматривать, какъ звенья одной системы и части науки отличной отъ другихъ. Докажемъ это на примѣрѣ; возь- мемъ языкознаніе. Въ *Handbuch d. cl. Alt.* есть греческая грамма- тика, въ основѣ которой лежитъ методъ моднаго теперь сравни- тельнаго языкознанія. Но точно такую же грамматику древне- греческаго языка, основанную на томъ же методѣ, вы найдете и въ библіотекѣ индогерманскихъ грамматикъ. Гдѣ же мѣсто грече-

ской грамматикѣ?—и притомъ подобной—въ наукѣ о древностяхъ или въ языковѣдѣніи? На вопросъ, что за отношеніе имѣетъ греческая грамматика къ кельтскому, славянскому, нѣмецкому, или санскритскому языку, я отвѣчу: эти дисциплины — звенья одной науки и тѣсно соединены въ ней единствомъ идеи. Вѣдь задача языковѣдѣнія — изученіе сущности языка, которое заключается въ объясненіи его измѣненій или исторіи. Такъ какъ грамматики отдѣльныхъ индогерманскихъ языковъ одинаковымъ образомъ преслѣдуютъ одну и ту же цѣль, то онѣ единствомъ идеи объединяются въ звенья одной системы. Между тѣмъ въ руководствѣ древностей греческую грамматику связываетъ съ древней исторіей или съ исторіей искусствъ лишь имя грековъ и римлянъ, ибо, какъ въ томъ, посвященномъ языковѣдѣнію, дѣло идетъ объ изученіи языка, такъ изложеніе древней исторіи имѣетъ въ виду изученіе политическихъ событій. Тутъ каждая дисциплина имѣетъ свою особенную цѣль и преслѣдуетъ ее инымъ образомъ. Просто тутъ взято изъ различныхъ наукъ все касающееся классическихъ народовъ, и, помѣстивъ все это рядомъ, думали создать новую систему. Руководство Миллера есть собраніе прекрасныхъ руководствъ, которыя даютъ намъ прекрасное представленіе о различныхъ вопросахъ различныхъ наукъ, вопросахъ, касающихся грековъ и римлянъ; но ни въ какомъ случаѣ это руководство не является системою древностей.

Мы не отрицаемъ возможности науки о древностяхъ: конечно, античные языки и античное искусство можно изучать не только для познанія сущности языка или искусства; связываетъ то и другое идея античнаго. Если искать сущности античнаго одинаковымъ образомъ и въ языкѣ, искусствѣ, литературѣ и исторіи древнихъ, — однимъ словомъ во всякомъ проявленіи чловѣческаго духа въ древности, то эти различныя дисциплины будутъ соединены единствомъ идеи въ науку о древностяхъ. Съ идеей античнаго насъ знакомитъ такое всеобщее ученіе о древностяхъ, какое предпослалъ Бекъ своему спеціальному ученію о томъ же. Сущность античнаго можно познать, лишь противопоставляя ее сущности современнаго. Въ античномъ

образованіи господствуетъ природа, въ современномъ... духъ. Античная культура носить характеръ необходимости, современная—свободы. Итакъ, доказывать характерныя черты древности одинаковымъ образомъ въ античномъ государствѣ и частной жизни, въ античномъ искусствѣ и религіи, языкѣ и наукѣ и будетъ предметомъ истинной науки о древностяхъ. Ея задачи изслѣдовать причины особенностей античнаго міра, а объ этомъ вы не найдете ни слова въ руководствѣ Миллера. Положить основаніе наукѣ о древностяхъ можно лишь тогда, когда науки, которыя должны изслѣдовать античный и современный духъ во всѣхъ его направленіяхъ, какъ-то: науки объ искусствѣ, языкознаніе, правовѣдѣніе и др., изложить намъ исторію искусствъ, языка и права отъ древнихъ временъ до настоящаго момента въ ихъ органическомъ развитіи. А намъ до этого еще далеко, что и не удивительно при молодости современнаго языкознанія и науки объ искусствѣ. Поэтому въ настоящее время система древностей является совершенно невозможною.

Обратимся теперь къ глубокомысленному построению науки исторической Августа Бека. Въ лекціяхъ своихъ по энциклопедіи и методологіи филологическихъ наукъ Бекъ опредѣлилъ филологію, какъ познаніе познаннаго, т. е. выработаннаго человѣческимъ духомъ, и призналъ ее тождественною съ исторической наукой въ смыслѣ исторіи духа. Остроумно его различіе формальной теоріи филологической науки и матеріальныхъ дисциплинъ ученія о древностяхъ. Въ формальной части заключается методъ филологическаго изслѣдованія, или филологическій органонъ, т. е. теорія критики и герменевтики. Напротивъ, матеріальная часть его филологіи имѣетъ своимъ предметомъ все духовное развитіе классическихъ народовъ. Главными предметами этой исторіи культуры являются государственная и общественная жизнь, семейная и вообще частная жизнь, искусство и внѣшніе религіозные обряды, наука и вѣроученіе.

Не вдаваясь въ полную оцѣнку этого высокаго и своеобразнаго творенія генія, желательно было бы лишь въ нѣсколькихъ словахъ коснуться формальной части,

чтобы дойти до новой точки зрѣнія. Въ этой части прежде всего являются четыре рода филологической герменевтики: грамматическая, историческая, индивидуальная, и родовая интерпретація. Эти интерпретаціи учатъ объясненію произведенія: 1) на основаніи грамматическаго смысла словъ, 2) на основаніи заключающихся въ этомъ произведеніи отношеній къ историческимъ событіямъ, 3) на основаніи индивидуальности самого творца, 4) на основаніи характера того рода произведеній, къ которому объясняемое принадлежитъ. Этимъ четыремъ родамъ герменевтики соотвѣтствуетъ четыре рода критики: грамматической, исторической, индивидуальной и родовой. Значитъ, формальная часть Бека представляетъ изъ себя не что иное, какъ теорію герменевтики и критики литературныхъ памятниковъ, и это прекрасно понималъ самъ Бекъ. Приведемъ его собственныя слова. Въ концѣ изложенія критики онъ говоритъ: «На самомъ дѣлѣ и четыре изложенные нами рода критики въ своей совокупности представляютъ то, что на обиходномъ языкѣ мы называемъ литературною критикою и считаемъ задачею рецензій, въ современномъ значеніи этого слова.» Итакъ, — спрощу я — неужели литературная критика и герменевтика являются теоріей науки исторической. Отрицательный отвѣтъ разрушаетъ всю систему Бека.

Бекъ излагаетъ въ практической части исторію классической литературы, которая несомнѣнно имѣетъ отношеніе къ теоріи литературнаго метода. Затѣмъ онъ излагаетъ теорію античнаго искусства. Неужели и послѣдняя находится въ томъ же отношеніи къ литературной критикѣ и герменевтикѣ, какъ исторія литературы? не соотвѣтствуетъ ли ей скорѣе археологическая критика и герменевтика, методъ науки объ искусствахъ? Бекъ намѣренно не говоритъ о послѣднемъ, такъ какъ онъ хочетъ дать общую теорію, а археологическій методъ рассматриваетъ какъ развѣтвленіе его. Но какъ же археологическій методъ можетъ быть развѣтвленіемъ литературнаго метода? Отчего же въ практической части исторія искусствъ не обойдена молчаніемъ, какъ развѣтвленіе исторіи литературы. Далѣе

Бекъ развиваетъ политическую исторію. Неужели и для нея имѣеть мѣсто литературный методъ, а не историческая критика, т. е. критика фактовъ, ибо та историческая критика фактовъ, съ которою мы встрѣтились въ формальной части, не есть критика фактовъ, но литературная критика литературныхъ фактовъ, поскольку они затрогиваютъ историческіе факты. Бекъ не долженъ былъ выставлять въ такомъ видѣ литературную критику, но онъ и не имѣлъ права поставить рядомъ съ нею археологическій или другой методъ: онъ долженъ былъ изобрѣсти историческій методъ, общій всѣмъ различнымъ дисциплинамъ его науки исторической. Какъ критика и герменевтика памятниковъ искусства принадлежитъ къ методологическому учению науки объ искусствахъ, такъ литературная критика и герменевтика является теоріею науки о литературѣ. Къ послѣдней относится формальная часть Бека, матеріальныя же дисциплины находятъ свое мѣсто въ наукѣ объ искусствахъ, языкознаніи, наукѣ о литературѣ и др.; въ нихъ заключается по одной изъ различныхъ задачъ этихъ наукъ, именно исторія искусствъ, исторія языка, или историческая грамматика и исторія литературы.

Такимъ образомъ, надѣюсь, будетъ понятно, почему необходимо установить самостоятельную науку — литературовѣдѣніе. Разовьемъ понятіе о ней и ея задачахъ въ связи. Литературовѣдѣніе есть наука духовная, поскольку она имѣеть своимъ предметомъ то проявленіе человѣческаго духа, которое представляется намъ въ видѣ письменно изложеннаго произведенія языка, по скольку она имѣеть дѣло съ исходящими изъ человѣческаго духа мыслями, воплощенными въ языкѣ, которыя намъ дѣлаются доступными, благодаря знакамъ послѣдняго — письму. Духовныя науки въ своей совокупности имѣють своею задачею познаніе человѣческаго духа и должны достичь его путемъ одинаковаго филологическаго метода. Если мы пожелаемъ представить себѣ соотношеніе ихъ, то мы должны себѣ вообразить черезъ исторію всѣхъ народовъ и временъ, которыя представляетъ развитіе человѣческаго духа, поперечные и продольные разрѣзы. Поперечный разрѣзъ объ-

единяетъ несходныя проявленія духа въ опредѣленный промежутокъ времени или въ опредѣленномъ народѣ, какъ напр. наука о древностяхъ или національная исторія, которыя получаютъ духъ древности по всеѣмъ направленіямъ духовной дѣятельности, искусству, языку, литературѣ. Продолжный разрѣзъ образуется тогда, когда мы прослѣдимъ одно проявленіе человѣческаго духа сквозь всю исторію, напр. развитіе литературы всеѣхъ народовъ, начиная съ древнѣйшихъ и кончая нашими временами. Вотъ это есть область литературовѣдѣнія. То же происхожденіе имѣютъ ея сестры, науки о языкѣ, вѣрѣ, искусствѣ, правѣ, государствѣ и обществѣ. Наука о литературѣ (литеровѣдѣніе) есть наука, отличная отъ другихъ духовныхъ наукъ разностью своей идеи. Правда, изслѣдователь литературы часто сталкивается съ изслѣдователемъ языка или историкомъ въ области литературы, такъ какъ есть вѣдь мертвые языки, которые продолжаютъ свое существованіе лишь благодаря литературѣ, и такъ какъ историкъ не былъ очевидцемъ историческихъ событій прежнихъ временъ, то онъ долженъ почерпать знаніе о нихъ и событіяхъ современныхъ изъ литературныхъ памятниковъ. Было бы однако ошибочно дѣлать отсюда выводъ объ единствѣ ихъ наукъ: вѣдь они изучаютъ литературу съ совершенно различною цѣлью. Изслѣдователю языка или историку изученіе литературы служитъ лишь средствомъ къ достиженію цѣли. Оба пользуются литературой, какъ источникомъ, изъ котораго они черпаютъ свѣдѣнія для своей цѣли, которая заключается въ познаніи сущности языка или историческихъ фактовъ. Изслѣдователю литературы литература сама по себѣ служитъ цѣлью: онъ не желаетъ по ней изучить сущность языка или политическія событія, онъ хочетъ изучить сущность самой литературы. Вотъ эта то идея и лежитъ въ основаніи литературовѣдѣнія и отдѣляетъ его отъ всеѣхъ остальныхъ духовныхъ наукъ. Изслѣдованіе условій, при которыхъ образуется литература, причинъ, почему извѣстное литературное произведеніе отличается такими, а не другими свойствами, вотъ ея задачи.

Условія возникновенія литературнаго произведенія двоя-

каго рода. Во-первыхъ, они носятъ индивидуальный характеръ, такъ какъ каждое произведеніе имѣетъ своего автора, духовныя особенности котораго кладутъ отпечатокъ на языкъ, содержаніе и композицію произведенія; во вторыхъ, условія эти общаго характера, такъ какъ не все, что стоитъ въ книгѣ, является духовною собственностью автора, но послѣдній въ отношеніи языка и мыслей зависитъ отъ условій своего времени, народа и племени, отечества и общества, а въ отношеніи къ внутренней цѣли своего произведенія онъ долженъ сознательно или безсознательно слѣдовать законамъ того вида произведеній, къ которому относится его собственное твореніе. Своей спеціальной цѣли — знанія сущности литературы литературовѣдніе достигаетъ съ помощью собственного метода литературной критики и герменевтики. Если этотъ методъ самъ сдѣлать предметомъ научнаго изслѣдованія, чему далъ толчекъ Робертелли въ XVI столѣтіи, то приходится различать двѣ главныя части нашей науки: 1. Формальную теорію, или теоретическую часть, или всеобщую науку о литературѣ и 2. матеріальныя дисциплины, или практическую часть, или спеціальную науку о литературѣ. Ей нельзя сдѣлать стараго упрека въ томъ, что она является формальной филологіей. Всякая наука, знающая себѣ цѣну, должна бы имѣть кромѣ собственно практической части еще и формальную (теоретическую). Въ этомъ отношеніи наука о литературѣ можетъ служить прямо таки образцомъ другимъ наукамъ. Общая часть нашей науки развиваетъ понятіе и задачу литературовѣднія и затѣмъ изслѣдуетъ законы литературной критики и герменевтики, которые приводятъ въ систему литературное изслѣдованіе и съ извѣстными измѣненіями имѣютъ значеніе для литературныхъ произведеній всѣхъ народовъ и временъ. У насъ нѣтъ еще особаго очерка литературно-историческаго метода. Въ этой части найдетъ себѣ мѣсто и исторія науки о литературѣ. Цѣлью послѣдней будетъ не нагроможденіе датъ о жизни изслѣдователей или ихъ литературной дѣятельности; цѣль ея изложить и объяснить развитіе литературнаго біометодаграфія, причѣмъ извѣстнаго ученаго должна

лишь по столько приниматься во вниманіе, по столько свойства его метода находятъ себѣ объясненіе въ ходѣ его образованія и занятій, и его писательство заслуживаетъ вниманія, лишь по скольку въ немъ отражается развитіе его метода. Спеціальная часть науки о литературѣ создается примѣненіемъ общихъ законовъ къ объекту изслѣдованія—къ литературѣ. Науки о классической литературѣ, славянской, романской, германской и восточной являются особенными дисциплинами. Сходство представляетъ въ этомъ отношеніи языкованіе, теоретическою частью котораго является общее языкованіе, или философія языка, а практическая обнимаетъ языки восточные, классическіе, славяно-латышскіе, романскіе, кельтскіе и германскіе.

Перейдемъ теперь отъ понятія о литературовѣдѣніи къ ея задачѣ; ею будетъ познаніе сущности (Wesen) литературы; достигается она на практикѣ троякимъ путемъ:

1. Возстановленіемъ литературныхъ памятниковъ на основаніи изученія ихъ преданія.
2. Объясненіемъ отдѣльнаго произведенія на основаніи его возникновенія.
3. Изложеніемъ и объясненіемъ историческаго развитія всей литературы.

Тѣ же три задачи имѣетъ и наука объ искусствахъ, которая ближе всего подходитъ къ литературовѣдѣнію. Познаніе внутренней сущности (inneren Wesen) литературы непосредственно невозможно, если у насъ нѣтъ оригиналовъ. Такъ дѣло обстоитъ съ классической литературой, если не считать надписей. Классическая литература дошла до насъ въ рукописяхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, правда, восходятъ въ древнія времена, большинство же принадлежитъ болѣе позднимъ среднимъ вѣкамъ. Сотни лѣтъ раздѣляютъ древнѣйшихъ свидѣтелей рукописнаго преданія отъ автора произведенія, и между ними нѣтъ никакой связи. Мы должны себѣ представить этотъ пробѣлъ восполненнымъ цѣлымъ рядомъ списковъ, изъ которыхъ меньшинство было свободно отъ ошибокъ. Сохраненныя до нашихъ временъ рукописи находятся въ самомъ печальномъ положеніи, которое не можетъ быть

объяснено только внѣшнею порчею, причиненною пылью, плѣсенью, червями, огнемъ, насильственнымъ разрываніемъ или смываніемъ древняго письма для новаго. Къ этому присоединяются безчисленныя ошибки, являющіяся плодомъ недоразумѣній со стороны переписчиковъ или произвольныхъ поправокъ писцовъ, корректоровъ и читателей. Ошибки отъ диктовки и переписки, пробѣлы и невѣрныя прибавленія, перестановки словъ и предложеній, неправильный переносъ, неправильная постановка знаковъ, портятъ текстъ. Особенно слѣдуетъ упомянуть невѣрную передачу заглавій произведеній и именъ авторовъ, которыя частью вслѣдствіе незнанія ихъ происхожденія, частью умышленно приписываются анонимнымъ или подложнымъ произведеніямъ. Кромѣ рукописей источниками преданія являются древнія печатныя произведенія, которыя имѣютъ цѣну рукописей, если послѣднія утеряны; затѣмъ подражанія, объясненія и цитаты древнихъ, въ основѣ которыхъ лежатъ рукописи болѣе древнія, чѣмъ имѣющіяся у насъ, но они, какъ непрямые свидѣтели, играютъ второстепенную роль. При такихъ свойствахъ рукописнаго преданія возстановленіе текста имѣетъ въ виду двоякую задачу, чтобы достигъ своей цѣли — изданія писателя: ее принято обозначать словами «рецензія и эмендація». Рецензія происходитъ съ помощью дипломатической критики, или критики источниковъ и должна провѣрить преданіе со стороны его внѣшней достовѣрности. Рецензія является дѣломъ простымъ, разъ извѣстный писатель дошелъ до насъ въ одной рукописи; однако большинство авторовъ дошли до насъ во многихъ, многіе въ сотняхъ рукописей. Приходится опредѣлять соотношеніе этихъ рукописей на основаніи древности и разногласій. При механическихъ ошибкахъ это не трудно, но въ другихъ случаяхъ истинное чтеніе можетъ быть узнано лишь на основаніи внутреннихъ причинъ. Значитъ, рецензія произведенія предполагаетъ ужъ знакомство съ писателемъ, знакомство, достигнутое путемъ объясненія. Это является первою причиною, въ силу которой изученіе преданія или внѣшней исторіи литературы не можетъ быть отдѣлено отъ возникновенія.

Результатъ сравненія рукописей у разныхъ писателей бываетъ различный: рукописи могутъ или быть сведены къ одному, — до насъ дошедшему экземпляру, — или хотя недошедшему, но легко возстановляемому архетипу, или онѣ распадаются на нѣсколько разрядовъ, изъ которыхъ каждый имѣеть свое особое происхожденіе. Если установленіемъ самой древней рукописи положено основаніе къ возстановленію текста, то рецензію смѣняетъ эмендація, которая съ помощью критики старается привести текстъ въ видъ, который имѣлъ оригиналъ автора. И самыя древнія рукописи имѣють разнаго рода ошибки и не могутъ во всѣхъ отношеніяхъ быть лучшими; онѣ далеко не въ чистомъ видѣ даютъ намъ текстъ; разъ послѣдній не согласенъ съ другими свидѣтелями преданія, является вопросъ: «что написалъ авторъ?» Рѣшеніе при выборѣ чтенія должно быть принято на основаніи внутреннихъ причинъ: соотвѣтствуетъ ли тотъ или другой оборотъ или возстановленная мысль индивидуальности автора и общему характеру и въ особенности цѣли произведенія. На это даетъ намъ отвѣтъ объясненіе (интерпретація) писателя, которое, значить, предшествуетъ и эмендаціи. Если внутреннія основанія не позволяютъ намъ рѣшить дѣла, то принимается во вниманіе авторитетъ рукописей: лучше засвидѣтельствованное чтеніе заслуживаетъ предпочтенія; слѣдуетъ также обращать вниманіе на то, можетъ ли одно чтеніе быть выведено изъ другого. Если единственная рукопись, въ которой дошелъ до насъ авторъ, или всѣ рукописи съ вариантами или согласно даютъ намъ невѣрное чтеніе, то на вопросъ: «что написалъ писатель?» даетъ отвѣтъ критика дивинаторская или коньектуральная. Приходится воспринять способъ рѣчи и образъ мыслей писателя, чтобы найти подходящее его цѣлямъ. Но коньектура только тогда убѣдительна, если она объясняетъ ошибки преданія. Наконецъ, если имя автора по ошибкѣ или умышленно передано невѣрно, или если у насъ нѣтъ данныхъ о немъ, то нужно угадать его на основаніи языка, содержанія и степени его писательскаго искусства. Эта часть коньектуральной критики носитъ обыкновенно

особое названіе высшей критики, или критики истиннаго и подложнаго. Такъ вотъ литературовѣдніе путемъ самаго подробнаго изученія преданія и съ помощью свободной комбинаціи доходить до изданія текста. Непосвященный и не представляетъ себѣ той разнообразной умственной работы, которая предшествуетъ изданію писателя, котораго онъ ужъ получаетъ въ исполнѣ готовомъ видѣ. Но это развѣ есть произведеніе, какимъ оно вышло изъ подъ пера писателя; какой издатель могъ бы это утверждать о своемъ изданіи. Стоитъ сравнить текстъ писателя въ изданіи двухъ ученыхъ: чуть не въ каждой строчкѣ встрѣчаются разногласія. Изданіе не содержитъ въ себѣ текста писателя, а лишь представленіе о первоначальномъ видѣ текста, которое составилъ себѣ извѣстный ученый на основаніи изученія преданія. Часто невозможно отъ того времени, къ которому принадлежитъ послѣдній свидѣтель преданія, дойти до первоначальнаго текста. Болѣе осторожные критики довольствуются въ такихъ случаяхъ несомнѣнно достижимыми результатами, между тѣмъ, какъ болѣе смѣлымъ все кажется достижимымъ. Кто можетъ утверждать, что онъ читалъ текстъ Гомера въ первоначальномъ видѣ. Если возстановленіе текста, которое опирается на изученіе внѣшней его стороны, предполагаетъ знаніе внутренней сущности его, то къ этому знанію нельзя прійти не возстановивъ текста. Знаніе внутренней сущности литературы изъ условій ея возникновенія достигается или тѣмъ, что принимается въ расчетъ отдѣльное произведеніе или вся литература въ совокупности. Обратимся сначала къ объясненію отдѣльнаго произведенія; задачею его считаютъ пониманіе произведенія. Понимать — де слѣдуетъ такъ, какъ писатель надѣялся быть понятымъ читателемъ, къ которому онъ обращался. Slѣдуетъ думать и чувствовать, какъ думалъ и чувствовалъ писатель; для этого прежде всего необходимо знаніе языка, реальныхъ и историческихъ данныхъ произведенія. Это трудная задача по отношенію къ произведенію, написанному въ древнее время, среди обстоятельствъ — намъ мало извѣстныхъ, и на чужомъ языкѣ. Нужно въ совершенствѣ владѣть языкомъ; а если

еще литература написана на языкѣ, который нужно разгадать, то литературное изслѣдованіе не можетъ начаться раньше, чѣмъ это удастся языкознанію. Чтобы понять классическую судебную рѣчь, драму или военную исторію, нужно обратиться къ древностямъ юридическимъ, сценическимъ и военнымъ. Такъ какъ литература затрогиваетъ всѣ вопросы жизни, то всякій писатель предъявляетъ свои особыя требованія къ пониманію читателя. Но съ помощью такъ называемой грамматической и исторической интерпретаціи мы достигаемъ только самаго обыденнаго пониманія текста (*Laienverständnis*), которое дается само собою образованному человѣку при чтеніи произведенія, написаннаго на его родномъ языкѣ и основывающагося на современныхъ ему обстоятельствахъ. Такое пониманіе предполагаетъ исторія для своихъ занятій, и еслибы литературовѣдѣніе удовольствовалося имъ, то оно было бы дѣйствительно лишь прислужницей ея и вообще не наукой. Цѣль науки не пониманіе, а познаніе, которое занимается причинами явленій. Для этого уже предполагаются извѣстными всякаго рода знанія, которыя обусловливаютъ простое пониманіе. Объясненіе произведенія должно быть направлено на форму и содержаніе, которыя оба зависятъ отъ цѣли произведенія. Форму, содержаніе и цѣль нужно объяснять на основаніи индивидуальныхъ и общихъ условій возникновенія произведенія. Замѣчанія о языкѣ и историческія замѣчанія только тогда допустимы, когда они дѣлаются не ради языка или печати, но когда они намъ помогаютъ объяснить возникновеніе литературнаго произведенія. Авторъ узнается по языку, оборотамъ рѣчи. Каждый писатель съ самостоятельнымъ характеромъ имѣетъ индивидуальный стиль, который въ выборѣ и постановкѣ словъ отличается отъ общепринятаго и отступаетъ отъ него въ такой степени, въ какой свобода индивидуальности ограничивается внѣшними воздѣйствіями. Всякій сынъ своего времени и націи въ общемъ будетъ пользоваться національнымъ и современнымъ стилемъ, но и видъ, которому принадлежитъ извѣстное произведеніе, могъ выработать особый стиль, къ это показываетъ художественный эпическій и лири-

ческій языкъ эллиновъ. Но и сущность содержанія или идейная сфера, къ которой относится содержаніе, вліяють на языкъ. Къ этому присоединяется еще умышленное подражаніе образцу; приходится имѣть въ виду художественную цѣль произведенія, вкусъ и образованіе публики, для которой оно предназначается.

То, что примѣнимо къ языку, относится и къ содержанію. Матеріаль, обработанный въ извѣстномъ произведеніи, могъ быть изображенъ уже предшественниками писателя, и характеръ вида, къ которому произведеніе принадлежитъ, въ силу тогдашняго закона художественности, могъ признать матеріаль единственно-возможнымъ. Въ другомъ случаѣ матеріаль находитъ себѣ объясненіе въ свободѣ писателя, которая заставила его выбрать матеріаль еще дотолѣ не разработанный. Субъективныя мысли писателя, проходящія черезъ матеріаль его произведенія, будутъ обличать или оригинальный образъ мыслей писателя или же будутъ отличаться общимъ характеромъ, т. е. содержать въ себѣ воззрѣнія общія у писателя съ его современниками, соотечественниками, обществомъ и окружающими его. Наконецъ, они будутъ зависѣть отъ публики, такъ какъ писатель хочетъ быть понятымъ читателемъ и не будетъ требовать отъ него воззрѣній и взглядовъ, которыхъ послѣдній имѣть не можетъ. Наконецъ, самое большое вліяніе на развитіе мыслей оказываетъ внутренняя цѣль произведенія. Разсмотримъ эту цѣль, которой служить и форма и содержаніе.

Каждое произведеніе имѣетъ цѣлью сообщить мысли. Смотря потому, предназначаются ли эти мысли для воспріятія разумомъ или фантазіей, мы говоримъ объ изложеніи прозаическомъ и поэтическомъ. Въ зависимости отъ различнаго взаимоотношенія обработаннаго матеріала и господствующихъ надъ нимъ субъективныхъ мыслей являются главные виды поэзіи: эпосъ, драма и лирика, которымъ соотвѣтствуетъ троякаго рода проза: историческая, риторическая и философская. Различіе видовъ объясняетъ и способъ выраженія и содержаніе. Языкъ прозы существенно разнится отъ языка поэзіи, такъ какъ средства изображенія у нихъ различны, какъ напримѣръ рима и стихотворный размѣръ, пе-

рідъ и ритмъ. Различіе содержанія въ произведеніяхъ различныхъ видовъ объясняется не столько содержаніемъ самимъ по себѣ, сколько обработкой его: если въ эпосѣ мысли писателя совершенно исчезаютъ за изображеннымъ сюжетомъ, то въ лирикѣ, наоборотъ, субъективныя чувства писателя господствуютъ всецѣло надъ обработаннымъ матеріаломъ. Если въ основѣ содержанія произведенія лежитъ одна единая идея, которая этимъ произведеніемъ и изображается, такъ что всѣ остальные мысли зависятъ отъ этой высшей основной мысли, то такое произведеніе мы называемъ художественнымъ. Объясненіе должно доказать единство содержанія на основаніи соотношенія отдѣльныхъ частей или композиціи. Далѣе, оно должно разсмотрѣть соотвѣтствуетъ ли форма выраженія, ритмическая и метрическая, цѣли произведенія; на основаніи необходимаго цѣли произведенія соотвѣтствія содержанія и формы оно судитъ о красотѣ художественнаго произведенія. Наконецъ, она степень художественности разсматриваетъ со стороны оригинальности художника и зависимости его отъ другихъ представителей этого вида произведеній.

Если объясненіе изучаетъ условія возникновенія литературы для отдѣльнаго случая или отдѣльнаго произведенія, то исторія литературы доказываетъ ихъ для всей литературы. Послѣдняя должна узнать развитіе литературы изъ условія ея возникновенія. Такъ какъ съ условіями послѣдняго мы познакомились, то здѣсь можно вкратцѣ объяснить. Исторія литературы разсматриваетъ различные произведенія одного автора и пытается узнать индивидуальность послѣдняго при разнообразныхъ условіяхъ. Она дѣйствуетъ синхронистически, сравнивая произведенія автора съ произведеніями современниковъ, не обращая вниманія на то, къ какому виду произведеній они принадлежатъ, и находитъ такимъ образомъ въ одновременныхъ произведеніяхъ характеръ времени. Она соединяетъ во единое произведенія одной націи и видитъ въ нихъ картину исторіи и культуры ея. Наконецъ, она изучаетъ произведенія одного вида авторовъ различныхъ народовъ и временъ и посредствомъ идографическаго метода узнаетъ раз-

вигіе законовъ художественности. Историко-литературное изслѣдованіе встрѣчаетъ особыя затрудненія въ области классической литературы, такъ какъ, вслѣдствіе утраты большей ея части, трудно доказать связь въ развитіи и вліяніе отдѣльныхъ произведеній другъ на друга.

Такимъ образомъ мы разсмотрѣли задачи литературовѣдѣнія: возстановленіе литературы, или изученіе рукописнаго преданія, объясненіе отдѣльнаго произведенія и исторіи литературы; обѣ послѣднія должны изучать возникновеніе литературныхъ памятниковъ. Всѣ три представляютъ лишь различные пути, посредствомъ которыхъ достигается одна единая цѣль литературовѣдѣнія — познаніе сущности литературы. Ни одинъ изъ этихъ путей одинъ не можетъ привести къ этой цѣли. Возстановленіе предполагаетъ изученіе возникновенія произведенія, такъ какъ лишь съ помощью его можно отличить подложное отъ истиннаго. Изученіе возникновенія съ своей стороны предполагаетъ возстановленіе литературы, такъ какъ только данный текстъ можно изучать по отношенію къ условіямъ его первоначала. Объясненіе отдѣльнаго произведенія предполагаетъ исторію литературы, такъ какъ образованія произведенія нельзя изучить, не зная отношеній его къ другимъ произведеніямъ. Исторія литературы, наконецъ, предполагаетъ объясненіе отдѣльнаго произведенія, такъ какъ знаніе развитія всего цѣлаго, безъ знанія образованія отдѣльныхъ произведеній, невозможно. Такимъ образомъ доказано единство задачъ для литературовѣдѣнія.

Остановимся теперь на отношеніи литературовѣдѣнія къ филологіи. Если со временъ Эратосѣена съ именемъ филологіи соединяли представленіе о разнообразныхъ грамматическихъ, литературныхъ, историческихъ, антикварныхъ знаніяхъ, то въ настоящее время мы съ полнымъ правомъ можемъ совокупность духовныхъ наукъ назвать филологіей.

Къ ней литературовѣдѣніе относится такъ же, какъ языкознаніе и исторія искусствъ, т. е. какъ части къ цѣлому. Классическая филологія обнимаетъ часть филологіи, касающуюся классической древности: классическое языкознаніе,

классическую археологію, классическое литературовѣдѣніи и т. д. Она въ настоящемъ своемъ видѣ не представляетъ обусловливаемой единствомъ идеи единой науки, а кругъ занятій древневѣдѣніемъ, который иногда поднимается на степень настоящей науки о древностяхъ или національной исторіи грековъ и римлянъ. Классическая литература съ давнихъ временъ изъ всеѣхъ отраслей классической филологіи занимала первенствующее значеніе: это та гордая наука, которая со временъ александрійскихъ ученыхъ наперерывъ изучалась всеѣми образованными націями, та гордая наука, которая отцемъ своимъ считаетъ знаменитаго Аристарха, которая обязана Бентли величайшею славою, которая въ Готфридѣ Германѣ и Фридрихѣ Ричлѣ нашла своихъ смѣлыхъ борцевъ, та гордая наука, примѣръ которой вызвалъ къ жизни цѣлый рядъ младшихъ сестеръ. Обратимся отъ прошедшаго къ будущему: въ одномъ можно быть увѣреннымъ: наукѣ о литературѣ предстоитъ великая будущность, если она по пути, указанному Лахманномъ и Гауптомъ, разовьется въ сравнительную науку о литературѣ, если родственныя науки о литературѣ путемъ одинаковаго метода будутъ стремиться соединенными силами къ одинаковой цѣли — къ познанію сущности литературы. Пока стремленіе человѣчества направлено на науку и образованіе, до тѣхъ поръ наука о литературѣ будетъ необходимою. Развѣ образованіе неученаго не основывается на ряду съ устной рѣчью главнымъ образомъ на чтеніи печатнаго слова и развѣ историческіе изслѣдователи въ обширномъ смыслѣ этого слова не черпаютъ изъ источниковъ литературныхъ памятниковъ. Чѣмъ выше будетъ стоять литературовѣдѣніе, съ тѣмъ большею пользою для своихъ задачъ они будутъ это дѣлать.

Содержаніе

I. Олинеской рѣчи Демосѳена.*)

Е. В., Ревель.

I. Вступленіе (*προοίμιον*, exordium).

Совѣтъ выслушивать внимательно всѣхъ ораторовъ, обусловленный важностью вопроса, подлежащаго обсужденію (§ 1).

II. Подготовленіе къ предложенію оратора (*διήγησις*, narratio).

I. Данный случай благопріятенъ и настойчиво убеждаетъ насъ выступить противъ явнаго врага — Филиппа и исполнить просьбу олинцевъ, именно: немедленно порѣшить помочь имъ и отправить въ Олиноѣ посольство объявить о томъ (§ 2).

- a) Настоящій моментъ благопріятенъ, и намъ необходимо воспользоваться имъ: хотя Филиппу [который, безъ сомнѣнія, всячески, путемъ уступокъ, угрозъ и клеветы, будетъ добиваться рѣшительнаго вліянія на ходъ дѣла (§ 3)] единовластіе и даетъ перевѣсъ на войнѣ, всетаки ему трудно будетъ побѣдить недовѣріе олинцевъ, обратившихся къ намъ за помощью, и добиться соглашенія съ ними (§ 4), потому что олинцеве сознаютъ, что дѣло касается ихъ жизни и свободы; видятъ, что испытали жители Амфиполя и Пидны; знаютъ, что сосѣдство единоподданнаго правителя составляетъ постоянную опасность для свободнаго государства (§ 5).

Слѣдствіе: Слѣдуетъ приняться за войну и не жалѣть ни денегъ, ни трудовъ (§ 6).

- b) Весьма благопріятно, что олинцеве сами, безъ побужденія съ нашей стороны, подняли

---

*) По брошюрѣ: Dispositive Inhalts-Uebersicht zu Demosthenes acht Staatsreden, entworfen von Eduard Bottek. Wien. 1894.

оружіе противъ Филиппа, справедливо безпокоясь за свою будущность; поэтому они будутъ надежными союзниками для насъ (§ 7).

Слѣствие: Не слѣдуетъ упускать представившагося случая; подобный случай мы упустили, когда шелъ вопросъ о поддержкѣ Амфиполя (§ 8), Пидны, Потидеи, Метоны, Пагасъ и др. городовъ: этимъ мы дали Филиппу усилиться (§ 9). Мы должны, напротивъ, воспользоваться случаемъ и благодарить боговъ за то, что представился столь выгодный союзъ (§ 10), но не должны уподобиться расточителю, который, промотавъ все, теряетъ память и о богѣ, давшемъ ему состояніе (§ 11 до *χρίεται*).

2. *Позорно, да и не безопасно, при неутомимости Филиппа, пребывать въ бездѣйствіи* (§ 11 конецъ).

а) Наша нерѣшительность повредила намъ. Благодаря ей, Филиппу удалось занять Амфиполь, Пидну, Потидею и Метону (§ 12), въ Ферахъ, Пагасахъ, и Магнесіи устроить все по своему желанію, во Фракіи изгнать царей и посадить на ихъ мѣсто другихъ, напасть на олинѳянъ, не говоря уже о походахъ на иллирійцевъ и пэонянъ и на Ариббу (§ 13).

б) Наша нерѣшительность можетъ еще повредить намъ. Если мы не измѣнимъ своего образа дѣйствій, то, при своей неутомимости (§ 14), Филиппъ доберется и до нашей собственной страны (§ 15).

III. Предложеніе оратора (*πρόθεσις, propositio*).

Несмотря на опасность для меня, я намѣренъ открыто высказать свой совѣтъ (§ 16):

а) Слѣдуетъ снарядить войско; одну часть его отправить къ Олинѳу, а другую — опустошать владѣнія Филиппа (§ 17). Въ случаѣ пренебреженія однимъ пунктомъ совѣта, походъ останется безуспѣшнымъ (§ 18).

б) Чтобы добыть необходимыя денежныя средства, нужно или государственныя суммы (*θεσυρή*) употребить на военныя издержки (§ 19), или сдѣлать всеобщій налогъ на имущество (§ 20).

IV. Доказательства цѣлесообразности внесеннаго ораторомъ предложенія (πίστεις, probatio).

1. *Советъ мой общааетъ успѣхъ*, потому что настоящее время особенно благоприятно для энергичныхъ дѣйствій противъ Филиппа.

- а) Такъ какъ Филиппъ питаетъ надежду, что однимъ своимъ появленіемъ подчинитъ себѣ все, то сильное сопротивленіе лишаетъ его мужества и самоувѣренности (§ 21).
- б) Ненадежные по характеру своему вессалійцы требуютъ у него возвращенія Пагасъ, не даютъ укрѣплять Магнесію и не намѣрены платить ему портовыхъ и рыночныхъ налоговъ (§ 22).
- в) Также прѳоняне, иллирійцы и другіе покоренные Филиппомъ народы, привыкшіе къ свободѣ, предпочли бы быть независимыми и готовы возмутиться (§ 23).

Поэтому слѣдуетъ воспользоваться стѣсненнымъ положеніемъ Филиппа (§ 24).

2. *Послѣдовать совету моему необходимо*: если Филиппу удастся завладѣть Олинѳомъ, то уже никто не помѣшаетъ ему двинуться сюда (§ 25), ни вивяне, ни фокейцы (§ 26). Если же это случится, намъ придется понести величайшіе убытки, да сверхъ того стыдъ и позоръ (§ 27).

V. Заключение (ἐπίλογος, peroratio).

Мои совѣты слѣдовало бы всѣмъ принять: богатымъ, — чтобы не понести большихъ потерь; находящимся на призывѣ, — чтобы стать защитниками отечества; государственнымъ дѣятелямъ, — чтобы облегчить себѣ отвѣтственность (§ 28).

Маркъ Туллій Цицеронъ.

РѢЧЬ ЗА Л. МУРЕНУ.

Перевель съ лат. яз. П. Чернышевъ, Царицынъ.

Введеніе.

Луцій Лициній Мурена участвовалъ въ войнѣ съ Митридатомъ, сначала подъ начальствомъ своего отца, потомъ подъ начальствомъ Лукулла, былъ преторомъ въ 65 г., послѣ чего управлялъ Галліей. Въ 62 г. вмѣстѣ съ Силаномъ получилъ консульство, котораго искали также извѣстный Катилина и ученый правовѣдъ Сервій Сульпицій Руфъ. Послѣдній обвинилъ Мурену въ подкупѣ.

Обвиненный въ этомъ преступленіи лишился по lex Calpurnia (67 г.) права искать какой-либо должности и права засѣдать въ сенатѣ, а lex Tullia (63 г.), кромѣ того, опредѣляла десятилѣтнюю ссылку.

Цицеронъ, прежде поддерживавшій кандидатуру Сульпиція, теперь выступилъ вмѣстѣ съ Гортензіемъ и Крассомъ защитникомъ Мурены. Ихъ усиліями Мурена былъ оправданъ. Цицеронъ произнесъ блестящую рѣчь, въ которой показалъ свое геніальное остроуміе и замѣчательный тактъ: Сульпицій и Катонъ, главные обвинители Мурены, были друзьями Цицерона и послѣ процесса Мурены сохранили съ нимъ тѣ же дружественныя отношенія.

(1.) О чемъ, судьи, по обычаю предковъ я просилъ безсмертныхъ боговъ — въ тотъ день, когда, сообразуясь съ ихъ волею, я объявилъ имя вновь избраннаго консула, — а именно, чтобы избраніе его оказалось удачнымъ и счастливымъ какъ для меня, консула, такъ и для всего римскаго народа, о томъ же и теперь молю боговъ: чтобы Мурена удержалъ консульскую должность и былъ оправданъ предъ судомъ. Пусть рѣшеніе ваше согласуется съ желаніемъ всего народа и пусть избраніе Мурены принесетъ всѣмъ спокойствіе и миръ, пріятный досугъ и согласіе. Вѣдь и торжественное молебствіе во время выборовъ и консульскія авспиціи, если онѣ имѣютъ силу и святость сообразно съ достоинствомъ государства, совершались для того, чтобы избраніе это имѣло удачный исходъ для лицъ, на которыхъ оно пало. (2.) Такъ какъ, судьи, власть безсмертныхъ боговъ вручена вамъ, или, по крайней мѣрѣ, раздѣлена съ вами, то вашей совѣсти я ввѣряю консула, котораго прежде поручилъ безсмертнымъ богамъ. Кто объявилъ Мурену консуломъ, тотъ же долженъ и оправдать его; Мурена же пусть достойнымъ образомъ отправитъ дарованную ему должность на благо вамъ и всему народу.

Такъ какъ его обвинители порицаютъ меня за то, что я желалъ принять на себя защиту Мурены и принялъ ее — къ чему меня обязывалъ долгъ, то прежде, чѣмъ говорить за Мурену, я скажу нѣсколько словъ за себя. Это я сдѣлаю не потому, что для меня важнѣе оправдаться въ принятіи на себя роли защитника, чѣмъ оправдать Мурену, но чтобы послѣ вашего одобренія я могъ съ большимъ авторитетомъ защищать честь и доброе имя Мурены отъ нападеній его враговъ.

(3.) Прежде всего, по поводу взятой на себя защиты Мурены, я оправдаюсь передъ Маркомъ Катonomъ, который въ

своихъ поступкахъ сообразуется съ правилами стоической философіи и строго взвѣшиваетъ мотивы всѣхъ дѣйствій.

Онъ говоритъ, что мнѣ, какъ консулу и какъ автору закона, въ нарушеніи котораго обвиняется Мурена, не слѣдуетъ выступать защитникомъ, особенно, когда я показалъ себя такимъ строгимъ консуломъ. Все это побуждаетъ меня доказать правоту моего поступка какъ вамъ, судьи, — что слѣдуетъ сдѣлать прежде всего, — такъ и Катону, этому почтенному и безупречному мужу. Кому, Маркъ Катонъ, пристойнѣе выступить защитникомъ консула, какъ не консулу? Кто въ государствѣ можетъ и долженъ быть ближе ко мнѣ, какъ не тотъ, которому вмѣстѣ съ общимъ благосостояніемъ я передалъ на храненіе государство, спасенное моими самоотверженными трудами? Если вещь, которая передана кому либо законнымъ порядкомъ, требуется обратно, то быть отвѣтственнымъ предъ покупателемъ долженъ тотъ, кто сдѣлалъ формальное обязательство, что проданная вещь не будетъ оспариваема третьимъ лицомъ. Такъ и въ дѣлѣ Мурены: ручаться за законность предоставленія ему этой должности и защищать его отъ взводимыхъ на него обвиненій долженъ тотъ же, кто объявилъ его консуломъ.

(4.) Въ иныхъ государствахъ въ подобномъ дѣлѣ назначается офиціальныи защитникъ, и облеченному почетной должностью въ защитники дается лицо, занимающее такую же высокую должность и способное говорить съ всѣмъ. Кто прибылъ въ гавань изъ открытаго моря, очень охотно предупреждаетъ о буряхъ, разбойникахъ и объ опасныхъ мѣстахъ тѣхъ, которые только что отправляются въ море: вѣдь весьма естественно интересоваться намъ людьми, которымъ предстоитъ подвергаться опасностямъ, какія мы сами пережили. Какъ же слѣдуетъ относиться мнѣ, послѣ бурнаго плаванія только что увидѣвшему землю, къ Муренѣ, которому, какъ я вижу, угрожаютъ также политическія бури? Долгъ консула не только видѣть то, что происходитъ, но и предвидѣть, что будетъ, почему я считаю долгомъ въ своемъ мѣстѣ указать на то, какъ

важно для общаго нашего блага, чтобы 1-го января у насъ было два консула.

(5.) Итакъ, не столько долгъ друга, сколько благо государства обязываетъ меня защищать консула. Что же касается до того, что я внесъ законъ о неправильномъ исканіи должностей („de ambitu“) то я, конечно, не желалъ опровергнуть имъ тотъ законъ, который раньше изданъ по моему же предложенію. Если бы я призналъ фактъ свершенія подкупа и защищалъ бы его законность, я поступилъ бы нечестно, даже если бы законъ внесъ кто-нибудь другой; какимъ же образомъ моей защитѣ можетъ препятствовать то обстоятельство, что я самъ провелъ законъ („de ambitu“), когда я утверждаю, что этотъ законъ Муреной не нарушенъ?

(6.) Но, вотъ, Катонъ говоритъ, что нѣтъ послѣдовательности въ моемъ образѣ дѣйствій: съ одной стороны, я своими рѣчами чуть не всевластно изгналъ Катилину, который покушался на государство въ стѣнахъ Рима, а съ другой стороны, — я говорю теперь въ защиту Мурены. Я всегда былъ склоненъ поступать кротко и снисходительно (таковъ я отъ природы) и не желалъ бы прибѣгать къ строгости и суровости, но когда интересы государства заставили меня прибѣгнуть къ этому, я сталъ строгъ, какъ того требовало во время такой опасности достоинство моего званія. Я побѣдилъ врожденную мнѣ мягкость характера, когда государство требовало отъ меня строгости, и выказалъ себя сильнымъ настолько, насколько это требовалось обстоятельствами, а не насколько я самъ желалъ; поэтому, съ какимъ удовольствіемъ я буду поступать сообразно своему характеру и своимъ принципамъ теперь, когда все побуждаетъ меня къ кротости и гуманности! Относительно же необходимости моей защиты и о томъ, насколько основательно твое обвиненіе, намъ придется говорить въ другомъ мѣстѣ рѣчи.

(7.) Обвиненіе Катона, судьи, волнуетъ меня не менѣе, чѣмъ жалоба Сульниція, этого образованнаго и почтеннаго мужа, который говоритъ, что ему тяжело и горько видѣть, какъ я, забывъ родство и дружбу съ нимъ, защищаю дѣло Мурены. Я, судьи, хочу удовлетворить его и беру васъ въ

посредники: вѣдь, если справедливое обвиненіе въ нарушеніи обязанностей по отношенію къ другу волнуетъ насъ, то тѣмъ болѣе нельзя оставаться равнодушнымъ, когда насъ обвиняютъ ложно. Сознаюсь, Сульпицій, что я, вслѣдствіе нашей дружбы, обязанъ былъ оказать тебѣ въ искательствѣ консульства усердное содѣйствіе и услуги, и думаю, что оказалъ ихъ. Когда ты добивался консульства, я употребилъ все, что можно требовать отъ меня, какъ отъ друга, какъ отъ человѣка, пользующагося любовью народа, и, наконецъ, какъ отъ консула. Но со временемъ перемѣнился мой образъ мыслей. Я думаю — и я убѣжденъ въ этомъ — что я долженъ былъ противодействовать Муренѣ въ достиженіи консульства, насколько ты могъ этого требовать отъ меня, но противъ Мурены вообще я не долженъ заодно дѣйствовать съ тобой. (8.) Если я помогаль тебѣ, когда ты искалъ консульства, то теперь, когда ты нападаешь на самого Мурену, я не долженъ помогать тебѣ. Не только не похвально отказывать въ защитѣ хотя бы чуждымъ для насъ людямъ только потому, что обвинителями являются наши друзья, но даже нельзя никакъ оправдать этого отказа.

Я связанъ съ Муреной давней и крѣпкой дружбой и теперь, когда рѣшается вопросъ о сохраненіи гражданскихъ правъ Мурены, Сульпицій не можетъ совершенно парализовать эту дружбу, хотя, какъ соперникъ Мурены въ кандидатурѣ на консульство, онъ заставилъ меня забыть о ней. Да если бы и не было этой дружбы, во всякомъ случаѣ, благодаря значенію Мурены, его положенію и заслугамъ, я навлекъ бы на себя упрекъ въ гордости и жестокости, разъ я отказался бы отъ защиты человѣка, возвеличеннаго римскимъ народомъ и теперь попавшаго на скамью подсудимыхъ. Я не могу отказывать въ помощи людямъ, находящимся въ опасности. Когда я получилъ такую награду за свою дѣятельность, какой никто до меня не получалъ, то оставить послѣ того труды, за которые былъ награжденъ, возможно только человѣку неблагодарному.

(9.) Если и можно мнѣ оставить эти труды, возложивъ

это на твою отвѣтственность, то я съ охотой слагаю съ себя эту обязанность, если только на меня не падетъ обвиненіе въ бездѣйствіи, гордости и безчеловѣчности. Вѣдь, если уклоненіе отъ обязанности доказываетъ безпечность, отказъ просящимъ — гордость, пренебреженіе друзьями — безчестность, то, конечно, это дѣло такого рода, что отказаться отъ него не можетъ никто, если только онъ человѣкъ дѣятельный, сострадательный и услужливый. Да ты, Сервій, изъ своей собственной науки можешь вынести такой же взглядъ на обязанности, какой сложился у меня. (10.) Если бы отъ защиты этого дѣла меня отклонила твоя дружба, и если бы то же самое случилось съ этими знаменитыми мужами, Кв. Гортензіемъ и М. Крассомъ, или же съ другими, которыми, какъ я полагаю, высоко цѣнится твое расположеніе, то въ этомъ государствѣ, въ которомъ предки никому, даже самому послѣднему, не отказывали въ защитникѣ, провозглашенный консулъ не имѣлъ бы его. Я самъ, судьи, считалъ бы себя вѣроломнымъ, если бы не помогъ несчастному, — гордымъ, если бы не помогъ консулу. Поэтому, что нужно было сдѣлать во имя дружбы, я охотно исполнилъ, и къ тебѣ, Сервій, я буду относиться такъ же, какъ относился бы къ родному брату, если бы онъ выступилъ обвинителемъ. Въ своемъ образѣ дѣйствій я буду сообразоваться съ долгомъ дружбы, совѣсти и религіи, и буду помнить, что я защищаю отъ твоихъ обвиненій друга, который запутанъ въ уголовное дѣло и находится въ опасности.

(11.) Весь обвинительный актъ можно, кажется, раздѣлить на три части. Въ одной порицается жизнь Мурены; въ другой оспаривается его правоспособность занять консульскую должность; въ третьей доказывается нарушеніе имъ закона *de ambitu*.

Первая часть должна бы представляться для защитника весьма трудной, на самомъ же дѣлѣ эта часть обвиненія легко опровержима, и взводить подобныя обвиненія заставляетъ враговъ Мурены скорѣе сдѣлавшійся какъ бы закономъ обычай обвинителей, а вовсе не какія либо данныя, позволяющія сказать

что-нибудь дурное о его жизни. Ему ставить въ упрекъ пребываніе въ Азіи, куда онъ отправился вовсе не для удовольствій и роскоши, а для военной службы, и, если бы онъ не служилъ тамъ подъ командой своего отца, то показалось бы, что онъ побоялся или врага, или власти отца, или же отвергнуть послѣднимъ. Если принято, чтобы дѣти знатныхъ, имѣющіе извѣстный возрастъ, ѣхали на коняхъ триумфальной колесницы, то неужели ему не надлежало своими наградами украсить триумфъ отца, и слѣдовало, не смотря на участіе въ подвигахъ послѣдняго, уклониться отъ участія въ его триумфѣ? (12.) Для своего храбраго отца Мурену служилъ поддержкой въ опасностяхъ и утѣшеніемъ въ трудахъ; съ нимъ онъ раздѣлялъ радости побѣды. Если пребываніе въ Азіи дѣйствуетъ деморализующимъ образомъ, то Муренѣ дѣлаетъ честь то, что онъ, находясь въ Азіи, прожилъ въ ней скромно. Поэтому слѣдовало бы ставить въ упрекъ Муренѣ не имя Азіи, благодаря которой онъ создалъ славу своей фамиліи и извѣстность своему роду, а себѣ почетное имя, но какойнибудь постыдный порокъ, если бы онъ усвоилъ его въ Азіи. То, что онъ служилъ во время величайшей войны, какую только велъ тогда римскій народъ, характеризуетъ его доблесть, а то, что онъ служилъ подъ предводительствомъ своего отца, характеризуетъ его какъ хорошаго сына; а что онъ принималъ участіе въ подвигахъ отца, которые увѣнчались побѣдой и триумфомъ, изъ этого можно видѣть, что счастье къ нему благосклонно. Злорѣчію, по крайней мѣрѣ, здѣсь нѣтъ мѣста: вездѣ видимъ только то, что заслуживаетъ похвалы.

(13.) Катонъ называетъ Л. Мурену скоморохомъ. Ядовито сказано, если только справедливо; если же ложно, то это злая клевета. Ты, Маркъ, зная, какъ авторитетны твои слова, не долженъ былъ бы употреблять уличную брань или у шутовъ заимствовать неприличныя выраженія: неужели консула римскаго народа можно назвать скоморохомъ? Ты бы сначала обратилъ вниманіе на то, какіе пороки, кромѣ этого, должны быть свойственны человѣку, котораго можно обвинить въ скоморошествѣ. Ни одинъ порядочный человѣкъ, если

только онъ въ здоровомъ умѣ, не станетъ плясать ни на наединѣ ни на скромной пирушкѣ, среди честной компаніи. Пляска—спутница чувственныхъ удовольствій и имѣетъ мѣсто только на разгульныхъ и роскошныхъ пирахъ. Нападая на то, что составляетъ неизбѣжный результатъ крайней порочности, ты однако не указываешь на то, безъ чего вышеупомянутый порокъ нельзя представить: ты не приводишь примѣровъ ни позорныхъ пирушекъ, ни ночныхъ прогулокъ, ни чувственныхъ удовольствій, или чрезмѣрной его расточительности. Не находя въ жизни Мурены того, что называется чувственными удовольствіями и пороками, не будучи въ состояніи уличить его распущенности, ты думаешь открыть въ немъ хоть тѣнь ея.

(14.) Итакъ, судьи, совершенно ничего нельзя сказать худого о жизни Л. Мурены. Я защищаю его какъ человѣка, въ которомъ нѣтъ ничего ложнаго, нѣтъ никакого корыстолюбія, вѣроломства или жестокости, и о которомъ вообще нельзя дурно отзываться. Дѣло, слѣдовательно, обстоитъ благополучно, фундаментъ защиты заложенъ; но защищая этого доблестнаго и безупречнаго мужа, мы еще не говоримъ о его заслугахъ — это я сдѣлаю потомъ, — но мы пока заставляемъ самихъ враговъ признать его невиновность.

Послѣ этого мнѣ легче приступить къ вопросу о достоинствахъ Л. Мурены, оспариваніе которыхъ составляетъ вторую часть обвиненія.

(15.) Я признаю, Сервій Сульпицій, знаменитость твоего рода, твое безкорыстіе, твою дѣятельность и прочія хорошія качества, съ которыми можно смѣло выступить кандидатомъ на консульство. Но я знаю, что и Мурена обладаетъ подобными же качествами и до того одинаковыми, что ими вы можете поспорить другъ съ другомъ. Ты отнесся съ презрѣніемъ къ роду Мурены и превознесъ свой. Если ты хочешь сказать, что никого нельзя причислить къ благородному роду, разъ онъ не патрицій, то ты, пожалуй, заставишь плебеевъ снова уйдти на Авентинъ. Есть также плебейскія фамиліи, славныя и

достойныя уваженія, и если прадѣдъ Мурены былъ преторомъ, равно какъ и дѣдъ его и отецъ, изъ которыхъ послѣдній послѣ преторства получилъ великолѣпный триумфъ, то этимъ онъ далъ сыну возможность безъ особенныхъ усилій добиться консульства: слѣдовательно, Мурена достигъ того, что долженъ былъ получить его отецъ.

(16.) Твое происхожденіе, Сервій Сульпицій, хотя и высоко, но оно извѣстно только людямъ ученымъ и знающимъ исторію, народу же и избирателямъ оно неизвѣстно. Отецъ твой былъ простымъ всадникомъ, дѣдъ тоже ничѣмъ не прославился. О твоёмъ знатномъ происхожденіи можно узнать только изъ старинныхъ лѣтописей, а народъ не знаетъ о немъ. Поэтому, за то, чего достигъ ты, благодаря своимъ личнымъ заслугамъ, я всегда причислялъ тебя къ нашему кругу (т. е. къ числу *homines novi*) и считаю тебя достойнымъ консульства, несмотря на твое происхожденіе отъ простаго всадника. Въ храброе Помпей, хотя онъ человекъ не знатнаго происхожденія, я всегда видѣлъ доблести не меньше, чѣмъ въ знатномъ М. Эмилиі: самому возвеличить свой родъ и передать потомкамъ знатность, которой самъ не получилъ отъ предковъ, (какъ это сдѣлалъ Помпей) или (какъ сдѣлалъ Скарръ) — возстановить своею доблестью почти уже угаснувшую извѣстность рода, — то и другое требуетъ одинаково большой энергіи и ума.

(17.) Хотя я полагалъ, что своими усиліями достигъ того, что незнатность рода не ставится въ упрекъ доблестнымъ мужамъ, однако многіе не могли возвыситься, хотя и ссылались не только на древнихъ доблестныхъ Куріевъ, Катоновъ, Помпеевъ, но и на недавнихъ (т. е. только что сошедшихъ со сцены) Маріевъ, Дидіевъ, и Целіевъ. Послѣ того, какъ спустя уже большой промежутокъ времени, я уничтожилъ преграду, отдѣляющую насъ отъ знати, такъ что доступъ къ консульству, какъ было и у нашихъ предковъ, сталъ открытъ столько же для доблести, сколько и для знатности, я не могъ думать, что обвинители будутъ указывать на незнатность происхожденія Мурены, когда этого знаменитаго мужа защищаетъ консулъ, сынъ римскаго всадника. Когда я искалъ консульства,

моими соперниками были двое патриціевъ, изъ которыхъ одинъ былъ крайне безчестный и дерзкій, а другой весьма скромный и достойный человѣкъ. Однако я побѣдилъ ихъ: одного изъ нихъ (Катилину) нравственными качествами, другого (Гальбу) своей популярностью. Если незнатность происхожденія и теперь ставятъ въ упрекъ человѣку, выдвинувшемуся своими заслугами, то у меня, конечно, не было недостатка въ завистникахъ и врагахъ.

(18.) Поэтому оставимъ говорить о знатности происхожденія, которымъ обладаетъ и тотъ и другой, и перейдемъ къ другому пункту обвиненія. Сульпицій говоритъ: «Мурена вмѣстѣ со мною домогался квестуры, а первымъ провозглашенъ былъ я». Стоитъ ли возражать на подобные доводы? Всякому извѣстно, что изъ нѣсколькихъ равноправныхъ соискателей первое мѣсто можетъ занять только одинъ; при томъ же, достоинство и провозглашеніе, такъ сказать, не однородныя вещи: провозглашеніе происходитъ по извѣстному порядку, а достоинство часто можетъ быть у нѣсколькихъ лицъ одинаково. Но квестуру обоихъ судьба сдѣлала въ нѣкоторомъ отношеніи одинаковой. Мурена по закону Тиція получилъ тихую и спокойную провинцію; а Сервій ту, по поводу которой обыкновенно отпускають шутки, когда она достается въ управленіе, именно—квестуру въ Остіи, не столько благодарную и пріятную, сколько хлопотливую и трудную. Квестура того и другого не вызывала толковъ въ народѣ, такъ какъ судьба не дала имъ возможности проявить свою доблесть.

(19.) Теперь сравнимъ остальное время дѣятельности Сервія и Мурины. Тѣмъ и другимъ оно проведено весьма различно. Сервій здѣсь вмѣстѣ съ нами несъ городскую службу: давалъ совѣты по юридическимъ дѣламъ, составлялъ формулы и документы, — словомъ, несъ службу, полную безпокойства и непріятностей: онъ изучалъ гражданское право, ему приходилось много бодрствовать и трудиться, быть защитой для многихъ, выслушивать отъ многихъ глупости, терпѣть надменное обращеніе и упрямство, жизнь свою располагать по желанію другихъ, а не по собственному. Но сознание, что одинъ рабо-

таешь въ той области знанія, которая принесетъ пользу многимъ, весьма пріятно; къ тому же это доставляетъ не малую славу.

(20.) Что же дѣлалъ между тѣмъ Мурена? Онъ служилъ въ качествѣ легата при храбромъ и опытномъ полководцѣ Л. Лукуллѣ. Онъ командовалъ войскомъ, сражался и разбивалъ огромныя полчища непріятелей, бралъ города то штурмомъ, то осадюю, — словомъ, такъ служилъ въ этой богатой и сластолюбивой Азіи, что не оставилъ тамъ и слѣда своей жадности или роскошной жизни; онъ отличился въ этой войнѣ и много славныхъ подвиговъ совершилъ одинъ безъ главнокомандующаго, а послѣдній, напротивъ, ничего не совершилъ безъ него. Хотя я говорю это въ присутствіи Лукулла, однако, не думайте, что послѣдній предоставилъ мнѣ свободу говорить о немъ, что угодно. Мои слова можно подтвердить официальными донесеніями Лукулла, въ которыхъ онъ такъ восхваляетъ Мурену, какъ не восхвалялъ бы соучастника въ славѣ какой либо честолюбивый и завистливый полководецъ.

(21.) Оба вы имѣете одинаковыя достоинства, и эти достоинства я счелъ бы одинаково похвальными. — Но Сервій нападаетъ на военную службу, смѣется надъ обязанностями легата и думаетъ, что консульство должно принадлежать человѣку, постоянно занимающемуся дѣлами форума. «Ты столько лѣтъ былъ при войскѣ», говоритъ онъ Муренѣ, «такъ долго не видалъ форума, и неужели теперь, явившись спустя столь продолжительное время, выступишь кандидатомъ на консульство наравнѣ съ тѣми, которые постоянно присутствовали на форумѣ?» — Но, Сервій, ты не знаешь, сколько скуки и даже отвращенія приносятъ иногда людямъ это наше постоянное пребываніе на форумѣ. Мнѣ, правда, оно принесло большую пользу, но я побѣдилъ это отвращеніе своими заслугами (можетъ быть, и ты также); однако ни одному изъ насъ не повредило бы наше отсутствіе.

(22.) Но возвратимся къ сравненію занятій того и другого. Какъ ты можешь, Сульпицій, сомнѣваться въ томъ, что достиженію консульства гораздо болѣе помогаетъ военная

слава, чѣмъ репутація хорошаго правовѣда? Ты бодрствуешь съ развѣта, чтобы давать совѣты своимъ кліентамъ, а онъ — чтобы скорѣе достигнуть цѣли похода; тебя будить пѣніе пѣтуха, а его — звукъ военной трубы; ты заводишь тяжebныя дѣла, а онъ вступается въ сраженія. Ты заботишься о томъ, чтобы не перехитрили твоихъ кліентовъ, а онъ — чтобы непріятель не напалъ врасплохъ на лагерь. Онъ умѣетъ задержать войска враговъ, а ты знаешь, какъ начать дѣло объ отводѣ дождевой воды съ земли твоего кліента; онъ заботится о расширеніи границъ государства, а ты — объ установленіи границъ полей. Да, говоря откровенно, военную доблесть нужно считать выше всего. Она доставила извѣстность римскому народу, сдѣлала на вѣки славнымъ нашъ городъ и покорила намъ весь міръ: всѣ эти наши городскія дѣла, эти пресловутыя наши занятія на форумѣ, и успѣхъ нашей дѣятельности, — все находится въ безопасности лишь подъ ея покровомъ. Но едва явится извѣстіе о тревогѣ, тотчасъ же наши занятія пріостанавливаются.

(23.) Такъ какъ ты, повидимому, относишься къ своему знанію права съ такой любовью, съ какой пристойно относиться развѣ только къ своей дочери, то я не позволю тебѣ болѣе оставаться въ такомъ заблужденіи, — считать чѣмъ-то особенно славнымъ это ремесло и такъ любить его. Я всегда считалъ тебя вполне достойнымъ всякой почетной должности, а также и консульства, за твои качества, какъ то: воздержаніе, строгость къ самому себѣ, справедливость, честность и проч.; относительно же твоего знанія права, хотя я и не могу сказать, что ты даромъ потратилъ время для изученія его, однако утверждаю, что это знаніе вовсе не пролагаетъ дороги къ консульству: занятія, которыми можно снискать расположеніе римскаго народа, должны имѣть въ себѣ извѣстное достоинство и пользу.

(24) Вездѣ уважаютъ людей, отличающихся воинской доблестью: они, вѣдь, защищаютъ и охраняютъ все, въ чемъ заключаются могущество и крѣпость государства. Эти люди безусловно полезны, такъ какъ, благодаря ихъ мудрымъ совѣ-

тамъ и рѣшимости, мы можемъ спокойно заниматься, какъ общественными, такъ и частными дѣлами.

Всѣ также цѣнятъ и придаютъ большое значеніе способности посредствомъ слова управлять сенатомъ, народомъ и судьями, и на выборахъ обращаютъ большое вниманіе на то, обладаетъ ли кандидатъ этой способностью: народу, вѣдь, желательно имѣть консуломъ такого человѣка, который могъ бы, при случаѣ, смирить рѣчью своей необузданныхъ трибуновъ, усмирить возбужденный народъ и помѣшать проведенію аграрныхъ законовъ. Неудивительно поэтому, если часто даже незнатные достигали консульства, обладая этой способностью, которая доставляетъ всеобщее расположеніе, дружбу и любовь. Ничего этого нѣтъ, Сульницій, въ вашемъ ремеслѣ.

(25.) Прежде всего, не можетъ быть достоинства въ столь мелочномъ знаніи: вѣдь предметы, съ которыми имѣетъ дѣло гражданское право, ничтожны: вы занимаетесь только разборомъ отдѣльныхъ буквъ и разстановкой словъ. Если эта наука и служила предметомъ удивленія для нашихъ предковъ, то съ открытіемъ вашихъ тайнъ, она была съ презрѣніемъ отвергнута. Было время, когда лишь немногіе знали, можно ли начать тяжebное дѣло, такъ какъ не имѣли судебного календаря. И юристы были тогда въ большой силѣ: у нихъ, какъ у астрологовъ, справлялись о дняхъ суда. Но вотъ нашелся одинъ писецъ, Кней Флавій, который, говоря пословицей, выклевалъ глаза у воронъ.*) Онъ предложилъ народу календарь съ указаніемъ судебныхъ и несудебныхъ дней, и, такимъ образомъ, похитилъ мудрость правовѣдовъ, которую послѣдніе такъ щтательно отъ всѣхъ скрывали. Досадуя на это и желая во всѣхъ судебныхъ дѣлахъ удержать свое вліяніе, они изобрѣли формулы, чтобы, такимъ образомъ, даже послѣ обнаруженія судебного календаря, ни одинъ процессъ не велся безъ ихъ участія.

(26.) Чтобы показать, какъ ведется какая-нибудь тяжба, можно привести такой примѣръ. Истецъ говорить: «Сабинскій

*) Т. е. обмануть самыхъ осторожныхъ.

участокъ принадлежит мнѣ». — «Нѣтъ, мнѣ», заявляетъ обвиняемый. Тутъ можно бы начать судебное слѣдствіе, но юристы еще не приступаютъ къ этому: истецъ долженъ сказать со словъ юриста: — «Я утверждаю, что участокъ, который находится въ полѣ, называемомъ Сабинскимъ, принадлежит мнѣ, по праву квинитовъ». Довольно многорѣчиво! Но что же дальше? — «Здѣсь, отъ преторскаго трибунала, я призываю тебя туда, на тяжebную землю, судиться со мною». Обвиняемый затрудняется, что отвѣтить такому многорѣчивому обвинителю. Тогда къ нему подбѣгаетъ, словно флейтистъ на сценѣ, тотъ же самый юристъ, и нашептываетъ ему: — «Откуда ты призвалъ меня судиться, оттуда и я, съ своей стороны, призываю тебя на судъ». Между тѣмъ, чтобы преторъ не остался слишкомъ довольнымъ своей ролью и не сказалъ бы чего-нибудь отъ себя, и для него сложили формулу, нелѣпую какъ вообще, такъ въ особенности въ слѣдующихъ словахъ: — «Присутствующимъ здѣсь свидѣтелямъ того и другого я предписываю итти на спорный участокъ. Ступайте!» Является и тотъ юристъ, который приглашаетъ начать путь. По слову претора: «Возвращайтесь!» они возвращались подъ руководствомъ того же лица. Я полагаю, что уже прежде казалось смѣшнымъ, что лицамъ, стоявшимъ предъ трибуналомъ претора, приказывали уходить для того, чтобы немедленно же возвращаться оттуда, куда они на самомъ дѣлѣ не уходили.

Такъ же нелѣпы и всѣ другія формулы: «Такъ какъ я вижу тебя предъ судомъ, то спрашиваю, хочешь ли ты доказать свое право собственности и можешь-ли сказать, на какомъ основаніи ты звалъ меня на судъ?»

(27.) Пока эти формулы скрывали, то по необходимости обращались къ тѣмъ лицамъ, которыя знали ихъ, но какъ скоро онѣ были обнародованы, рассмотрѣны и изслѣдованы, оказалось, что въ нихъ нѣтъ ни капли смысла, что все въ нихъ либо обманъ, либо глупость. Изъ того, что было установлено законами, юристы многое исказили и извратили своей изобрѣтательностью. Такъ, древніе установили, чтобы жен-

щины вслѣдствіе умственной незрѣлости находились подъ надзоромъ опекуновъ; а юристы выдумали родъ опекуновъ, отъ зависимости которыхъ женщины могли легко избавиться. — Предки не желали, чтобы погибали родовыя святыни; благодаря же юристамъ, женщины, вступая въ фиктивный бракъ со стариками, освобождали себѣ такимъ образомъ отъ обязанности почитать святыни. Наконецъ, во всемъ гражданскомъ правѣ они оставили въ сторонѣ справедливость и придерживались лишь буквы законовъ: они, напримѣръ, полагали, что всѣ женщины, вступающія въ бракъ посредствомъ соemptio (т. е. купли), должны называться Гайами, такъ какъ у какого то автора нашли это имя, приведенное, очевидно, для примѣра. Удивительно: какъ это столько умныхъ людей такъ долго не могли и даже теперь не могутъ рѣшить, должно ли назвать день третьимъ (tertius), или послѣзавтрашнимъ (perendinus), сказать судья (judex), или посредникъ (arbiter), дѣло (res), или тяжба (lis).

(28.) Такимъ образомъ, какъ я сказалъ, въ вашей наукѣ не можетъ быть никакого достоинства, такъ какъ она основана на положеніяхъ ложныхъ и не возбуждаетъ никакого интереса къ ея изученію. Можетъ ли быть пріятно то знаніе, которое открыто для меня и для моего противника? Вы уже потеряли не только возможность оказывать благодѣянія, но даже и то, что у васъ нѣкогда было: вѣдь къ вамъ уже не обращаются съ вопросомъ: «позвольте съ вами посоветоваться?» Никто не можетъ считаться мудрецомъ за то знаніе, которое не имѣетъ никакого значенія внѣ Рима, а также и въ самомъ Римѣ, когда наступаетъ затишье въ дѣлахъ, и тутъ никто не можетъ пользоваться преимуществомъ человѣка опытнаго, потому что въ томъ, что знаютъ всѣ, не можетъ быть никакого разногласія; нельзя также считать вашу науку трудной, потому что она заключается въ немногихъ и притомъ весьма доступныхъ книгахъ. Да вотъ, если вы будете настаивать на своемъ, то я, хотя и занятый человѣкъ, берусь черезъ три дня объявить себя правовѣдомъ! Вѣдь тѣ дѣла, которыя ведутся по конценту (de scripto), всѣ

записаны прежде и притомъ не такъ тѣсно, чтобы нельзя было присоединить вашей формулы «о чемъ ведется дѣло». Не трудно отвѣтить на то, зачѣмъ обращаются обыкновенно къ правовѣдамъ: если ты отвѣтишь то, что именно и нужно въ данномъ случаѣ, слѣдовательно, ты отвѣтишь не хуже самого Сервія; если же ты отвѣтишь иначе, то подумаютъ, что ты умѣешь толковать законъ въ другую сторону.

(29.) Да не только воинскую доблесть слѣдуетъ предпочитать всякимъ вашимъ формуламъ и жалобамъ, но даже умѣніе говорить для занятія почетной должности гораздо важнѣе вашихъ знаній. Мнѣ кажется, очень многіе изъ васъ сначала стремились сдѣлаться ораторами, но, когда не могли достигнуть этой цѣли, занялись изученіемъ права. Какъ среди греческихъ артистовъ тѣ играютъ на флейтѣ, которымъ не удалось сдѣлаться игроками на цитрѣ*), такъ и у насъ тѣ, которымъ не удалось сдѣлаться ораторами, обратились къ юридическимъ занятіямъ. Великъ трудъ оратора, искусство его трудно, но за то почетно и въ высшей степени пріятно. Вы, законовѣды, отыскиваете только какое-нибудь средство къ оправданію, а ораторы — доставляютъ самое оправданіе. Ваши отвѣты и постановленія часто во время рѣчи опровергаются и не могутъ быть приняты безъ защиты оратора. Я не сталъ бы такъ хвалить это искусство, если бы достаточно успѣлъ въ немъ; теперь же я разумѣю не себя, но великихъ ораторовъ прошлаго и настоящаго времени.

(30.) Есть два рода занятій, которыя могутъ возвести насъ на высшую степень почета: одно — военная служба, другое — ораторская дѣятельность. Ораторъ охраняетъ прелести мира, а полководецъ отражаетъ опасности войны. Всѣ добродѣтели, которыми ты такъ отличаешься, какъ то: справедливость, вѣрность своему слову, скромность и сдержанность, много, конечно, имѣютъ значенія сами по себѣ, но теперь мы разсуждаемъ не о врожденныхъ каждому добродѣтеляхъ, а о занятіяхъ, какія наиболѣе пригодны для консульской долж-

*) Съ игрою на цитрѣ соединялось искусство пѣнія.

развитіи женщинъ; въ Римѣ, рядомъ съ этимъ, заботились также о развитіи чувствъ и женственности». Въ томъ, что римская дѣвушка уже двѣнадцати лѣтъ можетъ выходить замужъ, Плутархъ видитъ сильную поддержку для нравственности.

Если радость собственнаго бытія для древнихъ, какъ и для насъ, была, конечно, самая общая, то она значительно еще усиливалась при рожденіи ребенка. Не говоря уже о томъ, что родители видѣли себя воплощенными и увѣковѣченными въ дѣтяхъ и такимъ образомъ считали цѣль брака вполне достигнутой, важно было еще и то, что государство бездѣтнымъ старцамъ и одинокимъ дѣвамъ не оказывало достаточнаго покровительства.

Въ Римѣ было время, когда цензоры обращали особенное вниманіе на старыхъ холостяковъ. Камиллъ и Постумій, цензоры 350 года до Р. Хр., принудили ихъ жениться на вдовахъ павшихъ на войнѣ солдатъ. Кто безъ достаточнаго основанія оставался неженатымъ, тотъ подвергался не только публичному позору, но иногда и денежной пенѣ, назначавшейся названными цензорами. Надо было заботиться о томъ, чтобы въ странѣ не было недостатка въ обитателяхъ, у государства — въ гражданахъ. Рожденіе дѣтей всегда вызывало чувство благодарности у родителей, и уже въ древнѣйшую эпоху его праздновали различными торжественными обрядами. Характеръ этихъ празднествъ всегда одинъ и тотъ же: пиршество, поздравленія и подарки, смотря по состоянію семействъ, играютъ при этомъ главную роль.

IV. Подкидываніе дѣтей. Первые дни жизни ребенка.

Мы говорили выше, что лозунгъ грековъ гласилъ: «прекрасный духъ въ прекрасномъ тѣлѣ». Если вѣрно, что характеръ мѣстности и климата имѣетъ большое вліяніе на природу человѣка, то не безразлично и то, что рѣдко какая-нибудь страна по формамъ жизни природы бываетъ столь разнообразна,

на тѣсномъ пространствѣ столь богата, какъ счастливая Эллада. Зубчатая, доходящая до облаковъ вершины горъ перемежаются глубокими долинами и обширными низменностями; вездѣ близко море, глубоко врѣзывающееся въ землю, образующее острова, ограничивающіе кругозоръ. Врядъ ли какой народъ лучше грековъ сумѣлъ пользоваться и наслаждаться радостями жизни. Представимъ себѣ свободу ихъ духа, изощренность ихъ остроумія, развитіе и совершенство ихъ искусства, или же и изнѣженность и роскошь, — они вездѣ и во всемъ виртуозы. Подкидываніе дѣтей было ужъ, конечно, не слѣдствіе пессимизма или религіозныхъ причинъ, какъ нѣкоторые думаютъ. Правило, что уроды, обезображенные и больныя дѣти не оставались въ живыхъ, было просто слѣдствіемъ свойственной имъ *καλοκάγδια*, обрекавшей на смерть все некрасивое. Да вѣдь отношеніе царицы боговъ, Геры, къ своему сыну Гефесту (II. XVIII, 395) могло служить для нихъ въ этомъ отношеніи примѣромъ.

Спартанское государство видитъ въ дѣтяхъ свою собственность и уже съ самаго начала врывается въ семью. Поэтому не отъ отца зависитъ разрѣшеніе вопроса, жить ли ребенку. Каждого новорожденного приносятъ въ домъ собранія и тамъ старшина той фило, къ которой принадлежитъ отецъ, изслѣдуетъ, годенъ ли ребенокъ или нѣтъ, на основаніи чего и рѣшается его судьба. Если комиссія находитъ, что ребенокъ неправильно сложенъ и слабоватъ, то его подкидываютъ, и только самое мягкое толкованіе разрѣшаетъ возложить воспитаніе такихъ несчастныхъ созданій на періэковъ. Обыкновенно ихъ выносили и бросали въ горное ущелье Тайгета, гдѣ они или умирали съ голоду, или съѣдались дикими звѣрями. При этомъ были неумолимы. Мольба несчастной матери была напрасна, даже если ребенокъ былъ ея первенецъ. Часто, вѣроятно, и сама мать стыдилась, что дала жизнь такому существу, и желала видѣть его мертвымъ.

Въ Аѣинахъ Платонъ, а за нимъ и Аристотель, устанавливаютъ правило, что искалѣченнаго ребенка не нужно воспитывать.

Нѣсколько мягче въ этомъ отношеніи поступаетъ Ромулъ, который, хотя и самъ онъ былъ подброшенъ, приказалъ воспитывать мальчиковъ всѣхъ, а изъ дѣвочекъ, по крайней мѣрѣ, перворожденныхъ. Вообще, въ Римѣ разрѣшалось подбрасывать только искалѣченныхъ и безобразныхъ дѣтей, да и то только съ одобренія пяти сосѣдей (Dionys. I, 15). Децемвиры разрѣшили подбрасывать всѣхъ искалѣченныхъ дѣтей безъ предварительнаго изслѣдованія, слѣдствіемъ чего впослѣдствіи явилось частое злоупотребленіе (См. Cic. de leg. III. 8, 19). На урода смотрѣли, какъ на несчастное предзнаменованіе гнѣва боговъ, и немедленно убивать такого ребенка значило еще поступать милостиво. Подбрасывали даже совершенно здоровыхъ и хорошо сложенныхъ дѣтей, и не только бѣдняки, но и такіе, которые не могли дать имъ надлежащаго воспитанія и боялись, что имъ нельзя будетъ достигнуть истинныхъ благъ человѣка. Даже богачи не гнушались этого преступленія. Когда имъ казалось, что у нихъ уже достаточно дѣтей, остальныхъ подбрасывали. Особенно этой участи подвергались дѣвушки. Мальчикъ, выросши, могъ самъ себѣ найти пропитаніе, а дѣвочка всегда требовала вѣрныхъ и значительныхъ расходовъ. Поэтому-то и говорится про Аѳины: «мальчика долженъ воспитывать и бѣднякъ, дѣвочку подбрасывать и богачъ» (Stob. serm. LXXVII, 7). Если эти несчастныя созданія не убивались и не погибали какимъ-нибудь другимъ образомъ, какъ въ Спартѣ, то обыкновенно передавали ихъ рабу, который выносилъ ихъ на большую дорогу и оставлялъ ихъ тамъ. Въ Римѣ особенно часто подбрасывали эти жалкія существа на овощномъ рынкѣ, гдѣ находилась *columna lactea* (молочный столбъ), надѣясь, что можетъ быть какой-нибудь сострадательный человѣкъ накормитъ ихъ молокомъ.

Многихъ подбрасывали также у дверей богатыхъ бездѣтныхъ людей. Но и участь этихъ дѣтей, даже если ихъ принимали, часто бывала весьма печальна, такъ какъ они въ качествѣ рабовъ должны были служить корыстолюбію и пышности своихъ господъ, и часто такимъ образомъ случалось, что топталось въ грязь всякое человѣческое чувство. Ихъ дѣлали калѣками

и заставляли собирать милостыню для своих воспитателей: «каждый долженъ былъ эксплуатировать свое несчастье, какъ искусство» (Sen. controv. 5, 33). Съ другой стороны, въ случаяхъ, когда потомство было желательно, представлялась возможность купли и подмѣны дѣтей (Dem. in Midam pag. 563; Aristoph. Thesmoph. 50, 159.). Платонъ и Аристотель не могутъ допустить, чтобы родилось больше дѣтей, чѣмъ сколько государство можетъ содержать. Впрочемъ, послѣдній не рѣшается прямо приказать подбросить дѣтей вообще въ такомъ случаѣ. Онъ все таки ограничивается подбрасываніемъ калѣкъ и уродовъ.

Въ Римѣ отецъ имѣлъ большую власть надъ своими дѣтьми. Онъ имѣлъ надъ ними полное право собственности и могъ поступить съ ними по произволу. Онъ по произволу могъ заключать ихъ въ темницу, посылать на тяжелыя работы въ деревню, отдавать ихъ въ залогъ и даже могъ продавать ихъ до трехъ разъ, если послѣ первой и второй продажи они опять попадались въ его руки. Отецъ имѣлъ власть надъ жизнью и смертью сына, пока онъ не эмансипировалъ его. Даже если сынъ занималъ уже государственную должность, авторитетъ отца ставился выше авторитета этой должности. Брутъ, основатель республики, судилъ своихъ сыновей какъ отецъ, а остальныхъ заговорщиковъ какъ консуль.

Сообразнѣе съ природой и поэтому правильнѣе понимали эти отношенія греческіе законодатели, которые признавали отцовскую власть до извѣстнаго возраста — или до женитьбы, или до занесенія сына въ гражданскіе списки, и поэтому ограничили ее такъ, что отецъ имѣлъ только право прогнать сына изъ своего дома и лишить его наслѣдства. Правда, общественное мнѣніе и въ Римѣ осуждало всякую излишнюю строгость, но только во 2 столѣтіи по Р. Хр. эта patria potestas была ограничена государственной властью.

О первоначальной участи новорожденнаго мы узнаемъ слѣдующее. Послѣ первой ванны нѣжное существо заворачивается въ пеленки и платки (*σπάργανα*), — обычай, отъ котораго, конечно, отказывалась спартанская система закаленія

новорожденного спартанскаго мальчика, рождавшагося часто на щитѣ; его привѣтствовали словами: ἦ τὰν ἦ ἐπὶ τὰν (или этотъ или на этомъ), чтобы сейчасъ же указать на его назначеніе. Первая ванна приготовлялась не изъ воды, а изъ вина, что и впоследствии еще частенько повторялось, такъ какъ думали, что такую ванну могутъ переносить только крѣпкія и здоровыя дѣти (Plat. Лук. 16). Сейчасъ же послѣ осмотра мальчика упомянутой выше комиссіей онъ получалъ права гражданства. Затѣмъ ребенокъ передавался заботливой кормилицѣ, которая подъ главнымъ надзоромъ матери умѣло и тщательно ухаживала за нимъ, берегла его отъ изнѣживанія и другихъ слабостей, а также отъ извѣстныхъ, считавшихся вредными, вліяній, напр. отъ луннаго свѣта и т. д. Боязливость и плаксивость не терпѣлись, крикъ старались предупреждать, такъ какъ спартанецъ вообще не долженъ былъ кричать. Возлѣ кровати ставили лампу, чтобы ребенокъ привыкъ къ свѣту. Для разнообразія его часто оставляли одного, чтобы онъ привыкъ и къ этому.

Въ Аѳинахъ отецъ поднималъ новорожденного ребенка съ земли и этимъ обязывался воспитывать его; на пятый или седьмой день послѣ рожденія сѣни для мальчика украшались лаврами, для дѣвочекъ шерстью, и начинались ἀμφιδρόμια, четырехдневное празднество въ честь ребенка и матери. Въ первый день происходило очищеніе роженицы, состоявшее въ символическомъ омовеніи рукъ. Второй день назначался для освященія ребенка, причемъ акушерка, предварительно очистившаяся омовеніемъ рукъ, нѣсколько разъ носила его вокругъ домашняго алтаря, почему этотъ день назывался δροσιἀμφιον ἦμαρ и само это дѣйствіе — ἀμφιδρόμια. На третій день приносилась благодарственная жертва, а на четвертый день или на десятый день жизни, δεκάτη, ребенку давалось имя, которое обыкновенно назначалось по соглашенію родителей. Обыкновенно брали имя отца или матери, дѣда или бабушки, заимствовали его отъ какого-нибудь бога или его атрибутовъ, или предоставляли рѣшеніе какимъ-нибудь случайностямъ (ср. милое изображеніе этого у Аристофана «Облака»

63 и сл.). И въ этотъ день происходилъ пиръ и приносилась благодарственная жертва, для чего приглашались друзья и родные, дарившіе ребенку игрушки изъ глины, кольца, серебряныя трубочки для письма, а матери — сосуды съ живописными изображеніями.

Въ Римѣ подобно тому, какъ и въ Аѳинахъ, ребенка тотчасъ послѣ рожденія клали передъ отцомъ, чтобы онъ или принялъ его, или отказался отъ него. Если онъ его поднималъ (*tollere, suscipere*), то онъ этимъ обязывался воспитывать его. На девятый день по рожденіи (*nundinae*) для мальчиковъ, а на восьмой для дѣвочекъ, происходила *lustratio*, и тогда же ребенку давалось имя. День этотъ назывался *dies lustricus, pominum*, и праздновался домашнимъ торжествомъ. При этомъ было въ обычаѣ дарить дѣтямъ разныя игрушечки-шарахтушечки (*strepundia*), что дѣлалось и въ день рожденія (Ter. Phorm. I, 1, 13). Плавтъ перечисляетъ нѣкоторыя такія вещицы: *ensiculus aureolus literatus* съ именемъ отца, *securicula aurea literata* съ именемъ матери, *duae connexae manicae*, *sucula argentea*, *aurea lunula et anulus aureus*. Эти вещицы дѣти носили на шеѣ и онѣ назывались *strepundia* потому, что, будучи сдѣланы изъ металла, шарахтѣли. *Ономадесія* предшествовала записыванію въ гражданскую книгу въ храмѣ Луцины, причемъ за мальчиковъ уплачивался *quadrans*, за дѣвочекъ *sextans*. Императоръ Антонинъ издалъ приказаніе, чтобы каждый гражданинъ въ теченіе 30 дней объявлялъ о рожденіи ребенка *praefecto aegarii* Сатурна.

Въ Римѣ, по крайней мѣрѣ въ древнѣйшую пору, мать считала за честь самой кормить и воспитывать ребенка и совершенно одной ухаживать за нимъ. Иногда бралась и старая родственница, испытанной и образцовой нравственности, которой довѣрялись младшіе члены семьи. Впослѣдствіи, правда, и въ Римѣ дѣти передавались греческой кормилицѣ, которой для услуживанія назначался особый рабъ или рабыня.

V. Воспитаніе въ первомъ возрастѣ.

Аристотель дѣлитъ воспитаніе на три главныхъ періода, каждый по 7 лѣтъ. Первый періодъ обнимаетъ первыя 7 лѣтъ жизни, второй — время до начала половой зрѣлости, третій — до 21 года жизни. Относительно перваго періода онъ предписываетъ, чтобы дѣти до пяти лѣтъ ничему не учились, а играли, чтобы они рано привыкли къ дѣятельности и впослѣдствіи презирали бы праздность. Но для этого игры должны имѣть сходство съ занятіями, которымъ юношѣ и мужу впослѣдствіи придется посвятить себя (Polit. VII, 17). Послѣ пятаго года ребенокъ въ продолженіе двухъ лѣтъ долженъ прислушиваться и присматриваться, а съ семи до четырнадцати лѣтъ отрокъ долженъ учиться и заниматься легкими тѣлесными упражненіями; слѣдующіе три года юноша долженъ заниматься музыкой, а затѣмъ до 21 года болѣе тяжелыми тѣлесными упражненіями и діалектикою.

Для кормленія ребенка и ухода за нимъ, какъ сказано было уже выше, прибѣгали къ помощи кормилицы или няни (τιτθή, τιθήνη, τροφός, также μάτα. Od. XIX, 482, по-латыни nutritrix). Уже въ древнихъ эллинскихъ мифахъ боги и богини имѣютъ кормилицъ, а у Гомера кормилица всегда является въ кругу семейства, сопровождаетъ даже взрослыхъ дочерей и сыновьямъ дома еще въ старые годы бываетъ вѣрной и надежной слугой (Od. XV, 416 sq). Въ историческое время она отличается отъ няни (τροφός). Такъ какъ римлянки, по крайней мѣрѣ въ древнѣйшую эпоху, сами кормили дѣтей, то nutritrix, можетъ быть, была то же самое, что и τροφός, и исполняла обязанности няни. Впослѣдствіи слово nutritrix обозначаетъ то, что обозначается двумя греческими словами: τιτθή и τροφός. Кормилицами почти всегда были рабыни, и въ Аѳинахъ существовалъ даже законъ, воспрещавшій атическимъ гражданамъ служить кормилицами. Тѣмъ не менѣе за дѣтьми ухаживали столь же умѣло и заботливо, какъ если бы это дѣлали сами матери. Чужестранныхъ, даже варварскихъ рабынь обыкновенно предпочитали туземнымъ, думая, что тѣ не ста-

нуть изнѣживать дѣтей. Но намъ сообщаютъ, что греческія семьи очень желали, чтобы эти рабыни-кормилицы приняли эллинскіе нравы и обычаи. Лакомянка считалась наилучшей кормилицей, и Плутархъ (Лук. 16) очень расхваливаетъ ее за то, что она заботится о предоставленіи дѣтямъ возможности вполнѣ свободнаго развитія; особенное предпочтеніе лаконскимъ кормилицамъ оказывали въ Аѳинахъ. Говорятъ, что Амикла, кормилица Алкивіада, была также лаконянка. Въ Римѣ, въ императорскій періодъ, кормилицы набирались преимущественно изъ гречанокъ.

Кормилица убаюкиваетъ ребенка. Колыбель древнихъ обыкновенно плетенная изъ ивы и имѣетъ форму корыта (*σκαφή*). Подобную плетенную колыбель въ формѣ башмака, съ ручками по обѣимъ сторонамъ, удобную для перенесенія съ мѣста на мѣсто, имѣлъ и Гермесъ. Обыкновенная форма, вѣроятно, была круглая. Деревянные колыбели, безъ сомнѣнія, уже рано вошли въ употребленіе, но ими пользовались только свободнорожденные. Маленькая кровать должна быть легко подвижна, но не требуется непременно колыбель; кормилица можетъ качивать ребенка и на рукахъ. При убаюкиваніи она поетъ колыбельныя пѣсни (*βουκαλήματα, καταβουκαλήσεις*), о которыхъ упоминаютъ Платонъ и Аристотель.

Главная обязанность кормилицы, конечно, кормленіе ребенка. Для этого она разжевываетъ и даетъ ему кашкообразныя кушанья, смѣшанныя съ медомъ, и при этомъ, какъ шутили греки, больше всего съѣдаетъ сама. Между прочимъ къ обязанностямъ кормилицы и няни принадлежитъ и то, чтобы она знала средства противъ чарующей силы дурнаго глаза, который можетъ быть опасенъ для дѣтей. Напугиваніе дѣтей въ древности очень распространено. Называются какія то Морμώ, Μορμολύχη, Γοργώ, Λάμια, Ἐρπούσα, Ἀχχώ и т. д. Дѣтямъ, имѣющимъ нѣсколько лѣтъ отъ роду, въ комнатѣ няни рассказываются и первыя бабьи сказки (*μῦθοι γράων*), и Платонъ обращаетъ особенное вниманіе матерей и нянекъ на то, чтобы производился разумный выборъ сказокъ, чтобы не повредить нѣжной душѣ ребенка (Rep. II, 377).

Кормилица, далѣе, должна заботиться о внѣшности своего питомца, объ одеждѣ: должна одѣвать и раздѣвать, умывать и причесывать его. Особенно внимательно въ Аѳинахъ ухаживали за волосами, которые искусственно завивались въ локоны и скрѣплялись надъ лбомъ драгоцѣннымъ гребнемъ.

Положеніе кормилицы въ Греціи вообще и особенно въ Аѳинахъ и ея отношеніе къ семьѣ были лучше, чѣмъ можно было бы думать по ея зависимости отъ хозяевъ. Сердечно любя своего питомца, она, безъ сомнѣнія, часто и въ немъ вызывала чувства искренней любви. Можно думать, что типъ няни Ореста у Эсхила (Choeph. 734 sq.) взятъ поэтомъ изъ жизни. Уже и въ древности признавали вѣрное значеніе характера окружающихъ ребенка въ первые годы жизни и значеніе первыхъ впечатлѣній, глубоко врѣзывающихся въ мягкую дѣтскую душу, и потому нѣкоторые писатели рекомендуютъ величайшую осторожность и бдительность при выборѣ няни и вообще лицъ, которыя должны прислуживать дѣтямъ. Уже Солонъ говоритъ, что сыну или дочери не слѣдуетъ улыбаться, чтобы позже не приходилось плакать, хотя и излишнюю строгость онъ считаетъ вредной и пагубной.

Главный надзоръ за дѣтьми до извѣстнаго возраста имѣла мать. Она принимаетъ участіе въ дѣлѣ воспитанія, не только умиrotворяя, но и наказывая. Часто, правда, она слегка относилась къ своей обязанности и по возможности сваливала ее съ себя. Въ такомъ случаѣ кормилица и педагогъ были главными надзирателями ребенка. Главное образовательное средство ихъ — рассказы. Хотя до насъ не дошли такіе рассказы, характеръ ихъ намъ извѣстенъ. Большею частію содержаніе ихъ миеологическое. Особенно популярна была исторія Амура и Психеи. Впрочемъ, уже въ древности иногда негодуя указывали на то, что многіе изъ этихъ рассказовъ безнравственны. Уже Ксенофонтъ указывалъ на то, что у Гомера и Гезіода есть безнравственныя мѣста. Рядомъ съ этими рассказами, эпизоды изъ животнаго эпоса служили духовною пищею дѣтей перваго возраста.

Отец въ первые годы жизни ребенка не заботился о воспитаніи его; въ Аѳинахъ для отца даже считалось неприличнымъ участвовать въ дѣтскихъ играхъ. Въ Римѣ и Спартѣ отцы еще больше выдвигаютъ наружу свою строгость и серьезность, хотя и рассказываетя о томъ, какъ спартанскій царь Агезилай игралъ съ своими дѣтьми въ лошадки. Вообще, однимъ изъ главныхъ воспитательныхъ факторовъ въ эти годы служили игры. Въ нихъ въ древности видѣли средство для приготовленія къ жизни, къ пробужденію дѣятельности, образецъ серьезности. Поэтому въ играхъ такъ характерически выражаются черты отдѣльныхъ народовъ. Если игры спартанскихъ дѣтей заимствованы главнымъ образомъ изъ области войны и имѣли цѣлью закаленіе, то аѳинскія обнимаютъ бѣльшую область и даютъ больше свободы, а въ Римѣ практиковались особенно игры, въ которыхъ отражалась правовая жизнь. На великое значеніе игръ какъ воспитательнаго средства указываетъ уже Платонъ. По его мнѣнію игры должны состоять преимущественно въ подражаніи войнѣ и борьбѣ и игратья всегда опредѣленно, одинаково, а не произвольно. Произволь при играхъ дѣлаетъ юный духъ склоннымъ къ новшествамъ, которыя могли бы даже сдѣлаться опасными для государства. (Leg. VIII, 829; VII, 797). По играмъ Платонъ узнаетъ склонности своихъ будущихъ гражданъ, а также способность и ловкость въ какомъ-нибудь отношеніи (Leg. VII, 794; Вер. III, 412; IV, 441). «Дѣти никогда не могутъ и не должны быть праздны, иначе они помышляютъ дурное», говоритъ Аристотель.

Характерно для великаго значенія дѣтскихъ игръ то, что серьезный пифагорецъ Архитъ считается изобрѣтателемъ дѣтскихъ тарахтушекъ (πλατάγη), и рассказываютъ, что философъ Анаксагоръ тоже былъ сторонникомъ игръ и придавалъ имъ большое педагогическое значеніе. О различныхъ видахъ игръ, часто весьма сходныхъ съ употребляемыми у насъ, подробно говоритъ Грасберггеръ. (См. предисловіе.) Любимыми игрушками служили изображенія животныхъ: лягушки, обезьяны, черепахи, зайца, утки,

а также деревянныя колясочки, кожаные домики и кораблики, изображенія боговъ и женщинъ. Дальше въ качествѣ игрушки пользовались различными сосудами, вазами и кувшинами; любили кататься верхомъ на палочкахъ. Играли также въ гладиаторы, въ жмурки, прятали и отыскивали глиняные черепки, играли орѣхами въ «четъ или нечетъ», любили также игру въ кости. Дѣвушки такъ же, какъ у насъ, играли куклами (*хораи*) изъ глины или воску, болѣе или менѣе изящно разрисованными, а иногда и одѣтыми. Естественно также, что дѣти очень любили всякія животныя, какъ собаки и кошки.

Особенно любимыми подарками для дѣтей были: зайцы и кролики, птицы, какъ напр. гуси, соколы, лебеди, голуби и другія мелкія птицы. И перепелъ вслѣдствіе своей ссорливости доставлялъ дѣтямъ много удовольствія; такъ же охотно держали и пѣтуховъ, считая образовательною для юношества борьбу пѣтуховъ, которая устраивалась разъ въ годъ.

VI. Воспитаніе въ отроческомъ возрастѣ.

Наказанія.

До шестого или седьмого года дѣвочки и мальчики находились совмѣстно подъ надзоромъ кормилицы или няни. Затѣмъ дѣти раздѣляются по полу. Для мальчиковъ наступаетъ время собственно воспитанія, т. е. школьнаго ученія, внѣ дома, чѣмъ мать и присмотрщицы, вѣроятно, не разъ уже стращали рѣзваго и шаловливаго мальчика, стараясь урезонить его, между тѣмъ какъ дѣвочкамъ дается дальнѣйшее воспитаніе, по нашимъ понятіямъ, правда, довольно скудное, дома, подъ женскимъ присмотромъ. Платонъ говоритъ: «Человѣкъ самое кроткое животное, если хорошее воспитаніе соединяется съ хорошими природными склонностями. При дурномъ

воспитаніи онъ дѣлается самымъ необузданнымъ существомъ на землѣ». Аристотель выражается почти такъ же: «какъ человѣкъ, сдѣлавшись тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ сдѣлаться, есть наилучшее изъ всѣхъ живыхъ существъ, такъ безъ закона и права наивреднѣйшее. Не только дѣти нуждаются въ руководствѣ, но и взрослые.»

Поэтому первая задача состоитъ въ томъ, чтобы въ мальчикѣ подавить прирожденные ему звѣрскія, дикія наклонности, сдѣлать изъ него чистый, благородный сосудъ для воспріятія драгоценнаго содержанія знаній, выработать въ ребенкѣ надлежащее расположеніе и подготовку къ ученію. Эта-то сила, необходимая мальчику, какъ опора и руководящая нить, которая въ будущемъ должна направлять его, но и оберегать отъ всякихъ ошибокъ, есть *σωφροσύνη*. Она обнаруживается въ стыдливости и застѣвчивости, въ надлежащемъ и благопристойномъ поведеніи (*εὐχοσμία*), и можетъ быть признана за центръ, вокругъ котораго группируются всѣ остальные добродѣтели, какъ условіе достиженія милости боговъ и расположенія людей. Вѣжливость и изысканное обхожденіе, благоразуміе и благопристойность у эллиновъ считались по преимуществу драгоценнымъ украшеніемъ гражданъ на столько же, какъ знанія и умѣнья. «Менѣе важнѣе отстаивать дѣтямъ деньги, чѣмъ стыдливость», говоритъ Платонъ, а Аристотель замѣчаетъ: «молодые люди должны быть стыдливы, тамъ какъ они, находясь подъ властью страстей, часто заблуждаются, но стыдливостью могутъ быть удерживаемы».

Что для грековъ *σωφροσύνη*, то для римлянъ *modestia* и *rudor*. Умѣренность и добропорядочность, честность и храбрость, благоразуміе и послѣдовательность, — вотъ качества, на которыхъ основается *gravitas* римскаго гражданина. Скромность и повиновеніе ученика, спокойная серьезность и терпѣніе родителей, — вотъ первыя надежныя и испытанныя средства образованія. Уже въ древности пользовался признаніемъ принципъ, къ сожалѣнію, и нынѣ все еще недостаточно проникшій въ сознаніе родителей, что для успѣшнаго обученія желательно и даже необходимо, чтобы семья и школа шли

рука объ руку, содѣйствуя другъ другу. Если нѣтъ этого, то со стороны учителей и педагоговъ слѣдуютъ горькія жалобы на безуспѣшность всѣхъ ихъ стараній. Учитель Орбилій въ книгѣ *Περὶ αλλαγῆς* («Многострадальный») изображаетъ небрежность и несправедливость родителей въ этомъ отношеніи. Кромѣ того у древнихъ обращается особое вниманіе на гармоническое воздѣйствіе всѣхъ воспитательныхъ факторовъ въ самомъ домѣ. Всѣ члены семьи должны содѣйствовать другъ другу, все должно быть согласовано и направлено къ установленію домашней дисциплины. Какъ было сказано уже, мать первая должна служить хорошимъ примѣромъ, не говорить ни одного нехорошаго слова и никому не разрѣшать произносить таковое въ присутствіи дѣтей, строго наказывать всякую непристойность. Она не отказываетъ мальчику въ содѣйствіи при приготовленіи школьныхъ уроковъ, а помогаетъ ему, разъясняетъ не вполне понятое, исправляетъ ошибки и особенно заботится всегда о благородномъ, чистомъ, античномъ способѣ выраженія. По мнѣнію Квинтиліана и Хризиппа даже при выборѣ няни слѣдуетъ обращать столько же вниманія на ея произношеніе и дикцію, сколько на ея нравственность. Древніе римляне руководствовались испытаннымъ предложеніемъ — *exempla trahunt*. Отецъ и мать должны служить дѣтямъ примѣромъ (Ср. *Hor. Sat. I, 1, 105 sq.*). Аристотель предостерегаетъ отъ дурныхъ рѣчей, какъ отъ непристойныхъ сочиненій и картинъ. Примѣры и обхожденіе съ прекрасными людьми составляютъ неоцѣнимое упражненіе для юношей. Для укрѣпленія нравственныхъ принциповъ въ школѣ и дома, при чтеніи и преподаваніи, выставлялись образцы великихъ мужей и предковъ юношей. Въ Римѣ, въ древнѣйшую эпоху, мальчикъ могъ рядомъ съ своимъ отцомъ сидѣть въ сенатѣ во время засѣданія. Къ этому присоединялись еще торжества при похоронахъ и то, что молодыхъ людей отдавали къ мужамъ съ признанными заслугами въ *contubernales*.

Если спросить, какими воспитательными средствами пользовались древніе, чтобы сдѣлать изъ своихъ мальчиковъ достойныхъ гражданъ, то отвѣтъ будетъ таковъ: въ общемъ всѣ

тѣ средства, которыя и мы примѣняемъ еще нынѣ, только съ тѣмъ различіемъ, что то или другое средство въ томъ или другомъ государствѣ было особенно излюблено.

Особенно высоко ставилась выработка навыковъ, на что выше уже было мимоходомъ указано по отношенію къ Аѳинамъ и Риму.

Навыкъ, по мнѣнію Пифагора, можетъ довести человѣка до нравственнаго чувства и оберегать его отъ злоупотребленія свободою. По мнѣнію Аристотеля, онъ единственная надежная основа для всѣхъ позднѣйшихъ воздѣйствій въ воспитаніи, и Платонъ замѣчаетъ: «заставляя и приучая ребенка дѣлать что-нибудь опредѣленнымъ образомъ потому, что родители и старшіе такъ поступаютъ, что оно нравственно и соотвѣтствуетъ правиламъ, мы доводимъ ребенка до того, что онъ всегда дѣлаетъ добро». Представимъ себѣ результаты выработки навыковъ въ нашихъ современныхъ военныхъ училищахъ, и мы будемъ имѣть приблизительную картину того, какое дѣйствіе то же самое средство производило въ древнемъ военномъ государствѣ, въ Спартѣ. Мальчики тамъ семи лѣтъ отдавались въ казармы и находились здѣсь подъ режимомъ государственной дисциплины. Ихъ по возрасту дѣлили на отдѣлы (*ἄλαι*), соединявшіеся въ бѣльшіе отряды (*βοῦαι, ἀγέλαι*), и предводительствуемые юношами (*εἰρένες*), подъ наблюдениемъ которыхъ они бѣльшую часть дня проводили въ тѣлесныхъ упражненіяхъ. Государственные чиновники и старшіе граждане постоянно присутствовали и имѣли главный надзоръ за играми и упражненіями. Эта совмѣстная жизнь должна была повести къ тому, чтобы они научились чувствовать себя членами одного цѣлаго, одного государственнаго организма съ общими интересами. Каждый гражданинъ во всѣхъ мальчикахъ видѣлъ своихъ собственныхъ сыновей, и мальчики въ каждомъ взросломъ видѣли отца. «Порядокъ — душа всякой дѣятельности», — это принципъ, который высоко ставимъ и мы.

Второе важное воспитательное и учебное средство — повиненіе родителямъ и учителямъ. Какое важное значеніе

придавали повиновенію, показываетъ особенно примѣръ спартанцевъ. «Странникъ, возвѣсти лакедемонянамъ, что мы легли на полѣ битвы, послушные законамъ», — вотъ простая надгробная надпись на могилѣ трехъ сотъ, павшихъ въ борьбѣ противъ Ксеркса у Фермопильскаго прохода. Довольство, повиновеніе и храбрость, — вотъ основы спартанскаго государства, основы правильнаго воспитанія, основы его существованія. Думали, что самая строгая дисциплина создаетъ наилучшихъ людей, и самое строгое принужденіе — самыхъ крѣпкихъ (Thuk. I, 84). И Аристотель считаетъ повиновеніе необходимымъ качествомъ юношей и основою нравственнаго воспитанія, безъ котораго не можетъ быть навыка къ добру.

Когда почтенія къ воспитателямъ и наставленія оказывается недостаточно, то приходится прибѣгать къ болѣе строгимъ воспитательнымъ средствамъ, къ порицанію и наказанію. Не стѣснялись прибѣгать и къ тѣлесному наказанію. 'Ο μὴ δαρεῖς ἀνδρῶπος οὐ παιδεύεται — «человѣкъ, котораго не бьютъ, не воспитывается». Палка у древнихъ часто пускалась въ ходъ, какъ дома, такъ и въ школѣ. Ее часто примѣняли даже по отношенію къ 18-лѣтнимъ эфебамъ въ гимназіяхъ. Кромѣ родителей и ихъ замѣстителей, право на тѣлесное наказаніе имѣли еще педагоги, учителя, грамматисты, педотрибы и гимназіархи, чѣмъ и объясняется, почему дѣти боялись школы. Говорятъ, что Діогенъ первый усвоилъ себѣ привычку постоянно имѣть при себѣ палку, на которую онъ раньше, какъ выздоравливающій, опирался. Особенную роль палка играла у спартанцевъ. Если мальчики дурно вели себя или были непослушны, то въ права свои вступали *ματιτοφόροι*, которые своими кнутами наказывали ихъ. Всѣ воспитатели имѣли безусловное право наказанія, начиная отъ педонома и кончая помощникомъ-надзирателемъ изъ числа юношей; конечно, это право имѣли и всѣ граждане. Жалобы на наказанія не разрѣшались, и если бы мальчикъ пожаловался своему отцу, что какой-нибудь гражданинъ слишкомъ жестоко обошелся съ нимъ, то, навѣрное, былъ бы строго наказанъ еще и отцомъ. Никогда старшіе граждане не позволяли себѣ упре-

кнутъ въ присутствіи мальчиковъ юношу-надзирателя, слишкомъ строго наказавшаго кого-нибудь, а дѣлали это наединѣ, чтобы не пострадалъ авторитетъ юноши. И у римлянъ часто примѣнялся «скипетръ педагоговъ». Вообще, при преподаваніи были чрезвычайно строги и примѣняли самыя строгія мѣры. Палкою часто били учениковъ по рукамъ и пальцамъ. Марціалъ жалуется на крикъ и колоченіе элементарныхъ учителей. Палка и розга (*fegula, virga*) считались еще мягкимъ средствомъ наказанія въ сравненіи съ кнутомъ и острой ременной плетью, часто снабженной узлами и остріями. Изъ Горація мы знаемъ учителя Орбилія, введшаго въ своей школѣ родъ военной дисциплины. Только значительно позже начинаютъ высказываться за болѣе мягкую дисциплину; такъ Квителианъ—противникъ тѣлесныхъ наказаній; онъ считаетъ порицаніе и выговоръ достаточнымъ средствомъ для улучшенія ученика. Сенека выражаетъ желаніе, чтобы больше склонились на сторону кротости. Платонъ дѣлаетъ различіе между свободными и несвободными; по его мнѣнію для первыхъ достаточно ваставленій и предостереженій, для рабовъ необходимы болѣе строгія средства.

Кромѣ упомянутыхъ воспитательныхъ средствъ, часто и особенно охотно прибѣгали къ возбужденію честолюбія похвалами и наградами. Если гомеровское *αἶψα ἀριστεύειν καὶ ὑπεύροχον ἔμμενα ἄλλων* считалось священнымъ предписаніемъ всѣми греками вообще и перешло у эллинскаго народа въ плоть и кровь, то между греками спартанцы отличались тѣмъ, что они особенно ставили высоко эти средства и пользовались ими, чтобы побудить своихъ юношей къ славнымъ подвигамъ. Честолюбіе здѣсь служитъ стимуломъ не только для юношей, но и для всѣхъ гражданъ вообще. Почести, высокія почести ожидали добрыхъ и храбрыхъ, позоръ и позорное униженіе — низкихъ душою и трусливыхъ. Присутствующіе при упражненіяхъ мальчиковъ и юношей граждане всегда высказывали похвалу или порицаніе тому, что видѣли. Чтобы похвалѣ и порицанію придать еще бѣльшее значеніе, при общественныхъ играхъ, на которыхъ юноши являли свою силу и ловкость, дѣвушки должны были хвалебными пѣснями прославлять по-

П. Бракенгеймеръ.

Школьные рѣчи.

(Изъ книги М. Планка „Schulreden“.)

Предисловіе.

Въ приводимыхъ школьныхъ рѣчахъ начальникъ учебнаго заведенія обращается къ воспитанникамъ, родителямъ, къ большому, хотя все-таки ограниченному, кругу друзей школы и ученія. Онъ говоритъ въ предѣлахъ дома своего откровенно и вмѣстѣ съ тѣмъ — довѣрчиво. Онъ не боится открыто высказать свои воззрѣнія и принципы, не боится подѣлиться своимъ опытомъ и наблюденіями. Говоря же въ своемъ и о своемъ, онъ въ правѣ разсчитывать и на нравственную поддержку; потому-то онъ позволяетъ себѣ говорить все то, что волнуетъ его душу, въ полной увѣренности, что высказываемое имъ послужитъ правдѣ и вмѣстѣ докажетъ, что онъ не говоритъ необдуманно. И такія бесѣды въ обществѣ учениковъ не проходятъ незамѣченными. Правда, изъ всего контингента учащихся данной гимназіи, или школы вообще, не всѣ воспитанники въ одинакой степени могутъ обнять идеи и усвоить мысли: только старшіе, быть можетъ, классы въ надлежащей мѣрѣ способны вникнуть въ сущность приводимыхъ сужденій; младшіе же ученики будутъ имѣть о томъ лишь нѣкоторое понятіе, — держаться тѣхъ отдѣльныхъ фактовъ, какіе они наилучше поймутъ. Да и этого достаточно, ибо то, что взято изъ практики школьной жизни, не остается безъ извѣстно учащемуся міру.

А для воспитателей идея—подѣлиться мыслями—имѣетъ очевидное значеніе.

Хоть разъ въ году побесѣдовать съ родителями о школѣ и учащихся — имѣетъ для стоящаго во главѣ учебнаго заведенія неоспоримую важность.

Обыденные разговоры съ родителями касаются почти исключительно частныхъ вопросовъ и происшествій, обстоятельство вѣшняго, такъ сказать, порядка: рѣдко, очень рѣдко приходится вникать внутрь учащихся.

Вотъ и хорошо, значить, если предоставляется вѣдающимъ воспитаніе подрастающаго поколѣнія дѣлать общія наблюденія, которыя въ нижеслѣдующихъ рѣчахъ сообщаются. И учителя, какъ и родители, не преминуть, естественно, наблюдать дѣтей школьнаго возраста до одинаковой точки зрѣнія.

При этомъ важно, разумѣется, выставить разницу между школой и домомъ, стараясь коснуться школьной сферы со всѣхъ ея сторонъ, въ особенности — по отношенію ея къ эпохѣ, времени.

Всѣ приводимыя за этимъ рѣчи въ «Гимназіи» имѣють цѣлью показать, что и какъ надлежитъ наблюдать въ школьной средѣ и къ чему стремиться въ области просвѣщенія.

I. Работа въ школѣ.

Насталъ конецъ учебнаго года, и сегодняшнее торжество имѣетъ цѣлью придать ему достойное и присущее дѣлу заключеніе. Говорятъ, что тамъ, гдѣ совершается совокупное дѣйствіе умственныхъ силъ цѣлаго общества образованныхъ людей, всегда является процессъ взаимнаго возбужденія, переменнаго даванія и полученія, и, если мы, учителя, надѣемся, что въ протекшемъ году расширили знанія своихъ учениковъ, подвинули ихъ умственное развитіе на нѣсколько ступеней, очистили ихъ нравственные взгляды, укрѣпили ихъ религіозныя чувства, то, съ другой стороны, мы чувствуемъ, что сношеніе съ учениками намъ самимъ дало множество новыхъ побужденій и поощреній.

Въ настоящемъ случаѣ конецъ учебнаго года даетъ намъ поводъ принять во вниманіе какъ нашу работу надъ учениками, такъ и работу учениковъ нашихъ. Мнѣ всегда казалось и еще кажется, что особеннымъ преимуществомъ нашего учительскаго званія является то обстоятельство, что работа, совершаемая нами въ теченіе учебнаго года, такъ ясно измѣрена и заключена въ такія опредѣленныя границы. Зная цѣль, которую надо достигнуть, ясно видя предъ собою дорогу, которую требуется пройти, мы при окончаніи извѣстнаго срока можемъ себѣ дать ясный отчетъ, насколько мы достигли назначенную цѣль. Правда, это не примѣнимо ко всѣмъ возрастамъ, а наблюдается преимущественно въ младшихъ и среднихъ классахъ, гдѣ учебный матеріалъ назначенъ съ такой опредѣленностью, отдѣльныя ступени знанія такъ рѣзко отдѣлены другъ отъ друга и успѣхъ совершается съ такой опредѣленной постепенностью. По моему, вся прелесть преподаванія въ этихъ младшихъ классахъ именно и состоитъ въ томъ, что мы, послѣ извѣстнаго времени, въ состояніи видѣть плоды своей работы, что съ окончаніемъ учебнаго года заканчивается какъ бы и извѣстный урокъ. Въ нѣкоторомъ отношеніи, конечно, то же можно сказать и о старшихъ классахъ. Тутъ являются новыя дисциплины, расширяющія кругъ

знаній по различнымъ направленіямъ, раньше начатыя предметы продолжаются и заканчиваются. Но не въ этомъ суть.

Главное и существенное есть то, что знаніе уже знакомаго все болѣе выясняется, углубляется, что все, что является новаго, незнакомаго, служить не только расширенію и усовершенствованію уже заученнаго, но все болѣе и болѣе развертываетъ предъ глазами учащагося внутреннее свое существо и превращается въ умственную собственность, въ вѣчную, неутрачиваемую принадлежность. Съ этой мыслью, имѣя въ эту окончательную цѣль, мы и занимаемся чтеніемъ классиковъ. Вводя нашихъ учениковъ въ различіе нарѣчій, указывая имъ грамматическія особенности различныхъ писателей, разъясняя имъ ритмическія формы и законы античной поэзіи и, равнымъ образомъ, формы и художественность античной риторики и частью естественно, частью искусственно составленный размѣръ прозаическаго изложенія вообще, давая имъ возможность болѣе углубляться какъ въ образованіе и формы словъ, такъ и въ историческое развитіе синтаксическихъ правилъ: мы вводимъ ихъ въ сущность и постепенное образованіе языка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ таинственнѣйшую и первоначальнѣйшую дѣятельность человѣческаго ума, въ тѣ слои, гдѣ сознательная и бессознательная дѣятельность, соединившись, проявили величайшіе и удивительнѣйшіе успѣхи, гдѣ темный, но непобѣдимый духъ стремленія къ формѣ, предметности, побуждалъ народы еще въ въ раннѣйшемъ, дикомъ состояніи къ умственной дѣятельности, которая представляетъ удивительную противоположность къ еще мало облеченнымъ въ умственные представленія формамъ ихъ внѣшней жизни. Кто хочетъ знать, кто хочетъ себѣ составить представленіе о томъ, насколько человѣкъ въ своемъ первобытномъ состояніи проявилъ свой высшій разумъ, тотъ пусть представитъ себѣ его, создающимъ рѣчь, возводящимъ свои чувственные воззрѣнія въ представленія, выводящимъ общее изъ частнаго, овладѣвающимъ шагъ за шагомъ, посредствомъ живой рѣчи, всѣми богатствами умственныхъ отношеній, представляющихся ему какъ во внѣшнемъ

мірѣ, такъ и во внутренней его жизни. Какое изобиліе умственной жизни должно было уже существовать, когда въ языкѣ и рѣчи стали проявляться лишь первые задатки развитія. Въ самомъ дѣлѣ, ни одинъ умственный подвигъ въ позднѣйшей жизни человѣчества, какъ великъ бы онъ ни казался, не можетъ сравниться съ сотвореніемъ языка и рѣчи. Языкъ — великое умственное твореніе человѣка, и знать языкъ значитъ знать также и человѣка — не такимъ, какимъ мы обыкновенно узнаемъ его въ жизни — съ его страстями, заблужденіями, но и не такимъ, какимъ показываетъ намъ его наука — съ различіемъ взглядовъ, въ противоборствѣ мнѣній, а во всей чистотѣ своего великаго и священнаго призванія, видя въ немъ мыслящее существо.

Когда мы нашимъ маленькимъ ученикамъ въ первый разъ даемъ въ руку латинскую грамматику, мы не можемъ имъ сказать, въ видѣ побужденія къ ея изученію, что удостаиваемъ ихъ, несмотря на малый ихъ возрастъ, разсмотрѣнія и изученія величайшаго творенія человѣческаго ума. Но этого совѣмъ и не надобно говорить, ибо твореніе это и безъ нашего поощренія выказываетъ надъ ними свою силу и подкупаетъ ихъ молодые умы. Чѣмъ же иначе можно бы объяснить ту радость, съ которой они усваиваютъ этотъ, какъ обыкновенно говорятъ, столь сухой матеріалъ, что ни одинъ предметъ ихъ такъ не прельщаетъ испытать свои силы, что всякій успѣхъ въ немъ доставляетъ имъ такое удовольствіе? Навѣрное тѣмъ лишь обстоятельствомъ, что усвоеніе языка, и именно этого языка, есть ихъ первый умственный подвигъ; многое можетъ быть воспринято одной памятью, многое также можетъ быть заучено: здѣсь же не довольно этого, здѣсь на первомъ планѣ надо — думать. Эту-то радость о совершеніи извѣстнаго подвига мысли, объ умственномъ приобрѣтеніи они чувствуютъ въ малѣйшемъ успѣхѣ.

Такова уже природа человѣка, что онъ, достигнувъ своей цѣли, уничтожаетъ орудія, служившія при достиженіи ея. Такъ, на пути умственнаго образованія человѣка является время, когда онъ о грамматикѣ, въ обыкновенномъ смыслѣ

этого слова, и слышать больше не хочетъ. Если бы онъ вспомнилъ, чѣмъ онъ сталъ, благодаря лишь ей, онъ бы назначилъ ей, по крайней мѣрѣ между отставленными вещами, почетное мѣсто. Однако, если мы и въ правѣ обвинить его въ неблагодарности, мы не слишкомъ должны порицать его. Вѣдь, что можетъ стоять на собственныхъ ногахъ, не нуждается болѣе въ чужой подпорѣ. Грамматика научила человѣка думать, правильно думать и правильно говорить, она сдѣлала его способнымъ понимать все, что думали другіе, и какой необъятный міръ мыслей развернулся предъ нимъ, благодаря ей. Мы ничего не отказываемъ молодымъ ученикамъ нашимъ, мы не стѣсняемъ ихъ стремленій къ знанію, мы только желаемъ, чтобы взрослая молодежь наша искала бы всюду умственной пищи, гдѣ можно отыскать ее, мы предоставляемъ вкусамъ и наклонностямъ ея свободное поле дѣйствія, если только эти вкусы и наклонности направлены къ благороднымъ умственнымъ цѣлямъ. Но какъ же объяснить тогда то обстоятельство, что мы приковываемъ въ продолженіе всего учебнаго періода жизни мысли нашихъ учениковъ преимущественно къ одному предмету — къ сочиненіямъ древнихъ? На это мы можемъ отвѣтить другимъ вопросомъ: чѣмъ объяснить, что древній Гомеръ, или Софокль служатъ намъ до сихъ поръ примѣрами поэтической изобрѣтательности, что краснорѣчивость древнихъ не достигнута ужъ болѣе въ позднѣйшія времена, что исторія какого-нибудь Фукидида или Тацита около образцовыхъ твореній новѣйшаго искусства не только вполне сохранила первоначальную свою цѣнность, но даже превосходитъ ихъ особенными, свойственными лишь ей, преимуществами? Развѣ мы не превзошли тѣ времена какъ нашими мыслями и нашей жизнью, такъ и науками и культурой вообще? Да, конечно, мы превзошли ихъ во многомъ, но далеко не во всемъ, и въ особенности въ одномъ мы даже не достигли ихъ: въ творческой силѣ ума.

Всюду, гдѣ существуетъ изобиліе творческой силы ума, являются произведенія, которыя, хотя и носятъ на себѣ отпечатокъ своего времени, однако обладаютъ переживающей всѣ времена величественностью и силою, такъ что становятся об-

щей принадлежностью всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Греко-римская эпоха дала намъ множество такихъ произведеній, носящихъ на себѣ характеръ неувыдаемой величественности, въ то время какъ, съ другой стороны, время, въ которое они были созданы, представляетъ счастливый періодъ молодости человѣческаго рода, тотъ періодъ времени, когда люди начинаютъ сознать свои умственные способности, когда они, испытывая свои силы, находятъ ихъ достаточно великими, чтобы ими понять умственное содержаніе жизни, и когда сознаніе этой силы родитъ въ нихъ великую, чистую радость. Великое и неувыдаемое, окруженное красотой и миловидностью вѣчной юности — вотъ сущность древнихъ классиковъ. Со-всѣмъ неудивительно, что мы часто бываемъ поражены наивностью выраженій, иногда даже дѣтской простотой ихъ изреченій; вѣдь они еще должны были справиться съ мыслями, должны были найти разницу между важнымъ и не важнымъ, существеннымъ и несущественнымъ, для нихъ такъ многое было ново и значительно, что не можетъ болѣе занимать развитый нашъ умъ. Иной въ наше время можетъ вообразить себя умнѣе древнихъ, можетъ почувствовать желаніе критиковать ихъ и, вслѣдствіе ложнаго своего превосходства надъ ними, можетъ почувствовать себя побужденнымъ думать о нихъ низко, говорить о нихъ съ пренебреженіемъ. Но это — заблужденіе, и зоркій глазъ, здравый разумъ въ состояніи привести его опять на путь истины. Великое богатство мыслей древнихъ классиковъ такъ ясно, такъ удобопонятно даже и для молодого мыслителя, что никто, кто не противостоитъ насильно, не можетъ уклониться отъ могучаго его воздѣйствія. Постепенно принимать въ себя это богатство, внутренно его перерабатывать, обогащать имъ свои собственныя мысли — вотъ задача нашихъ взрослыхъ учениковъ. Это уже работа, за которой нельзя слѣдить и наблюдать, какъ за работой младшихъ; результаты этой работы не имѣютъ такой опредѣленной формы, однако тоже довольно ясно показываютъ, что было сдѣлано и произведено. Какъ ученики относятся съ этой свободной, не заключенной въ извѣстные уроки и задачи дѣя-

тельности — отъ этого зависятъ существенные успѣхи ихъ въ научномъ мышленіи. И если испытаніе, которымъ заканчивается школьный періодъ, требуетъ извѣстнаго количества положительныхъ знаній въ различныхъ предметахъ, то, во всякомъ случаѣ, знанія эти не служатъ общей мѣрой для опредѣленія ихъ умственного развитія. Школа даетъ своимъ воспитанникамъ на путь жизни не свидѣтельство ихъ знаній, а почетное свидѣтельство ихъ умственного развитія, свидѣтельство зрѣлости ихъ ума, способнаго принять и переработать всякаго рода науки, способнаго научнымъ образомъ обсуждать всякій предметъ.

Въ этомъ-то и состоитъ та таинственная, но сильная связь, связывающая насъ съ учениками и, какъ мы надѣемся, учениковъ съ нами. Мы наблюдаемъ за умственнымъ развитіемъ нашихъ учениковъ, начиная съ того момента, когда приняли ихъ изъ рукъ родителей; насъ одинаково интересуютъ спокойное, непрерывное теченіе его у даровитыхъ и частыя помѣхи и замедленія, являющіяся у менѣе надѣленныхъ умственными способностями. Мы знаемъ, что у перваго рода учениковъ не все, чего они достигаютъ, должно быть приписываемо ихъ личной заслугѣ, ибо высшее дарованіе облегчаетъ многія трудности ученія. Потому малѣйшій успѣхъ этихъ менѣе способныхъ заслуживаетъ наше полное признаніе, и мы радуемся всей душой, когда такой ученикъ преодолеваетъ неблагоприятное къ нему отношеніе природы силой своей воли, когда онъ, благодаря своей настойчивости и усерднымъ своимъ стараніямъ, поднимается все выше и выше и, наконецъ, достигаетъ одаренныхъ своихъ товарищей. Награды, которыя мы раздаемъ, очень немногочисленны, и потому лишь немногіе избранные могутъ быть награждены ими. Дарованіе, трудолюбіе и сила воли должны соединиться, чтобы доставить ученику эту честь. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ наградъ для скромныхъ заслугъ, которыя въ тихомъ, тяжеломъ трудѣ шагъ за шагомъ овладеваютъ своей работой и лишь съ страшнымъ напряженіемъ достигаютъ того, что другіе присваиваютъ себѣ шутя. Однако мы имѣемъ возможность узнать эти заслуги и оцѣнить ихъ. И, если мы и не можемъ наградить ихъ вѣшными знаками

почета, которые составляютъ, не безъ основанія, радость нашей молодежи, то мы тѣмъ болѣе оказываемъ имъ тотъ родъ признанія, который цѣнностью своей превосходитъ внѣшній: мы вмѣсто награды даемъ имъ наше уваженіе.

То же и въ нравственномъ отношеніи. Однихъ прирожденныхъ склонности влекутъ къ добру, которое другіе присваиваютъ себѣ лишь послѣ тяжелой борьбы. Мы не только учителя, мы и воспитатели и хранители нравственности; наша задача состоитъ въ томъ, чтобы привести добротой или строгостью заблужденныхъ на путь истины. Но, выполняя нашъ долгъ, мы не должны забывать, что имѣемъ дѣло съ людьми, которые, какъ и всякій смертный, ошибаются на каждомъ шагу, что имѣемъ дѣло съ прирожденными худыми наклонностями, которыя силой пробиваютъ себѣ путь при каждомъ поводѣ; и, если мы высоко цѣнимъ ученика, который непоколебимо идетъ впередъ на пути истины, который исполняетъ нравственныя требованія, поставленныя школою, которыя въ сущности не что иное, какъ тѣ, которыхъ жизнь вообще требуетъ отъ человѣка, то мы не отказываемъ въ нашемъ уваженіи также и тому, у котораго мы замѣчаемъ стремленіе осилить природные свои недостатки.

Одного мы больше всего ищемъ въ нашихъ учениковъ во время ученія: это бодрость ума, живой интересъ ко всему, что имъ предлагаютъ, стараніе не только слушать преподаваніе, но и вникать въ него, раздумывать, рассуждать о немъ, работать и мыслить и превращать, такимъ образомъ, мертвую принадлежность въ умственную собственность. Преподаваніе въ школѣ имѣетъ одинъ большой недостатокъ: одинъ говорить со многими; говорить во время урока со всякимъ — невозможно даже и самому ловкому, самому опытному учителю. Отъ этого происходитъ то, что ученики имѣютъ возможность предаваться разсѣивающимъ мыслямъ или тупой пассивности. Первое худо, ибо постепенно отнимаетъ у ученика способность обращать вниманіе на одинъ предметъ и останавливаться на немъ нѣкоторое время, разсѣиваетъ мысли и разрушаетъ сосредоточенность, безъ которой всякое глубокое

пониманіе, всякое научное познаніе преподаваемаго невозможно. Второе еще хуже: оно усыпляетъ умъ, оно разслабляетъ силы его и отнимаетъ у него то, что составляетъ внутреннее его существо — его свободу (т. е. свободное, не прикрѣпленное ни къ какимъ внѣшнимъ границамъ, движеніе), и подчиняетъ его вялой тѣлесности.

Въ наше время часто жалуются на слишкомъ большое обремененіе учениковъ работами; это происходитъ обыкновенно отъ многочисленности учебныхъ предметовъ, и самый простой способъ устраненія этого недуга былъ бы слѣдующій: точно измѣрить не предписанные школою, второстепенные предметы сообразно силамъ и способности учениковъ и по возможности ограничить или вовсе устранить ихъ для болѣе слабыхъ. Что же касается главныхъ предметовъ, то работа надъ ними внѣ школы будетъ уменьшаться по мѣрѣ того, какъ работа въ самой школѣ будетъ становиться сильнѣе и плодороднѣе. Несомнѣнно, что тотъ ученикъ, который во время ученія напрягаетъ всѣ свои силы, который заучиваетъ, что можетъ быть здѣсь заучено, который старается возвысить работу ученія въ работу мысли, въ теченіе короткаго времени до того освоится съ предлагаемымъ предметомъ и изъ каждаго предмета извлечетъ такую сумму знаній и навыковъ, что домашнія его работы займутъ умъ сравнительно короткое время, и я бы желалъ предложить присутствующимъ здѣсь ученикамъ вопросъ по совѣсти, не должны были ли они добыть многое, можетъ быть, даже очень многое, посредствомъ частной работы, изъ того, что упустили пріобрѣсти въ школѣ.

Стремленіе къ знанію прирождено человѣку, и оно выражается у молодежи въ непосредственномъ влеченіи къ присвоенію и расширенію знаній. Смѣлость мысли должна быть добыта, какъ и смѣлость дѣйствія. Если намъ удастся возбудить въ нашихъ ученикахъ эту смѣлость мысли, то главная работа наша совершена. Тогда и сама наша работа принимаетъ высшій характеръ. Какъ различно чувствуетъ себя учитель по отношенію къ такому ученику, который выказываетъ живой, понятливый умъ, который живо мыслить и на вопросы отвѣчаетъ ясно, обдуманно и разсудительно, такъ что видно, что та понятливость,

которую учитель хочет только вызвать, уже существуетъ, благодаря душевной силѣ самого ученика, и къ такому, котораго лишь вопросы учителя заставляютъ пробудиться изъ его умственного сна; который только съ трудомъ произноситъ нѣсколько запутанныхъ словъ, являющихся провозвѣстниками еще болѣе запутанныхъ мыслей, которыя учитель съ большой потерей времени напрасно старается привести въ порядокъ. Какъ скуденъ кажется ему здѣсь человѣкъ! какъ отсталъ онъ отъ того, чѣмъ бы долженъ быть! что сдѣлалось съ той искрой божественнаго духа, которая дана ему самой природой и дѣлаетъ его способнымъ собственными силами подняться до высшихъ предѣловъ? За то другой: онъ представляетъ собою человѣка, хотя еще и не совершенно развитого, еще находящагося въ состояннн умственного роста, но человѣка, какимъ онъ назначенъ быть самой природой, какимъ онъ долженъ быть. «Такъ какъ человѣкъ — умъ, говорить одинъ изъ великихъ мыслителей, то онъ можетъ и долженъ считать себя достойнымъ высшаго; о величнн и могуществѣ своего ума онъ долженъ быть очень высокаго мнѣнн; а съ этой вѣрой даже и самое недоступное и твердое откроется предъ нимъ». Сообщая молодежи нашей это прекрасное изреченн, намъ нечего опасаться, что она возгордится своими мыслями и превознесетъ умственную свою силу выше, чѣмъ она это заслуживаетъ. Ибо въ предложенной имъ работѣ ученн содержится довольно вещей, которыя способны дать имъ много труда и работы и заставить ихъ скромно думать о своей силѣ. Но мы хотимъ ободрить ее, примѣняя эти, сказанныя для взрослой академической молодежи, слова и для нихъ, и относимъ содержанное въ нихъ обѣщанн, что не существуетъ такихъ твердыхъ, недоступныхъ вещей, которыя бы не поддались ихъ мысли къ ихъ юной умственной работѣ. Я говорю, мы хотимъ ихъ ободрить. Ибо надо имѣть храбрость, т. е. нравственную силу и силу воли, чтобы преодолѣть всѣ препятствн, которыя природа и внѣшняя жизнь противопоставляютъ работѣ мысли. Въ школѣ воспитанн къ нравственности и состоитъ преимущественно въ томъ, что тамъ прнучаютъ и ободряютъ

молодежь непоколебимо выполнять свои занятія по должности, не обращая вниманія на развлечения и возбужденія внѣшней жизни. Мы, конечно, не можемъ отрѣзать молодежь столицы отъ общественной жизни, окружающей ее, мы должны предоставить родителямъ провести въ этомъ отношеніи правильную границу, но мы также должны всегда напоминать ей о томъ, чтобы она не заблудилась среди этой не годной для ея возраста жизни, чтобы не искала въ ней высшаго удовлетворенія, чтобы не направляла своего ума на внѣшности, раньше нежели выполнить свою внутреннюю работу. И кто изъ старательныхъ юношей не почувствовалъ, какою силою, какою благодатью обладаетъ эта внутренняя работа? Она возвышаетъ его надъ низкимъ и пошлымъ, она одухотворяетъ всю его жизнь, его существо, она дѣлаетъ его годнымъ каждому, избранному имъ, званію, она учитъ его не разсматривать званіе это какъ доходное ремесло, а какъ высокую, священную цѣль жизни, но раньше всего она направляетъ его умъ на великое и общее и дѣлаетъ его способнымъ въ позднѣйшія лѣта дѣйствовать въ ихъ пользу по мѣрѣ своихъ силъ.

Теперь, въ концѣ учебнаго года, смотря на то, что было сдѣлано во все это время, что мы узнали посредствомъ наблюденій, мы смѣло можемъ сказать, что большая часть нашихъ учениковъ старалась выполнить эту важную работу. Если же это дѣйствительно такъ, то и мы, учителя, увѣрены, что не работали напрасно. Мы отпускаемъ теперь нашихъ учениковъ, однихъ на короткое время заслуженнаго отдыха, другихъ — на всегда для продолженія занятій въ другомъ мѣстѣ, для подготовленія къ будущему званію, — мы отпускаемъ ихъ изъ дисциплины училища на свободу академической жизни. Пусть они сдѣлаютъ намъ, нашему заведенію и самимъ себѣ честь тѣмъ, какъ они употребятъ эту свободу, тѣмъ духомъ, который они внесутъ въ академическую жизнь, — пустьони покажутъ, что мы воспитали и образовали ихъ для служенія наукѣ, и пусть докажутъ посредствомъ этой же науки, что они полезные члены общества.

Вышла из печати и поступила в продажу

новая книга:

К Р А Т К И Й
И С Т О Р И К О - Г Е О Г Р А Ф И Ч Е С К И Й
С Л О В А Р Ъ .

Пособіе при изученіи всеобщей и русской исторіи въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Составилъ Н. Веригинъ,

преподаватель Рыбинской гимназіи.

Тверь. Типографія Губернскаго Правленія. 1895. 161+Ш. Ц. 50 коп.

«Предлагаемое учебное пособие назначается въ помощь ученикамъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и имѣетъ цѣлю: 1) облегчить учащимся трудъ отысканія на картѣ и точнаго опредѣленія важнѣйшихъ географическихъ данныхъ, встрѣчающихся въ курсахъ всеобщей и русской исторіи, 2) научить ихъ наиболѣе правильному произношенію географическихъ именъ, которыя въ русской транскрипціи съ этою цѣлю снабжены удареніями, 3) возобновить въ ихъ памяти историческіе факты, удобно ассоціируемые по единству мѣста, и 4) содѣйствовать болѣе основательному и ясному пониманію ими территоріальнаго роста главныхъ культурныхъ государствъ». (Изъ Предисловія къ книгѣ).

Съ требованіями обращаться къ составителю или въ книжный магазинъ Г. А. Фалькъ въ Рыбинскѣ. Преподавателямъ, учебнымъ заведеніямъ и книгопродавцамъ — обычная уступка.

Цѣна 1 экземпляра книги, выписываемаго отъ составителя съ наложеннымъ платежомъ, 63 коп.

Съ Сентября мѣсяца 1895 года

БУДЕТЬ ИЗДАВАТЬСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

ОБЩЕДОСТУПНЫЙ

„ЖУРНАЛЪ ДЛѢ ВСѢХЪ“.

Журналъ будетъ выходить одинъ разъ въ мѣсяць, въ объемѣ 1¹/₂—2 печатныхъ листовъ, по слѣдующей программѣ, утвержденной г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ:

Календарныя свѣдѣнія. — Религіозно-правственный отдѣлъ: Разказы изъ исторіи церкви. Житія святыхъ. Жизнеописанія церковно-историческихъ дѣятелей. Описаніе монастырей, святыхъ и достопримѣчательностей. Сказанія и легенды. — Историческій и литературный отдѣлъ: Разказы изъ исторіи. Біографіи. Историко-литературныя очерки. Повѣсти, разказы и стихотворенія, оригинальныя и переводныя. Замѣчательныя случаи изъ жизни историческихъ дѣятелей и частныхъ лицъ. Анекдоты. Естественно-научный отдѣлъ. — Хозяйственный отдѣлъ: Полеводство. Огородничество. Садоводство. Скотоводство. Птицеводство. Пчеловодство. Домоводство. — Охота. — Кулинарный отдѣлъ. — Домашняя медицина. — Гигіена. — Библиографія и музыкальныя замѣтки. — Переписка съ читателями. — Частныя объявленія. — Рисунки, чертежи и портреты.

„ЖУРНАЛЪ ДЛѢ ВСѢХЪ“ ставитъ себѣ задачею съ одной стороны — дать занимательное чтеніе, которое въ то-же время могло-бы имѣть воспитательное и образовательное значеніе, съ другой — сообщить возможно больше практическихъ свѣдѣній, необходимыхъ для созданія у насъ лучшихъ способовъ домоводства и сельскаго хозяйства въ разныхъ его отрасляхъ.

Желая сдѣлать настоящее изданіе доступнымъ для всякаго, мы назначили за него самую умѣренную цѣну

ОДИНЪ РУБЛЬ

въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Подписка открыта и принимается въ С.-Петербургѣ: «Пушкинская скоропечатня» И. В. Цвѣткова, Пушкинская, д. 5 (третій домъ отъ Невскаго). Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ редакцію журнала: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. 82.

Редакторъ-Издатель Геникъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ 1895 г.
на политическое, литературное и историческое повременное издание:

Русская Бесѣда

(НА ГОДЪ: 6 РУБ., НА ПОЛГОДА: 3 РУБ.)

Въ вышедшихъ въ первомъ полугодіи шести книгахъ напечатаны, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Народное хозяйство съ точки зрѣнія нравственности и права. К. Одарченки. — Свобода, любовь и вѣра. Н. Аксакова. — О значеніи характера къ жизни народовъ. К. Толстого. — Естественный законъ въ духъ мірѣ. Проф. Г. Дрюмонда. — Евгений Онѣгинъ въ ист. значеніи типа. Арс. Веденскаго. — Замѣтки изъ тюремнаго быта П. Плетенева. — Памяти П. И. Шафарика. Проф. Пл. Кулаковскаго. — Къ столѣтію рожденія Гривоѣдова. А. Веденскаго. — Сельско-хозяйственное дѣло въ Россіи. Рцы. — По садамъ и огородамъ. С. О. Шарапова. — Топелуст, какъ поэтъ и публицистъ Г. Абова. — Зачатки раскатоличенія западнаго славянства. А. Волында. — Цанфа. Разсказъ К. Баранцевича. — Милордъ. Повѣсть Элизы Ожешко. — (пер. съ польскаго В. Лаврова) Золотая нитка. Э. Ожешко. — Черные дни. Разсказъ фельдшерницы. — Страшная казнь. Герцоговинская быль. — Забайкальскіе волки. В. Вельскаго. — Селяне женили монаха. Разсказъ В. Ррчевича. — Личное счастье. Разсказъ П. Папова. — Невольница Злата. Повѣсть изъ сербской народной жизни. — Георгій Конисскій, архіеп. Вѣлорусскій. О. Четыркина. — И. Д. Вѣляевъ. С. Гадзяцкаго. — Объ измѣненіи дух.-ак. устава. Проф. А. Гусева. — Объ отношеніяхъ политики къ стратегіи. П. А. Гейсмана. — Моск. гор. Кредитное Общ. въ наст. буд. и прошломъ. Б. И. Семеновича. — Культъ великаго въ исторіи Рцы. — Вселенскій патріархъ Анфимъ VII. — Абхазія. — Воленица Ирина Федосова (съ портретомъ и нотами). Зарубежное славянство: Прикарпатская Русь въ политико-національномъ и культурномъ отношеніяхъ *. — Праздникъ «славы» у Черногорцевъ. П. Ровинскаго. — Босн'я и Герцоговина. А. П. Липранди. — Положеніе дѣлъ въ Болгаріи: Герис-ова. — Сербія *. — Воряба съ мадырами угнетенныхъ народностей Венгріи. Давидовича. — Русско-буковинскіе дѣла *. — Политическое обозрѣніе: Объ армянскомъ вопросѣ. Лео. — Къ вопросу о Китайско-Японскомъ столкновеніи. И. Иловайскаго. — Россія, Китай и Японія. Черноморца. — Читраль и первые плоды Англо-Русской дружбы. Лео. — Вопросы внутренней жизни: Близжайшія задачи нашего покровительства. Д. Иловайскаго. — Орош.іе долей. Г. И. Аристова. — О нѣмецкомъ землевладѣніи въ Россіи. — Наша учащаяся молодежь. М. Т. — О рабочемъ днѣ. Гофитеттера. — О желѣзнодорожныхъ тарифахъ. — Стихотворенія. — Библиографія и критика и т. д. и т. д.

ВЪ БЕЗПЛАТНОМЪ ПРИЛОЖЕНІИ КЪ «РУССКОЙ БЕСѢДѢ»

„БЛАГОВѢСТЬ“

Напечатаны статьи: 1) Взглядъ отцовъ Церкви на изученіе греческихъ классиковъ Е. Апостолиди и 2) Галицкая митрополія. Церковно-историческое изслѣдованіе П. Д. Тихомірова.

Подписная цѣна: съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россіи: на годъ — 6 руб. на полгода — 3 руб. — Цѣна одной книги — 1 руб. Можно требовать высылки изданія съ наложеннымъ платежемъ. Новымъ годовымъ подписчикамъ высылается журиаль съ первой (январской) книги.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи «Русской Бесѣды», С.-Петербургъ, Троицкая ул., д. 18, въ Сиб. Славянскомъ Обществѣ, а также въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», Карбасникова, Попова и другихъ. Адресъ Редакціи «Русской Бесѣды»: С.-Петербургъ, Гороховая ул. № 15.

Издатели: А. В. Васильева, Е. А. Ездокимовъ и В. С. Драгомиреикій.
Редакторъ: В. Драгомиреикій.

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА НОВОЕ РОСКОШНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНИЕ**

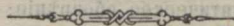
„ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ”

Йоганна Шерра,

въ двухъ объемистыхъ томахъ со множествомъ гравюръ и картинъ, печатанныхъ черною и цвѣтными красками, портретовъ, автографовъ, факсимиле и отдѣльныхъ приложений. Всѣ клише для этого прекраснаго изданія заказаны издателями для художественнаго выполненія въ Штутгартѣ (Германія). Переводъ сдѣланъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія подъ редакціей и съ примѣчаніями П. И. Вейнберга.

Отдѣлы русской и славянской литературы будутъ обработаны болѣе подробно и самостоятельно.

Изданіе будетъ выходить выпусками съ 15-го іюля 1895 г. и закончится весною 1896 г. Всѣхъ выпусковъ будетъ 20, что составитъ два большихъ тома около 1000 страницъ.

Подписная цѣна на всѣ 20 выпусковъ :

Съ доставкою и пересылкою . . . . . 8 руб.
Безъ доставки. . . . . 6 »

По окончаніи изданія цѣна будетъ повышена.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА НА СЛѢДУЮЩИХЪ УСЛОВІЯХЪ :

При подпискѣ до 1-го августа два рубля, а затѣмъ ежемѣсячно по одному рублю до уплаты полной стоимости.

Подписка принимается во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга и въ конторахъ объявленій Н. М. Печновской.

Г.г. иногородніе благоволятъ обращаться исключительно къ издателю книгопродавцу Д. В. Байкову, Москва, Никольская.

Издатели Д. В. Байковъ и Ко.

ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА „ГИМНАЗІЯ.“

Ф. Экштейнъ.

ПРЕПОДАВАНІЕ ЛАТИНСКАГО И ГРЕЧЕСКАГО ЯЗЫКОВЪ

Перев. подъ ред. Г. Янчевецкаго. Цѣна 3 руб.

В. Шрадеръ.

**ГИМНАЗІИ И РЕАЛЬНЫЯ УЧИЛИЩА.
ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ.**

Перев. подъ ред. Г. Янчевецкаго. Цѣна 3 р.

К. Негельсбахъ.

ГИМНАЗИЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА.

Перев. съ 3 изданія, Н. Кораблева.

I. Учитель. II. Дисциплина. III. Дидактика. — Цѣна 1 руб.

Г. Бржоска.

НЕОБХОДИМОСТЬ ПЕДАГОГ. СЕМИНАРІЙ ПРИ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.

Перев. подъ ред. Г. Янчевецкаго. Стр. 278. Ц. 1 р. 50 к.

А. Фогель.

ФИЛОС. ОСНОВАНІЯ ПЕДАГОГИИ.

(Локкъ — Кантъ — Гегель — Шлейермахеръ — Гербартъ — Бенке).

Цѣна 1 руб.

I. Винкельманъ.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА ДРЕВНОСТИ.

Перев. С. Шаровой, подъ ред. Г. Янчевецкаго.

Цѣна 3 руб.

Я. А. Коменскій.

Janua linguarum reserata.

ОТКРЫТАЯ ДВЕРЬ ЯЗЫКОВЪ.

Лат. текстъ съ русск. перев., статей о Коменскомъ и портр. Коменскаго.

Цѣна 1 руб.

Павсанія. Описаніе Еллады, или Путешествіе по Греціи во II в. по Р. X., перев. Г. Янчевецкаго. Ц. 5 р. — Содержаніе: Введеніе. Кн. I. Аттика. Кн. II. Коринѣика. Кн. III. Лавоника. Кн. IV. Мессинія. Кн. V. Илида А. Кн. VI. Илида В. Кн. VII. Ахаія. Кн. VIII. Аркадія. Кн. IX. Віотія. Кн. X. Фокида.

Ксенофонтъ. Полное собр. сочиненій, перев. Г. Янчевецкаго въ 5 ч. Ч. I. Анабазисъ. 1 р. 25 к. Ч. II. Воспоминанія о Сократѣ. 80 к. Ч. III. Киропедія. 1 р. 50 к. Ч. IV. Исторія Греціи. 1 р. 50 к. Ч. V. Мелкія статьи. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

Второе изданіе «Исторіи Греціи» печатается.

Содержаніе Мелкихъ статей (*Scripta Minora*): I. Пиръ. II. Апологія Сократа. III. Макед. государство. IV. Аѣнское государство. V. О хозяйствѣ. VI. Геронъ. VII. Агисилай. VIII. Доходы города Аѣинъ. IX. Гишпарахъ. X. О конницѣ. XI. Охота.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ НА

„Педагогическій Еженедѣльникъ“

съ бесплатнымъ приложеніемъ

ЕЖЕМЪСЯЧНАГО ЖУРНАЛА ФИЛОЛОГІИ И ПЕДАГОГІИ

„ГИМНАЗІЯ“

посвященнаго вопросамъ средняго образованія
мужскихъ и женскихъ уч. заведеній.

Годъ IX (1888—1896)

ПРОГРАММА „Пед. Еженед.“ и „Гимназій“

I. Прав. распоряженія. II. Научныя статьи по всеѣмъ предм. курса ср. уч. зав. III. Методика и дидактика всеѣхъ предм. курса ср. уч. зав. IV. Образц. уроки. V. Школьная гигиена. VI. Среднія уч. зав. за границей. VII. Общая педагогія. Ист. ср. уч. зав. Біографіи русск. педагоговъ. VIII. Критика и библиогр. IX. Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на 1 годъ 8 р., за гр. 10 р.; на 6 мѣс. 4 р., за гр. 5 р.; на 3 мѣс. 2 р., за гр. 3 р.; на 1 м. 75 к., за гр. 1 р.

Ученымъ Комитетомъ М. н. пр. журналъ «ГИМНАЗІЯ» признанъ заслуживающимъ **особенной рекомендаціи** для приобрѣтенія въ фонд. библиотеки мужск. ср. уч. зав. и для содѣйствія **возможно большому распространенію** между преподавателями сихъ заведеній. (Предложеніе Г. Министра Г.г. Попечителямъ учебн. окр. 28 февр. 1889 г. № 3899.)

Важнѣйшія изданія ж. „ГИМНАЗІЯ“:

- 1) **I. Винкельманъ.** Исторія искусства древности. Перев. подъ ред. Г. Янчевецкаго. Стр. VI+404. Ц. 3 р.
- 2) **Ф. Экштейнъ.** Преподаваніе латинск. и греческ. языковъ. Перев. под. ред. Г. Янчевецкаго. Стр. 358+132. Ц. 3 р.
Рекомендовано Уч. Ком. Мин. нар. пр. для приобрѣтенія въ фонд. библ. ср. уч. зав. (Ж. М. Н. Пр. 1-93. Апр.)
- 3) **В. Шрадеръ.** Гимназій и реальныя училища. Воспитаніе и обученіе. Перев. подъ ред. Г. Янчевецкаго. Стр. 472. Ц. 3 р.
Одобрено Уч. Ком. Мин. н. пр. для приобрѣтенія въ фонд. библ. ср. уч. зав. (Ж. М. Н. Пр. 1893. Янв.)
- 4) **К. Негельсбахъ.** Гимназическая педагогика. Стр. 117. Ц. 1 р.
Рекомендовано Уч. Ком. Мин. н. пр. для приобрѣтенія въ фонд. библ. ср. уч. зав. (Ж. М. Н. Пр. 1893. Янв.)
- 5) **Г. Бржоска.** Необходимость педагог. семинарій при университетахъ. Перев. под. ред. Г. Янчевецкаго. Стр. 278. Ц. 1 р. 50 к.
- 6) **А. Фогель.** Философ. основанія педагогіи. Стр. 134. Ц. 1 р.
- 7) **Н. А. Коменскій.** Janua linguarum reserata. Открытая дверь языковъ. Латинскій текстъ съ русск. перев., статьей о Коменскомъ и портр. Коменскаго. Стр. 113. Ц. 1 р.
- 8) **I. Spangenbergius.** Bellum grammaticale. Война въ латинской грамматикѣ. Пер. съ лат. Д. Янчевецкій. Ц. 50 коп.
- 9) **E. Fiedler.** Отношеніе французскаго языка къ латинскому. Перевелъ Д. Янчевецкій. Ц. 25 коп.
- 10) **Біологія** и христіанская педагогика въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Перев. съ нѣм. I. Регема. Ц. 50 коп.

Адресъ редакціи: Ревель.

Ред.-изд. Г. Янчевецкій.